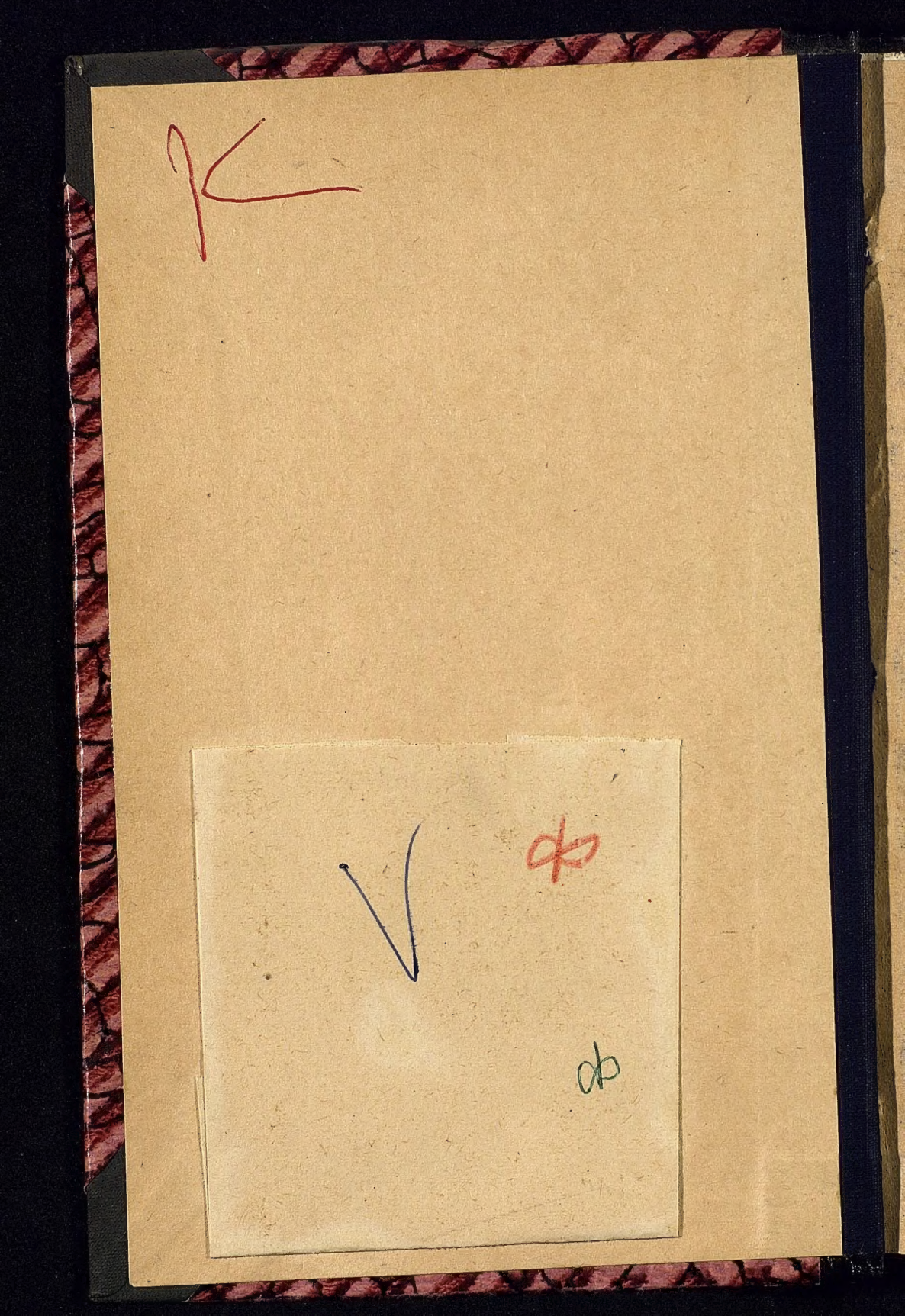
Б-6
К·18
7746

Н. В. КАМЕНСКІЙ
ЧЛЕНЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

I, пол. IV. 94.

# ВѢРОИСПОВѢДНЫЕ и ЦЕРКОВНЫЕ ВОПРОСЫ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ ТРЕТЬЯГО СОЗЫВА И ОТНОШЕНІЕ КЪ НИМЪ „Союза 17 Октября".

МОСКВА.
Типо-Литографія Е. Кудинова и К°, уголъ Большой Якиманки, домъ № 2.
1909



Б-6
К·18

П. В. КАМЕНСКІЙ.
ЧЛЕНЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

БИБЛІОТЕКА
Православнаго Богословскаго
Института, Москва
Инв. № 7746.

Б-б
К 18

# ВѢРОИСПОВѢДНЫЕ и ЦЕРКОВНЫЕ ВОПРОСЫ

## ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ ТРЕТЬЯГО СОЗЫВА,

## И ОТНОШЕНІЕ КЪ НИМЪ

## „Союза 17 Октября".

МОСКВА.
Типо-Литографія Е. Кудинова и К°, уголъ Большой Якиманки, домъ № 2
1909.

# Вѣроисповѣдные и церковные вопросы въ Государственной Думѣ третьяго созыва и отношеніе къ нимъ „Союза 17-го Октября".

## (Докладъ третьему Всероссійскому Съѣзду делегатовъ „Союза 17-го Октября").

---

I.

На протяженіи всей исторіи русскаго государства не было момента, когда бы вопросъ объ осуществленіи въ жизни христіанскаго начала свободы религіозной совѣсти ставился такъ опредѣленно и рѣшительно, какъ въ первые годы наступившаго XX вѣка. Въ этомъ не трудно убѣдиться всякому, кто познакомится съ ВЫСОЧАЙШИМИ актами послѣднихъ лѣтъ, касающимися религіозной области, кто прочитаетъ журналы Комитета Министровъ, начиная съ 1905 года, являющіеся нѣмыми, но достовѣрными свидѣтелями почтенныхъ и добросовѣстныхъ усилій высшаго государственнаго учрежденія осуществить въ жизни предуказанія МОНАРХА „объ охраненіи освященной основными законами терпимости въ дѣлахъ вѣры" и о дарованіи населенію самаго цѣннаго для нравственныхъ людей блага свободно, по совѣсти вѣровать, блага, освобождающаго человѣка отъ необходимости скрывать свои вѣрованія, блага, упраздняющаго практику лжи, лицемѣрія и помогающаго человѣку въ высшихъ запросахъ духа оставаться всегда искреннимъ, правдивымъ, честно слѣдующимъ голосу своего сокровеннаго убѣжденія.

Упомянутые ВЫСОЧАЙШІЕ акты, устанавливающіе въ нашемъ законодательствѣ открытое признаніе принципа свободы совѣсти, суть слѣдующіе: ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ 26-го февраля 1903 г., ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ Указъ 12 декабря 1904 г., ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ Указъ 17 апрѣля и ВЫСОЧАЙШІЙ Манифестъ 17 октября 1905 года. Предуказанныя въ

этихъ актахъ общія руководящія начала получили разъясненія при ихъ практическомъ осуществленіи, въ рядѣ всеподданнѣйшихъ докладовъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ и положеній Комитета Министровъ, удостоившихся ВЫСОЧАЙШАГО утвержденія. Среди послѣднихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ ВЫСОЧАЙШЕ Утвержденное Положеніе Комитета Министровъ 11 февраля 1905 года и ВЫСОЧАЙШЕ Утвержденный особый Журналъ Комитета Министровъ отъ 25 января, 1 и 8 февраля и 15 марта 1905 года.

Мы не считаемъ возможнымъ въ настоящемъ краткомъ докладѣ приводить въ подлинникѣ содержаніе этихъ важныхъ законодательныхъ памятниковъ, исходившихъ отъ МОНАРХА и получившихъ разработку въ исполнительныхъ учрежденіяхъ; желающіе ознакомиться съ ними, имѣютъ легкую возможность обратиться къ „полному собранію узаконеній“. Мы же ограничимся немногими ссылками, устанавливающими основную руководящую мысль этихъ законодательныхъ памятниковъ и будемъ придерживаться ихъ подлинныхъ словъ. Итакъ, всѣ эти историческіе акты выражаютъ „неуклонное душевное желаніе МОНАРХА охранять освященную основными законами терпимость въ дѣлахъ вѣры“ [1]), и ЕГО „сердечное стремленіе обезпечить каждому подданному свободу вѣрованія и молитвъ по велѣніямъ его совѣсти“ [2]). Затѣмъ въ нихъ свѣтится истинно христіанская мысль ГОСУДАРЯ: совершить „дѣло мира и любви“, которое послужитъ къ вящему возвеличенію православной вѣры, порождаемой благодатью Господнею, поученіемъ, кротостью и добрыми примѣрами“ [2]). Заканчиваются они торжественнымъ заявленіемъ МОНАРХА о его рѣшимости **„утвердить незыблемыя основы дѣйствительной свободы совѣсти“** [3]). Таковы основныя руководящія идеи, объединяющія наше новое религіозное законодательство, дѣйствующее въ настоящіе дни. Многимъ оно представляется неслыханнымъ новшествомъ. Но, если разсматривать его съ точки зрѣнія исторической преемственности, то мы должны признать, что въ этомъ новшествѣ слышится старина; слышится прежде всего благодатная старина первыхъ христіанскихъ временъ, когда право человѣка исповѣдывать и избирать какую угодно вѣру считалось его священнымъ и неприкосновеннымъ достояніемъ. Затѣмъ, обращаясь къ нашему русскому прошлому, нельзя не замѣтить, что совершившееся признаніе свободы совѣсти стоитъ на почвѣ традицій русской государственной мысли, какъ она выражается со временъ Петра Великаго и что это признаніе соотвѣтствуетъ укладу русскаго міросозерцанія. Говоря о нашемъ міросозерцаніи, слѣдуетъ имѣть въ виду, что русскій человѣкъ издавна носитъ въ себѣ способность уважать чужое вѣрованіе и не раздражаться отъ того, что религіозныя убѣжденія другихъ не совпадаютъ съ его собственными; онъ относится къ иновѣрамъ съ тою бла-

---

1) Указъ 12 декабря 1904 года, 6 п.
2) Указъ 17 апрѣля 1905 года.
3) Манифестъ 17 октября 1905 года.

гожелательностью, про которую можно сказать словами апостола Павла: „что она долго терпитъ, милосердствуетъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не раздражается, все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ“[1]). Такое отношеніе къ инако вѣрующему неправильно было бы объяснить религіознымъ индифферентизмомъ; послѣдній не даетъ еще патента на уважительное отношеніе къ чужимъ убѣжденіямъ: есть много людей, безразлично относящихся къ религіи, невѣрующихъ и тѣмъ не менѣе благосклонно расположенныхъ къ насиліямъ надъ человѣческой совѣстью. Терпимость русскаго человѣка въ дѣлахъ вѣры скорѣе можно объяснить тѣмъ, что въ его сознаніи въ извѣстной мѣрѣ уцѣлѣли истинные завѣты христіанскаго ученія, признававшаго свободу духа. Въ прошломъ надъ религіознымъ сознаніемъ русскаго человѣка не тяготѣла, какъ надъ его западнымъ собратомъ, политиканствующая Церковь безъ Евангелія, Церковь, „замѣнившая крестъ короной и разрушившая престолъ христіанскаго смиренія“. Русскій человѣкъ не былъ въ теченіе вѣковъ свидѣтелемъ возстановленія языческихъ идей и тенденцій въ христіанствѣ и въ меньшей степени чѣмъ на Западѣ онъ видѣлъ, какъ политики въ церковномъ облаченіи вносили свои поправки къ Божественному ученію Христа, поправки, направленныя къ утвержденію языческаго царства матеріальной силы, славы, внѣшняго блеска, а не христіанскаго царства духа. Вотъ одинъ изъ моментовъ нашего прошлаго, который позволилъ въ большой степени сохранить въ нашемъ міросозерцаніи чистоту Евангельскихъ идей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и христіанскую терпимость къ чужимъ вѣрованіямъ, религіямъ. Творенія нашихъ корифеевъ мысли въ религіозной области, творенія, напримѣръ, А. С. Хомякова, Аксакова, Соловьева, Достоевскаго и другихъ служатъ подлиннымъ выразителемъ широты и чистоты русскаго христіанскаго міросозерцанія. Обращаясь къ традиціямъ русской государственной мысли, мы могли бы отмѣтить рядъ Высочайшихъ актовъ, распоряженій и законовъ, проникнутыхъ указаннымъ христіанскимъ міросозерцаніемъ, христіанской вѣротерпимостью. Въ этомъ отношеніи членъ Государственной Думы Маклаковъ справедливо указалъ, что наши законы издавна испещрены Евангельскими словами: „свобода вѣрованія, молитвы, вѣротерпимость“, и что, не внося особыхъ новшествъ, Указъ 17 апрѣля 1905 года рѣшительно и безповоротно зато повелѣваетъ отъ словъ перейти къ дѣлу и оставить ту старую практику исполненія законовъ, про которую сложилась столь-же старая поговорка: „законы святы, да исполнители ихъ супостаты“. Нѣсколько безспорныхъ примѣровъ, приведенныхъ названнымъ почтеннымъ депутатомъ, съ достаточной очевидностью обнаружили всю доподлинность и несообразность этой практики[1]).

Избѣгая длинныхъ выписокъ изъ законовъ и Высочайшихъ распоряженій, доказывающихъ, что русское законодательство и

---

[1]) Первое посланіе къ Коринфянамъ, гл. 13.

государственное управленіе не чуждалось идей вѣротерпимости, мы ограничимся указаніемъ, что всѣ эти акты и распоряженія разными словами повторяютъ основную мысль, провозглашенную Петромъ Великимъ въ его манифестѣ отъ 16 апрѣля 1702 года. Не желая „приневоливать совѣсти человѣческой“, Русскій Императоръ болѣе 200 лѣтъ тому назадъ, когда нетерпимость, вслѣдствіе общей непросвѣщенности, считалась главнымъ оплотомъ государственности, не убоялся начертать въ своемъ манифестѣ слѣдующія знаменательныя слова: „И понеже здѣсь въ столицѣ Нашей уже введено свободное отправленіе богослуженія всѣхъ другихъ, хотя съ Нашей Церковью несогласныхъ христіанскихъ сектъ; того ради и оное симъ вновь подтверждается такимъ образомъ, что Мы, по дарованной Намъ отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину пещись на его отвѣтственности о блаженствѣ души своей.—И такъ мы крѣпко того станемъ смотрѣть, чтобы по прежнему обычаю никто какъ въ своемъ публичномъ, такъ и частномъ отправленіи богослуженія обезпокоенъ не былъ, но при ономъ содержанъ и противу всякаго помѣшательства защищаемъ былъ“. Въ заключеніе Своего Манифеста великій преобразователь Россіи повелѣваетъ разрѣшить иновѣрцамъ постройку новыхъ храмовъ и допустить широкую свободу религіозныхъ собраній не „токмо въ домѣ своемъ самому и съ домашними своими, но и принимать къ себѣ тѣхъ, которые пожелаютъ у него собираться“ [1]).

Этотъ манифестъ вытекалъ изъ христіанскаго убѣжденія Монарха, что „Богъ далъ власть царямъ надъ народами, но что Христосъ единый имѣетъ силу надъ человѣческой совѣстью“ [2]).

Петръ, одаренный какъ никто изъ его современниковъ, проникновеніемъ въ задачи государственности, очевидно, собственнымъ умомъ дошелъ до тѣхъ руководящихъ принциповъ въ дѣлахъ государственнаго управленія, которые теперь вѣдомы всякому мало-мальски образованному человѣку и составляютъ общія мѣста элементарныхъ учебниковъ государственнаго права. Петръ Великій предусмотрѣлъ то, что теперь признается общеизвѣстнымъ, т.-е., что при всей широтѣ государственной дѣятельности, область вѣры остается для свѣтскаго управленія недоступной, что грубое прикосновеніе къ религіозному чувству не ведетъ къ укрѣпленію религіи и что принужденіе въ области вѣры приводитъ къ изувѣрству или къ омертвенію чувства вѣры“ [2]). Теперь всякій, хотя бы поверхностно знакомый съ историческимъ опытомъ государствъ и не изрекающій сентенцій только на опытѣ собственнаго невѣжества, понимаетъ, что для государства нужны единовластіе и единодушіе, но не религіозное единообразіе. Устанавливая въ области управленія и законо-

---

[1]) См. стенограф. отчетъ 111 засѣд. Г. Д. 12 мая 1909 года.
[2]) Полное собр. законовъ, т. IV 1700—1762 годъ.
[3]) Histoire de la Russie par Alfred Rambond, p. 394.
([4] Русское государств. право Н. М. Коркунова, см. стр. 59, 63, 68 и 513.

дательства руководящее начало „совѣсти человѣческой не приневоливать“, Петръ Великій на сто лѣтъ предупредилъ Наполеона I, который въ другихъ выраженіяхъ, въ 1804 году повторилъ мысль россійскаго государя.

Извѣстно, что наканунѣ своего коронованія, Наполеонъ заявилъ протестантскому пастору свою твердую рѣшимость поддерживать свободу вѣры и установилъ свой принципіальный взглядъ на отношеніе свѣтской власти къ религіознымъ убѣжденіямъ его будущихъ подданныхъ въ слѣдующихъ немногихъ, но опредѣленныхъ словахъ: „власть закона кончается тамъ, гдѣ начинается неограниченная область человѣческой совѣсти“ [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ Великій съ неслыханной для его времени широтой и прогрессивностью пониманія религіозныхъ вопросовъ предупредилъ укорененіе въ нашемъ государствѣ ошибочнаго взгляда, будто человѣкъ можетъ измѣнять свою вѣру подъ воздѣйствіемъ на его волю и будто исповѣданіе подданными не той вѣры, которую исповѣдуетъ ихъ Монархъ, грозитъ общественному благополучію и оскорбляетъ самаго Монарха. Можно утверждать, что Великій Преобразователь земли Русской своею вѣротерпимостью не допустилъ утвердиться у насъ популярному нѣкогда въ Западной Европѣ принципу: „cujus regio, ejus religio“, означавшему, что въ каждой странѣ подданный долженъ слѣдовать вѣрѣ главы государства.

Ошибочность взгляда, что вѣра вытекаетъ только изъ воли человѣка, изъ его добраго желанія, въ настоящее время не вызываетъ сомнѣній; общеизвѣстно, что вѣра человѣка опредѣляется воспринятыми мыслями, установившимся міросозерцаніемъ, идейными чувствами, представленіями, и, пока они остались нетронутыми, всякое желаніе перемѣнить свою вѣру останется тщетнымъ или будетъ пропитано лицемѣріемъ. Французскій изслѣдователь вопроса о свободѣ совѣсти Bonet-Maury въ поясненіе этой мысли приводитъ прекрасное изреченіе современнаго философа Rabier: „желаніе усвоить себѣ вѣру вопреки доводамъ своего разума есть самообманъ“ [1]). Для того, чтобы вызвать въ человѣкѣ то или иное вѣрованіе остается только одинъ путь воздѣйствія на его мысль, на его чувства, а въ этой сферѣ власть безсильна. Эта психологическая истина уже была преподана ученіемъ Христа въ обычно немногихъ и образныхъ словахъ Евангелія: „Духъ дышетъ гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ“ [2]). Удивительно, что эта очевидная истина, санкціонированная Божественнымъ ученіемъ, до сихъ поръ не дается многимъ изъ людей, продолжающихъ мечтать о насажденіи одобряемой ими вѣры воздѣйствіемъ, какъ эти люди любятъ говорить, твердой и сильной власти. Старый принципъ: „cujus regio ejus religio“ въ

---

[1]) La liberté de conscience en France par Bonet-Maury, p. 124.
[2]) Idem, p. 334.
[3]) Евангеліе отъ Іоанна, гл. 3, ст. 8.

своемъ примѣненіи оставилъ недобрую память: нарушая христіанскіе завѣты свободы духа, онъ вносилъ смуту, раздоръ въ общественную среду, онъ подавлялъ искренность и правдивость людей и являлся воспитателемъ лжи и лицемѣрія въ человѣческой средѣ. Этотъ принципъ обезсиливалъ Германію, пока она его держалась и погубилъ нѣкогда могущественную Испанію, какъ это показалъ Соловьевъ въ своей интересной статьѣ „Немезида“ [3]). Русское государство безспорно во вѣкъ останется обязаннымъ Петру Великому за то, что онъ предупредилъ внесеніе этихъ ошибочныхъ взглядовъ въ сферу религіознаго управленія и тѣмъ предотвратилъ бѣды, испытанныя другими государствами.

Мы остановились на взглядахъ Петра и на его мѣропріятіяхъ, вытекавшихъ изъ этихъ взглядовъ, потому, что въ послѣдующихъ государственныхъ актахъ мы находимъ отраженіе его взглядовъ о свободѣ религіозной совѣсти. Его взглядами проникнуто и наше старое законодательство.

Еще до изданія Указа 17 апрѣля 1905 года, наше законодательство установило начало вѣротерпимости: оно не обязывало подданныхъ русскаго Государя исповѣдывать непремѣнно господствующую религію, какъ это практиковалось во многихъ католическихъ государствахъ вплоть до XIX вѣка, оно не знало упомянутаго принципа „cujus regio ejus religio“, а наоборотъ, незыблемо установило, что „свобода вѣры присвояется не токмо христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ; да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога всемогущаго разными языки по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ“...[1]) Такимъ образомъ, наше законодательство допускало исповѣданіе всѣхъ вообще вѣроученій, за исключеніемъ изувѣрныхъ, воспрещенныхъ уголовнымъ закономъ, и по дѣйствовавшему закону различіе въ гражданскихъ правахъ не было поставлено въ зависимость отъ принадлежности къ той или другой религіи. Единственное исключеніе составляли евреи, которые были ограничены въ правахъ какъ племя, нація, при чемъ ихъ религія считалась отличительнымъ признакомъ ихъ національности [2]). Признавая за каждымъ русскимъ подданнымъ право принадлежать къ религіи „праотцевъ своихъ“, устанавливая равенство вѣроисповѣданій, нашъ старый законъ въ то же время не разрѣшалъ отпаденія отъ православія (нынѣ отмѣненная 36 ст. уст. о пр. и пред. прест.), перехода изъ одной вѣры въ другую безъ разрѣшенія административной власти (уст. иностр. исп. ст. 6, 8, 9 и 10), права проповѣди своего ученія для неправославныхъ (70 ст. уст. о пред. и перес. прест., 4 ст.), свободы выбора вѣры и права не принадлежать ни къ какому вѣро-

---

1) Томъ 8-й, стр. 125—138.

2) Бывшая 45, нынѣ 67 ст. основныхъ законовъ.

3) Мы не останавливаемся на циркулярахъ, административныхъ распоряженіяхъ, вводившихъ разныя ограниченія по религіозному признаку, ибо это не законодательная область, а область незакономѣрныхъ дѣйствій.

исповѣданію. Другими словами, наше старое законодательство допускало вѣротерпимость и отвергало начало свободы совѣсти. Признаніе начала свободы совѣсти есть неизбѣжное и историческое послѣдствіе допущенія вѣротерпимости и необходимое ея логическое дополненіе. Введеніе въ законодательство начала свободы совѣсти означаетъ предоставленіе гражданамъ права свободно избирать и присоединяться къ какому угодно вѣроисповѣданію или вѣроученію, невоспрещенному закономъ, права проповѣди, т.-е. права письменно, печатно или словесно излагать, разъяснять и распространять свое ученіе, права образовывать религіозные союзы и общества одинаково вѣрующихъ и права выраженія своей религіи во внѣшнемъ культѣ, или, говоря языкомъ нашихъ законовъ, въ „публичномъ оказательствѣ“, подъ коимъ подразумѣваются такія дѣйствія, какъ крестные ходы и публичныя процессіи въ церковныхъ облаченіяхъ, публичное ношеніе иконъ, употребленіе внѣ дома церковнаго облаченія и пѣніе на улицахъ и площадяхъ (ср. отмѣненную 92 ст. угол. ул. и прим. къ 59 ст. уст. о пред. и прес. прест.) [1]). Въ настоящіе дни указанное необходимое восполненіе понятія вѣротерпимости понятіемъ свободы совѣсти уже сдѣлано. Текстъ 81 ст. основныхъ законовъ не оставляетъ въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній. „Россійскіе подданные“, категорически говорится въ этой статьѣ, пользуются свободою вѣры. Условія пользованія этой свободой опредѣляются закономъ“. Понятно, что эта нынѣ дѣйствующая статья 81 основныхъ законовъ, является подтвержденіемъ и закрѣпленіемъ началъ, начертанныхъ въ Указѣ 17 апрѣля 1905 года. Вѣдь Указъ 17 апрѣля, какъ извѣстно, установилъ начало свободы совѣсти тѣмъ, что предоставилъ невозбранное право перехода изъ одного христіанскаго вѣроисповѣданія въ другое (1 п. Указа), допустилъ отпаденіе отъ христіанства и переходъ въ нехристіанское вѣроученіе, если отпадающій лично самъ или его предки ранѣе исповѣдывали нехристіанскую вѣру (3 п. Указа) и разрѣшилъ свободу культа старообрядческимъ согласіямъ и сектанству (5 и 13 п. Указа). При этомъ слѣдуетъ пояснить, что въ редакціи Указа 17 апрѣля упоминается о **правѣ перехода изъ одной вѣры въ другую** лишь для православныхъ христіанъ, объ инославныхъ христіанахъ Указъ не говоритъ. Понятно, что такое умолчаніе не означаетъ, что относительно инославныхъ оставленъ въ силѣ старый запретъ свободнаго, безъ разрѣшенія власти перехода изъ одной вѣры въ другую. И указъ Правительствующаго Сената [2]) и опирающійся на указъ Сената циркуляръ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Губернаторамъ [3]) совершенно правильно разъяснили, что Высочайшимъ Указомъ 17 апрѣля 1905 года „сняты всѣ существовавшія въ Государствѣ стѣсненія въ исповѣданіи вѣры; а такъ какъ господствующей вѣрой въ Россіи является православная, то законодатель, отмѣняя мѣры противъ

---

[1]) Уголовное Ул. 22 марта 1903 г. изд. Н. С. Таганцева стр. 62.
[2]) Указъ 2 іюня 1906 г. за № 5982.
[3]) Циркуляръ отъ 25 іюня 1906 г. за № 3192.

отпаденія отъ христіанства, и пріурочилъ къ православной вѣрѣ отмѣну карательныхъ мѣръ, установленныхъ при переходѣ изъ оной".

Но при этомъ само собой понятно, что снятіе старыхъ матеріальныхъ ограждений съ большаго,—съ господствующей вѣры, означаетъ снятіе тѣхъ же ограждений съ меньшаго, т.-е., съ неправославныхъ христіанскихъ исповѣданій. Поэтому Указъ 17 апрѣля былъ понятъ въ томъ смыслѣ, что онъ предоставлялъ лицамъ всѣхъ вообще христіанскихъ вѣроисповѣданій право перехода изъ одной вѣры въ другую.

Приведенная выше 81 ст. основныхъ законовъ устанавливаетъ общее положеніе, что Россійскіе подданные пользуются свободою вѣры; изданная годомъ позже послѣ Указа 17 апрѣля 1905 года она объединяетъ смыслъ отдѣльныхъ конкретныхъ распоряженій Высочайшаго Указа, являющагося однимъ изъ знаменательнѣйшихъ актовъ настоящаго царствованія. Наше общество, подавленное въ 1905 году внѣшнею и внутреннею безтолочью, не встрѣтило великую хартію Россійской религіозной свободы съ соотвѣтствующей ея значенію торжественностью и внѣшнимъ ликованіемъ. Не было организованной манифестаціи радости, но зато у милліоновъ людей и православныхъ, и инославныхъ, и иновѣрныхъ вырвался вздохъ облегченія, когда они увидѣли благодатный Указъ 17 апрѣля. Христіанскій завѣтъ правды и признанія свободы духа одинаково былъ дорогъ всѣмъ; онъ совершилъ великое христіанское дѣло мира и любви, даровалъ всѣмъ нравственно лучшимъ людямъ, незараженнымъ цинизмомъ, насильническимъ духомъ, индифферентизмомъ, высокое моральное благо свободно, безъ страха, прислушиваться къ голосу своей совѣсти и въ религіи, соотвѣтствующей міросозерцанію человѣка, находить чистое убѣжище для духа, мятущагося въ условіяхъ земного существованія.

Итакъ, 81 статья основныхъ законовъ заключаетъ принципъ, объединяющій отдѣльныя распоряженія, вытекавшія изъ указа 17 апрѣля. Съ другой стороны эта статья означаетъ начало осуществленія манифеста 17 октября 1905 года и служитъ выраженіемъ неуклоннаго душевнаго желанія Монарха „утвердить незыблемыя основы дѣйствительной свободы совѣсти", выраженнаго Имъ въ Манифестѣ 17 октября 1905 г.

## II.

Приведенное изложеніе показываетъ, что коренная и положительная реформа въ области нашего религіознаго законодательства уже начата: наше законодательство, допускавшее вѣротерпимость, равенство вѣроисповѣданій, нынѣ сравнялось съ законодательствомъ всѣхъ христіанскихъ государствъ, признавъ начало свободы совѣсти. Такимъ образомъ, теперь на долю нашихъ представительныхъ палатъ и правительства Россійской державы выпадаетъ болѣе скромная задача оформить въ разработанныхъ нормахъ закона дарованную волею Монарха реформу.

Для исполненія такой задачи названнымъ учрежденіямъ остается изъ дѣйствующаго свода законовъ исключить нѣкоторыя обветшалыя статьи закона, измѣнить редакцію другихъ, ввести новыя дополнительныя статьи и всю свою работу объединить признаннымъ началомъ свободы совѣсти. Такъ и смотрѣло Министерство Внутреннихъ Дѣлъ на свою задачу въ дѣлахъ рилигіозной реформы. Представляя въ Государственную Думу II-го созыва 7 вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ, оно указывало, что „возвѣщенная непреклонная воля Монарха о дарованіи населенію незыблемыхъ основъ свободы совѣсти" налагаетъ на правительство „обязанность намѣтить необходимыя мѣры къ обезпеченію каждому возможности безпрепятственно осуществлять на практикѣ права, вытекающія изъ дарованной Монаршей волею милости". Полагая, что разработка общихъ основныхъ положеній законопроекта о свободѣ совѣсти (какъ предполагали 49 членовъ Государственной Думы перваго созыва), практически менѣе удобна, чѣмъ разработка отдѣльныхъ законопроектовъ, пріуроченныхъ каждый къ особой области законодательства, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ внесло 7 законопроектовъ и при этомъ пояснило, что всѣ они „проникнуты общей идеей" свободы совѣсти и что имъ подвергнуто „пересмотру все дѣйствующее отечественное законодательство по дѣламъ вѣры, дабы опредѣлить тѣ дополненія и измѣненія, которымъ оно должно быть подвергнуто въ видахъ согласованія его съ основными началами, входящими въ понятіе свободы совѣсти".

Такъ правильно поставленная Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ задача обязывала его прежде всего, какъ оно само и указало, дать опредѣленіе понятія свободы совѣсти и „выяснить, какъ понимается свобода совѣсти въ наукѣ и въ западныхъ законодательствахъ" [1]). Это опредѣленіе съ перечисленіемъ вытекающихъ изъ него послѣдствій мы находимъ въ законопроектѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ объ отмѣнѣ политическихъ и гражданскихъ ограниченій въ зависимости отъ принадлежности къ иновѣрнымъ и инославнымъ исповѣданіямъ, къ старообрядчеству и къ сектантамъ [2]), гдѣ находимъ слѣдующія поучительныя строки: „Свобода совѣсти есть право каждаго, обладающаго достаточно созрѣвшимъ самосознаніемъ, лица безпрепятственно и безъ всякаго для него правового ущерба признавать свою вѣру и проявлять ее во внѣшнихъ обрядахъ своего культа совмѣстно съ другими лицами, исповѣдующими одно и то же религіозное ученіе". Согласно указаніямъ Государственнаго права въ понятіе свободы совѣсти входятъ слѣдующіе основные элементы:

1) „Право каждаго лица заявлять свою вѣру и убѣждать

---

[1]) Отношеніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ къ Гос. Думѣ отъ 28 февраля 1907 г.: о законоположеніяхъ, направленныхъ къ осуществленію свободы совѣсти.

[2]) Законопроектъ представленъ въ Государ. Думу 28 февраля 1907 г. № 1479.

непринадлежащихъ къ ней къ принятію исповѣдываемаго имъ ученія, если уголовные законы не нарушаются содержаніемъ исповѣданія".

2) „Право лицъ, которыя имѣютъ однѣ и тѣ же религіозныя воззрѣнія, составлять религіозныя собранія для совмѣстнаго отправленія богослуженія и образовывать религіозные союзы".

3) „Право каждаго лица какъ самому безпрепятственно переходить изъ одного вѣроученія въ другое, такъ и мѣнять исповѣданіе своихъ недостигшихъ опредѣленнаго возраста дѣтей" и

4) „Невмѣшательство государственной власти въ духовныя отношенія частныхъ лицъ къ исповѣдуемому ими вѣроученію, и отсутствіе какихъ либо ограниченій, политическихъ или гражданскихъ, въ зависимости исключительно отъ принадлежности къ какому либо исповѣданію".

Таково принципіальное пониманіе Правительствомъ начала свободы совѣсти, которое должно получить свое полное выраженіе въ системѣ отдѣльныхъ законодательныхъ нормъ, объединенныхъ этимъ началомъ. Это же начало, какъ указываетъ Министерство Внутрен. Дѣлъ, объединяетъ всѣ его труды въ этой области, т. е. всѣ вносимые имъ въ Государственную Думу вѣроисповѣдные законопроекты. Надо признать, что правительство въ приведенномъ опредѣленіи понятія свободы совѣсти совершенно прямолинейно установило свой взглядъ на вѣроисповѣдные вопросы. Этотъ взглядъ нельзя не привѣтствовать съ истинно отраднымъ чувствомъ: онъ находится въ согласіи съ Евангельской этикой, опирается на данныя историческаго опыта, соотвѣтствуетъ укладу русскаго міросозерцанія и не заключаетъ въ себѣ попытокъ искалѣчить крупную, полную христіанскаго и моральнаго значенія реформу разными оговорками и вставками, подкапывающимися подъ основной принципъ.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду показать отношеніе нашего законодателя и правительства къ вѣроисповѣдной проблемѣ; теперь намъ осталось показать, какъ относится „Союзъ 17 Октября" къ этой же проблемѣ. Среди сложившихся у насъ политическихъ партій, „Союзъ 17 Октября" еще съ 1906 года спеціально занялся разработкой церковныхъ, вѣроисповѣдныхъ и общерелигіозныхъ вопросовъ. Въ февралѣ 1906 года на всероссійскомъ съѣздѣ делегатовъ „Союза 17 Октября" была организована особая комиссія, имѣвшая своей задачей посредствомъ лекцій, рефератовъ, докладовъ, посредствомъ обмѣна мнѣній въ собраніяхъ знакомиться и разрабатывать вышеуказанные вопросы. При этомъ „Союзъ 17 Октября" исходилъ изъ той мысли, что религіозная проблема должна обсуждаться внѣ зависимости отъ политическихъ группировокъ, что запросы человѣческаго духа не рѣшаются ни правыми, ни лѣвыми направленіями, а искреннимъ убѣжденіемъ, совѣстью человѣка, которыя одинаково доступны всѣмъ людямъ. Правильность этой точки зрѣнія октяб-

ристовъ врядъ ли можетъ быть оспариваема. Вѣдь общеизвѣстно, что все человѣчество безъ различія племени, положенія, состоянія искони ищетъ путей Богопознанія, и въ той или другой формѣ, соотвѣтственно своему духовному развитію, творитъ Богопоклоненіе. Всѣ люди, за исключеніемъ единицъ въ счетъ не идущихъ, знаютъ запросы мысли, вѣчно бьющейся надъ конечной проблемой бытія, знаютъ алканіе и исканіе критеріевъ отношенія своего духовнаго „я“ къ внѣшнему міру и къ людямъ, критеріевъ морали, находящей свое послѣднее основаніе въ идеѣ Бога. Это общее свойство человѣческой души исключаетъ рѣзкую обособленность, раздѣленіе людей на нетерпимые по отношенію другъ къ другу лагери. Непримиримость насиліе, выражающееся не только въ грубой физической силѣ, но и въ неуважительности количественно торжествующаго большинства къ неугодному мнѣнію, тормозитъ разрѣшеніе религіозныхъ вопросовъ, создавая практику взаимнаго раздраженія, недовѣрія, лжи и лицемѣрія. Вотъ почему вопросы изъ области религіи должны разрѣшаться безъ предвзятости, въ духѣ христіанскаго смиренія, любви, кротости, долготерпѣнія и того благожелательнаго отношенія людей другъ къ другу, которое разрушаютъ партійныя и всякія иныя перегородки. Только при такомъ настроеніи люди могутъ подняться на ту моральную высоту, до которой не восходятъ будничныя, мелкія тренія людей, ихъ недоразвитыя мыслишки, цѣпляющіяся за обрывки ихъ неустойчивыхъ и непродуманныхъ впечатлѣній, но съ которой умственному взору человѣка открывается вѣчная христіанская истина, что всѣ люди—братья. Пусть эта истина полностью недоступна современному человѣку, но ничто не мѣшаетъ ей оставаться идеаломъ, указывающимъ направленіе грядущей дѣятельности человѣчества. Этихъ мыслей, повидимому, не чуждалась комиссія по церковнымъ и вѣроисповѣднымъ вопросамъ при „Союзѣ 17 Октября“, когда она на учредительномъ собраніи 6 марта 1906 года постановила допускать въ свой составъ не только членовъ Союза, но и постороннихъ лицъ. При этомъ комиссія пояснила, что она „не связываетъ своихъ членовъ необходимостью принадлежать къ „Союзу 17 Октября“, но предоставляетъ имъ полную свободу политическихъ взглядовъ и убѣжденій“, что ея задачей является „созданіе такой внѣпартійной или междупартійной организаціи, гдѣ-бы всѣ прогрессивные элементы духовной и свѣтской интеллигенціи удобнѣе всего могли бы столковаться и объединиться для дружной совмѣстной работы на такой одинаково важчой и столь же для всѣхъ нейтральной почвѣ, какъ церковно-общественная реформа“. Комиссія объединялась на трехъ главныхъ идеяхъ: 1) она признавала необходимымъ самое полное и широкое возстановленіе принципа церковной соборности съ участіемъ всѣхъ членовъ церкви—епископовъ, бѣлаго духовенства и мірянъ; 2) реформа церковнаго управленія, по мнѣнію комиссіи, должна начаться „съ возрожденія истинно-церковнаго прихода съ его братскимъ духомъ, при чемъ приходу должна быть предоставлена хозяйственная самостоятельность и въ немъ должна быть сосредоточена

благотворительная и просвѣтительная дѣятельность; 3) наконецъ, въ области вопросовъ вѣры и жизни комиссія исходила изъ принциповъ свободы совѣсти и вѣротерпимости[1]).

Въ немногіе дни дѣятельности Гос. Думы перваго созыва „Союзъ 17 Октября“ имѣлъ всего нѣсколько представителей своей партіи, и не могъ составить самостоятельной парламентской фракціи. Но въ Гос. Думу второго созыва „Союзъ 17 Октября“ успѣлъ провести большее число своихъ единомышленниковъ и, представляя организованную политическую группу, съумѣлъ образовать при парламентской фракціи „Союза 17 Октября“ внѣ Государственной Думы, особую вѣроисповѣдную комиссію. Въ нее вошли члены Гос. Думы второго созыва (И. С. Клюжевъ, М. А. Искрицкій, С. Д. Васецкій, И. В. Шепелевъ, М. Я. Капустинъ, А. З. Танцовъ, И. Е. Ефимовъ), члены Госуд. Совѣта (профессоръ богословія М. И. Горчаковъ, Ю. В. Трубниковъ, кн. Н. С. Волконскій) и лица, невходившія въ составъ нашихъ законодательныхъ учрежденій, извѣстныя освѣдомленностью въ области религіозныхъ и церковныхъ вопросовъ и изъявившія согласіе принять участіе въ работахъ комиссіи (Ю. Н. Милютинъ—предсѣдатель Петербургской группы „Союза 17 Октября“, А. А. Папковъ, извѣстный знатокъ приходского вопроса и авторъ нѣсколькихъ серьезныхъ работъ въ этой области, І. В. Никаноровъ—авторъ ряда газетныхъ статей по религіознымъ вопросамъ, К. И. Ровинскій предсѣдатель комиссіи, Р. В. Фрейманъ, В. П. Шеинъ, Ф. С. Потоцкій, А. И. Петичевъ). Изъ имѣющагося въ моемъ распоряженіи рукописнаго протокола комиссіи видно, что комиссія имѣла рядъ засѣданій во время сессіи второй Государственной Думы съ 25 апрѣля по 2 іюня 1907 г. и имѣла сужденіе о внесенныхъ Правительствомъ въ Государственную Думу законопроектахъ:—„объ отношеніи государства къ отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ“ и о „бракахъ старообрядцевъ“.

Мы познакомимся съ высказанными въ этой комиссіи сужденіями нѣсколько дальше, при изложеніи постановленій Государственной Думы третьяго созыва въ настоящемъ 1909 году по законопроекту о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое. Пока же замѣтимъ только, что эта октябристская комиссія, какъ и ея предшественница Московская комиссія 1906 года, высказалась въ пользу скорѣйшаго осуществленія началъ соборности, въ пользу возрожденія прихода и отстаивала мысль о правѣ человѣка избирать вѣру по своему произволенію или оставаться внѣ принадлежности къ какой-либо религіи.

Государственная Дума третьяго созыва съ первыхъ же дней своей дѣятельности выдѣлила изъ своего состава три комиссіи для предварительной разработки вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ: 1) комиссію по дѣламъ православной церкви изъ 33 чле-

---

[1]) Комиссія по церк. и вѣроисп. вопросамъ при „Союзѣ 17 Ок.“ изд. центр. Бюро Союза 17 Окт.

новъ Г. Д. (предсѣдатель Вл. Н. Львовъ), по вѣроисповѣднымъ дѣламъ изъ 35 членовъ Гос. Думы (предсѣдателемъ въ первую сессію состоялъ Епископъ Евлогій, а затѣмъ избранъ П. В. Каменскій) и 3) по старообрядческимъ вопросамъ изъ 15 членовъ Гос. Думы (предсѣдатель В. А. Карауловъ). Первая комиссія имѣетъ своей задачей разработку свѣтскихъ реформъ, касающихся православной церкви и разработку представленныхъ правительствомъ вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ въ тѣхъ ихъ частяхъ, кои затрагиваютъ права и преимущества Православной церкви. На вторую комиссію возложена обязанность разработать законопроекты, относящіеся къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ, осуществляющіе въ нашемъ законодательствѣ возвѣщенное начало свободы совѣсти. Наконецъ, третья комисія вѣдаетъ исключительно законопроекты, касающіеся старообрядцевъ.

Результаты занятій комиссій обнаруживаются постепенно, по мѣрѣ разсмотрѣнія разработанныхъ ими законодательныхъ предположеній въ общемъ засѣданіи Государственной Думы. Поэтому считаю болѣе удобнымъ говорить о работахъ названныхъ комиссій при изложеніи принятыхъ Г. Думой вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ. Правда, при такомъ порядкѣ изложенія о нѣкоторыхъ работахъ комиссій, не дошедшихъ до обсужденія ихъ въ Г. Думѣ придется умолчать; но это умолчаніе будетъ временнымъ: содержаніе и значеніе этихъ работъ выяснится, когда онѣ подвергнутся разсмотрѣнію въ Г. Думѣ. Кромѣ того, полное изложеніе сейчасъ дѣятельности комиссій свелось бы къ загроможденію настоящей краткой работы выписками изъ многочисленныхъ протоколовъ засѣданій трехъ комиссій. Поэтому мы предпочитаемъ теперь непосредственно перейти къ вопросу, какъ разрѣшила Гос. Дума первые разсмотрѣнные ею законопроекты изъ вѣроисповѣдной области. Для полноты же справки отмѣчу, что наряду съ образовавшимися тремя Думскими комиссіями, въ которыхъ по закону могутъ принимать участіе только члены Гос. Думы и представители вѣдомствъ, при парламентской фракціи „Союза 17 Октября“, насчитывающей въ своихъ рядахъ болѣе 130 членовъ Гос. Думы, организовалась особая частная вѣроисповѣдная комиссія. Ея засѣданія, обычно одинъ разъ въ недѣлю, происходятъ въ помѣщеніи фракціи „Союза 17 Октября“, въ клубѣ общественныхъ дѣятелей. По примѣру Московской Церковной комиссіи 1906 года, настоящая комиссія, организованная октябристами, приглашаетъ къ участію въ своихъ трудахъ всѣхъ лицъ, интересующихся вѣроисповѣдными вопросами, безъ различія ихъ политическаго направленія. А такъ какъ названная комиссія носитъ частный характеръ и ея засѣданія происходятъ внѣ Гос. Думы, то она не лишена права пополнять свой составъ не только членами Гос. Думы, но и посторонними лицами. Пользуясь этимъ правомъ, настоящая вѣроисповѣдная комиссія при „Союзѣ 17 Октября“, по примѣру своей предшественницы, дѣйствовавшей въ 1907 году, во время существованія Государственной Думы второго созыва, приглашаетъ въ свой составъ

посторонних лицъ, извѣстныхъ своими знаніями въ вѣроисповѣдной области и изъявившихъ желаніе принимать участіе въ ея трудахъ. Продолжая работу своей предшественницы, нынѣ дѣйствующая комиссія насчитываетъ въ своей средѣ 45 лицъ, изъ коихъ 30 лицъ состоятъ членами Государственной Думы, и принадлежатъ къ различнымъ политическимъ группамъ памъ; отсутствуютъ въ комиссіи только представители крайнихъ правыхъ и лѣвыхъ направленій. Московская комиссія 1906 года, имѣвшая въ виду обсуждать по преимуществу церковные вопросы, признавала дѣйствительными членами только лицъ христіанскихъ исповѣданій; нынѣ дѣйствующая комиссія при „Союзѣ 17 Октября", разсматривающая вообще вѣроисповѣдные вопросы, такого ограниченія не вводитъ и ея членами состоятъ лица какъ христіанскаго такъ и не христіанскаго исповѣданія. Сверхъ того весьма счастливо для нынѣ дѣйствующей комиссіи въ ея работахъ принимаетъ участіе извѣстный нашъ ученый, профессоръ и членъ Гос. Совѣта Н. С. Таганцевъ, объясненія коего часто принимаютъ характеръ весьма интересныхъ и богатыхъ эрудиціей лекцій.

Такимъ образомъ, нынѣшняя комиссія при „Союзѣ 17 Октября" представляетъ изъ себя частное совѣщаніе, состоящее изъ лицъ, входящихъ въ наши законодательныя учрежденія и изъ лицъ къ нимъ не причастныхъ. Въ числѣ послѣднихъ мы встрѣчаемъ почти всѣхъ участниковъ комиссіи, организованной во время дѣятельности Гос. Думы второго созыва. Задача этого совѣщанія—предварительное разсмотрѣніе законопроектовъ и вопросовъ, поступающихъ на обсужденіе Думской вѣроисповѣдной комиссіи. Присутствіе въ частномъ совѣщаніи лицъ со спеціальными свѣдѣніями въ области вѣроисповѣдныхъ вопросовъ, присутствіе людей науки содѣйствуетъ всестороннему освѣщенію и изученію подлежащихъ обсужденію вопросовъ и помогаетъ членамъ Гос. Думы, при сужденіяхъ въ Думской комиссіи, быть болѣе освѣдомленными и подготовленными. Затѣмъ члены совѣщанія принимаютъ на себя составленіе печатныхъ докладовъ по вопросамъ, входящимъ на обсужденіе совѣщанія. Профессоръ Н. С. Таганцевъ внесъ проектъ новой редакціи статей законовъ главы второй Угол. Улож. (о нарушеніи ограждающихъ вѣру постановленій), редакціи, соотвѣтствующей проекту новаго вѣроисповѣднаго законодательства, осуществляющаго начало свободы совѣсти. Членъ комиссіи Р. В. Фрейманъ внесъ разработанный докладъ по вопросу о переходѣ изъ одного исповѣданія въ другое*). Наконецъ, въ частномъ совѣщаніи предварительно обсуждаются и тѣ ходатайства, по вѣроисповѣднымъ и церковнымъ дѣламъ, которыя поступаютъ къ членамъ Гос. Думы. Такъ напримѣръ, когда въ Петербургъ прибыли учредители отпавшей отъ католичества общины Маріавитовъ,—отецъ Ковальскій и отецъ Прухневскій, съ ходатайствомъ о признаніи за ихъ общиной

*) Проектъ проф. Таганцева внесенъ въ Думскую комиссію чл. Г. Думы П. В. Каменскимъ, а докладъ Фреймана, чл. Г. Думы барономъ Розеномъ.

правъ отдѣльнаго вѣроисповѣданія, то названныя лица были приглашены на засѣданіе вѣроисповѣднаго совѣщанія и при ихъ участіи былъ разсмотрѣнъ внесенный правительствомъ законопроектъ объ изданіи правилъ относительно секты Маріавитовъ. На этомъ совѣщаніи выяснилось, что законопроектъ, внесенный въ Гос. Думу 17 апрѣля 1907 года, подлежитъ существенной переработкѣ со стороны правительства въ интересахъ удовлетворенія справедливыхъ и законныхъ домогательствъ Маріавитовъ. Затѣмъ частнымъ образомъ въ совѣщаніи стало извѣстнымъ, что Департаментъ Духовныхъ Дѣлъ въ настоящее время занятъ этой работой и, что въ недалекомъ будущемъ въ Думскую комиссію будетъ внесенъ новый дополненный и исправленный законопроектъ, принятіе коего не можетъ встрѣтить какихъ-либо серьезныхъ возраженій. Нѣкоторая отсрочка разсмотрѣнія законопроекта о Маріавитахъ, какъ на это было указано въ совѣщаніи, не причинитъ имъ особыхъ неудобствъ, ибо они уже теперь въ извѣстной мѣрѣ пользуются благами возвѣщеннаго начала свободы совѣсти и на основаніи временныхъ правилъ, изданныхъ въ порядкѣ 87 ст. Основныхъ Законовъ, признаются „религіознымъ обществомъ законно существующимъ“, „пользующимся охраной закона“. Члены общины Маріавитовъ имѣютъ право „безпрепятственно исповѣдывать свое вѣроученіе и исполнять обряды вѣры по принятымъ у нихъ обычаямъ и правиламъ“.—Избираемымъ же Маріавитами духовнымъ лицамъ „предоставляется совершать богослуженія, произносить проповѣди и исполнять требы“.

Внесенное въ Гос. Думу заявленіе парламентской фракціи „Союза 17 Октября“ о возстановленіи древне-православнаго прихода, также предварительно обсуждалось въ совѣщаніи, на которомъ членами совѣщанія были сообщены къ прискорбію достовѣрныя и многочисленныя данныя, рисующія печальную картину церковно-приходского нестроенія. Всѣ эти данныя были затѣмъ доложены Гос. Думѣ, въ объясненіе представленнаго фракціей заявленія.

Также предварительному обсужденію частнаго совѣщанія подвергся внесенный въ Гос. Думу запросъ о продажѣ угольныхъ нѣдръ Александро-Свирской Церкви, составляющихъ милліонное состояніе, за 60000 рублей. При этомъ частное совѣщаніе, пригласивъ въ свое засѣданіе инженера В. И. Арандаренко и пользуясь любезными разъясненіями спеціалиста, имѣло возможность провѣрить цыфровыя вычисленія о мощности залеганія угольныхъ пластовъ въ проданномъ за безцѣнокъ участкѣ и установить его приблизительную стоимость. Такая предварительная провѣрка данныхъ, приведенныхъ въ заявленіи прихожанъ Александро-Свирской Церкви на имя одного изъ членовъ Гос. Думы позволила обосновать запросъ на серьезныхъ доказательствахъ, который затѣмъ былъ внесенъ предсѣдателю Гос. Думы за подписью 107 депутатовъ.

БИБЛИОТЕКА
Православного Богословского
Института . Москва

## III.

Я указалъ въ предыдущихъ главахъ на установленные правительствомъ принципіальные его взгляды по церковно-вѣроисповѣднымъ вопросамъ, отмѣтилъ отношеніе „Союза 17 Октября“ къ тѣмъ же вопросамъ и пытался объяснить порядокъ и условія разсмотрѣнія этихъ вопросовъ въ комиссіяхъ, возникшихъ при „Союзѣ 17 Октября“. Приведенныя фактическія данныя позволятъ намъ, въ своемъ мѣстѣ показать, какою полнотою глупости и вздорности отличались распространявшіеся въ обществѣ разнаго типа болтунами слухи, будто „Союзъ 17 Октября“ соблагоразсудилъ внезапно „полѣвѣть“ и на этомъ либерализмѣ затушевать свое „черносотенство“.—Всякому станетъ ясно, что „Союзъ 17 Октября“ повторилъ свои старыя мысли, вытекавшія изъ основной его идеи о необходимости осуществленія въ законодательствѣ началъ, возвѣщенныхъ Манифестомъ 17 Октября.—Всякій сверхъ того замѣтитъ, что парламентская фракція „Союза 17 Октября“ въ своихъ недавнихъ сужденіяхъ и постановленіяхъ въ существенномъ не расходилась съ тѣми взглядами, какіе высказывались Правительствомъ въ его законопроектахъ, составленныхъ въ началѣ 1907 года, т.-е. въ тѣ дни, когда болѣе непосредственно сознавалась насущная необходимость самаго точнаго исполненія Манифеста 17 октября, когда всѣ въ большей степени были охвачены рѣшительнымъ стремленіемъ осуществить возвѣщенныя съ высоты Царскаго престола начала съ нетрусливой добросовѣстностью. Правда, Парламентская фракція „Союза 17 Октября“, принимая нынѣ непосредственное участіе въ законодательствѣ, считала себя обязанной, высказывать свои сужденія и принимать свои рѣшенія съ большей осторожностью и спокойствіемъ, съ меньшимъ радикализмомъ, чѣмъ это дѣлалось въ октябристскихъ комиссіяхъ 1906 и 1907 годовъ, подготовлявшихъ разработку церковныхъ и вѣроисповѣдныхъ вопросовъ.

Сказанное, прежде всего, подтверждается отношеніемъ фракціи „Союза 17 Октября“ къ наболѣвшему для всѣхъ правдивоправославныхъ христіанъ вопросу о возстановленіи древне-русскаго православнаго прихода. Въ работахъ комиссій „Союза 17 Октября“ этотъ вопросъ былъ выдвинутъ въ первую очередь. Какъ выше уже упомянуто, Московская комиссія 1906 года, отмѣтивъ „безжизненность и формализмъ современнаго устройства церковнаго управленія“, находила, что спасительная реформа должна начаться съ возрожденія самостоятельнаго въ хозяйственномъ отношеніи истинно-церковнаго братскаго прихода и съ созыва собора. Эта-же мысль проходитъ черезъ сужденія, высказывавшіяся въ „комиссіи вѣроисповѣданій“ при „Союзѣ 17 Октября“, существовавшей во время сессіи Гос. Думы второго созыва. Въ докладахъ, „принципіально принятыхъ комиссіей“, указывалось, что отстраненіе православнаго общества отъ дѣятельнаго участія

въ церковныхъ дѣлахъ есть коренное зло, приведшее къ упадку церковную жизнь во всѣхъ ея сторонахъ. Этотъ упадокъ, по мнѣнію членовъ комиссіи, выразился въ томъ, что „ослабѣли религіозно-нравственные и церковно-общественные интересы въ обществѣ“, что „духовенство деморализовано и неустроено въ своихъ правахъ“ и наконецъ въ томъ, что церковное управленіе, отнятое отъ церкви—собранія вѣрующихъ—всецѣло сосредоточилось въ „чиновничьихъ рукахъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода“. Въ приведенныхъ строкахъ читатель встрѣчаетъ уже тѣ мысли, которыя недавно были выражены въ Гос. Думѣ депутатомъ Карауловымъ съ думской кафедры въ его рѣчи замѣчательной по силѣ правды и искренности. — Почтенный депутатъ сжато, въ немногихъ словахъ, нарисовавъ историческій процессъ „гипертрофіи прокурорской власти на церковномъ организмѣ“, заявилъ, что этотъ „патологическій процессъ“ привелъ къ изгнанію народныхъ массъ, мірянъ изъ дѣла церковнаго строительства, привелъ къ тому, что самое христіанское понятіе церкви, какъ собранія вѣрующихъ „подмѣнено понятіемъ іерархіи“, подчиненной свѣтской власти, вѣдомству православнаго исповѣданія.—Въ такомъ исторически сложившемся порядкѣ или вѣрнѣе непорядкѣ почтенный депутатъ, какъ и октябристская комиссія 1907 года, усматриваетъ „трагическое положеніе“ для церкви.—Комиссія для устраненія этого трагическаго положенія еще въ 1907 году предлагала: 1) введеніе широкаго выборнаго начала въ организацію православнаго прихода, 2) сохраненіе того же выборнаго начала при назначеніи духовныхъ лицъ всѣхъ степеней іерархіи, 3) уничтоженіе преобладающаго положенія монашествующаго духовенства и 4) отмѣну той системы управленія церковными дѣлами, при которой какъ управленіе, такъ и сама церковная жизнь находятся подъ неограниченнымъ давленіемъ оберъ-прокурорской власти.—Въ интересахъ скорѣйшаго осуществленія насущныхъ церковныхъ реформъ, ради устраненія волокиты въ дѣлѣ ихъ проведенія въ жизнь, октябристская комиссія предлагала практическій и радикальный способъ воздѣйствія на правительство: принимая во вниманіе, что по основнымъ законамъ Гос. Дума лишена права законодательной инціативы въ области церковнаго управленія, члены комиссіи рекомендовали „при разрѣшеніи вопроса объ ассигнованіи отъ казны средствъ на нужды православной церкви по смѣтѣ Св. Синода поставить условіемъ утвердительнаго вотума ассигновокъ, чтобы церковь озаботилась скорѣйшимъ опредѣленіемъ своей юридической природы, т. е. получила бы правильное каноническое устройство и управленіе“.

Фракціи „Союза 17 Октября“ въ третьей Гос. Думѣ пришлось въ законодательной палатѣ проводить эти „октябристскіе“ взгляды, высказывавшіеся въ октябристскихъ комиссіяхъ съ 1906 года. Фракція въ общемъ раздѣляла эти взгляды, но она, непосредственно знакомясь съ положеніемъ вещей, не находила полезнымъ поспѣшное примѣненіе предполагавшагося комиссіей ультиматума, требовавшаго или полной реформы церковнаго управленія, или отказа въ утвержденіи кредита по смѣтѣ Св. Синода. Фракціи

было извѣстно, что бюджетная комиссія черезъ разсмотрѣнныя и провѣренныя ею цыфры усмотрѣла нестроенія нашей церковной жизни и что она въ своихъ двукратныхъ постановленіяхъ, указавъ на необходимость введенія контроля надъ пользованіемъ церковными средствами, настаивала на скорѣйшей организаціи прихода. Фракція также знала, что въ виду заявленій, сдѣланныхъ въ бюджетной комиссіи Гос. Думы, вѣдомство православнаго исповѣданія представило въ эту послѣднюю справку, которая удостовѣряла, „что вопросъ о преобразованіи прихода уже разработанъ особой комиссіей при Св. Синодѣ и, что новое положеніе о приходѣ въ ближайшее время имѣетъ быть представлено на Высочайшее благоволеніе, а въ подлежащихъ частяхъ на уваженіе „Законодательныхъ Учрежденій“. — При наличности такой справки фракція „Союза 17 Октября“ находила ультиматумъ октябристской комиссіи несвоевременнымъ. Полагая, что осуществленіе церковной реформы должно начаться съ возстановленія древне-русскаго прихода, какъ перваго этапа къ грядущему обновленію церковной жизни, фракція рѣшила присоединиться къ двукратнымъ пожеланіямъ бюджетной комиссіи Гос. Думы о томъ, чтобы предположенія вѣдомства православнаго исповѣданія объ организаціи прихода стали незамедлительно реальнымъ фактомъ и внесла въ Гос. Думу слѣдующее заявленіе:

„Фракція „Союза 17 Октября“ находитъ, что существующій способъ управленія церковно-приходскимъ хозяйствомъ нерѣдко ведетъ къ разнаго рода безпорядкамъ и злоупотребленіямъ, что взимаемые непомѣрно высокіе сборы и отчисленія съ православныхъ церквей разоряютъ ихъ, что эти сборы и отчисленія не обращаются на удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ прихода, что обнищаніе церковно-приходского хозяйства объясняется всецѣлымъ отстраненіемъ церковной общины отъ распоряженія, совмѣстно съ причтомъ, этимъ хозяйствомъ и отсутствіемъ дѣйствительнаго контроля, что при существующей системѣ завѣдыванія церковно-приходскимъ хозяйствомъ возникаетъ опасная для Православной Церкви рознь между пастырями и пасомыми, что все чаще и чаще возникающія острыя недоразумѣнія между духовенствомъ и прихожанами изъ-за церковныхъ имуществъ создаютъ вредную въ государственномъ отношеніи почву для питанія общественнаго недовольства. Поэтому фракція „Союза 17 Октября“ полагаетъ, что дѣйствительныя заботы о благѣ народа и его духовно-нравственномъ преуспѣваніи требуютъ, чтобы положеніе объ организаціи православнаго прихода, съ предоставленіемъ правъ юридическаго лица самоуправляющейся православной церковной общинѣ, подъ высшимъ руководительствомъ мѣстнаго епископа, незамедлительно стало дѣйствующимъ закономъ, чтобы при организаціи православнаго прихода было обращено вниманіе на изысканіе способовъ обезпеченія духовенства, соотвѣтствующихъ значенію его духовно-нравственнаго авторитета и освобождающихъ его отъ приниженнаго предъ паствой состоянія, и чтобы, до выработки устава для православныхъ приходовъ, нынѣ же были организованы, согласно опре-

дѣленію Святѣйшаго Синода отъ 18 ноября 1905 года, повсемѣстно, во всей Россіи, безусловно, внѣ зависимости отъ усмотрѣнія причта или старостъ, приходскія собранія и приходскіе совѣты".

„На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, фракція „Союза 17 Октября" всецѣло присоединяется къ дважды выраженному пожеланію бюджетной комиссіи, чтобы высказанныя вѣдомствомъ православнаго исповѣданія предположенія объ организаціи православнаго прихода стали въ возможно скоромъ времени реальнымъ фактомъ".

Основаніемъ для приведеннаго заявленія служилъ цѣлый рядъ несомнѣнныхъ данныхъ о переобложеніи православныхъ храмовъ сборами, о злоупотребленіяхъ въ веденіи церковно-приходского хозяйства и о возникающихъ на этой почвѣ обостреніи отношеній между мірянами и духовенствомъ. Такого рода данныя были приведены въ рѣчахъ, произнесенныхъ въ Гос. Думѣ какъ депутатами, принадлежащими къ „Союзу 17 Октября" (Опочининъ, Каменскій), такъ и депутатами другихъ партій (Карауловъ, гр. Уваровъ). Были, правда, попытки возражать противъ приводившейся цыфры обложенія церквей въ Казанской епархіи, гдѣ, по заявленіямъ депутатовъ, 93% церковныхъ сборовъ идетъ на постороннія храму нужды, а 7% остается на мѣстныя нужды, но эти попытки разбивались объ имѣвшуюся въ распоряженіи членовъ Гос. Думы „вѣдомость о количествѣ процентныхъ отчисленій изъ кружечно-кошельковыхъ и свѣчныхъ доходовъ церквей на мѣстныя нужды въ 58 епархіяхъ по поступленіямъ 1902 года". Цыфры же этой вѣдомости, составленной по отчетамъ, представляемымъ въ Контроль при Св. Синодѣ, удостовѣряли, что „изъ кружечныхъ, кошельковыхъ и свѣчныхъ церковныхъ доходовъ, назначаемыхъ на мѣстныя нужды, отчислялось на постороннія цѣли въ 22 епархіяхъ, въ томъ числѣ и въ Казанской, свыше 50%", отъ 62% до $92\frac{1}{7}$% [1].

Убѣдительнымъ доказательствомъ справедливости сѣтованій членовъ Гос. Думы на переобложеніе сборами православныхъ храмовъ является также вышедшая на дняхъ изъ печати брошюра Казанскаго церковнаго старосты И. С. Якимова [2], имя котораго упоминалось въ рѣчахъ депутатовъ. Эта брошюра обнаруживаетъ, что ораторы Гос. Думы были очень осторожны въ обращеніи съ фактами и скорѣе умалили чѣмъ преувеличили ихъ отрицательное значеніе. Г. Якимовъ въ своей брошюрѣ объясняетъ, что печальное состояніе обездоленныхъ православныхъ храмовъ въ Казанской епархіи заставило его и другихъ церковныхъ старостъ просить духовное начальство обратить вниманіе на то, что „наши святые храмы разрушаются вслѣдствіе непомѣрныхъ, непосильныхъ налоговъ на общедуховныя и епархіальныя нужды, простирающихся свыше 93%" (стр. 19), что „въ Казанской епархіи каждый приходскій храмъ обязанъ уплачивать свыше 93% своей доходности на самые разнообразные предметы

---

[1]) Стенограмма 16 апрѣля 1909 г. рѣчь Каменскаго.
[2]) „Какъ я былъ церковнымъ старостой".

и статьи, число которыхъ болѣе двадцати“ (стр. 23). Такое положеніе не есть исключительная привиллегія Казанской епархіи: въ названной брошюрѣ мы находимъ далѣе авторитетное по этому вопросу мнѣніе православныхъ іерарховъ, заимствованное изъ книги, изданной Св. Синодомъ подъ заглавіемъ: „Сводка отзывовъ преосвященныхъ къ предстоящему церковному собору“. Въ этомъ мнѣніи встрѣчаются слѣдующія строки: „дѣйствитель„ность настойчиво говоритъ, что приходскіе храмы обременены „разнообразными непосильными, простирающимися отъ 93% — 200% „налогами на разные предметы, а самая система обложенія доход„ности храмовъ не отличается ни стройностью, ни правильностью, „вслѣдствіе чего церковное хозяйство почти вездѣ очутилось „въ ненормальныхъ условіяхъ: наблюдается бѣдность приходскихъ „храмовъ, оскудѣніе у нихъ средствъ, упадокъ церковнаго благо„лѣпія и проч.“ (стр. 64). Эта общая жажда къ переобложенію православныхъ храмовъ вызывается всякими разнообразными интересами, но только не интересами облагаемой церкви. Какъ объяснилъ членъ Гос. Думы Опочининъ эти сборы идутъ „на епархіальныя женскія училища, на епархіальный совѣтъ, на лѣченіе бѣдныхъ духовнаго званія, на эмеритуру духовенства“ и т. д. вплоть до расходовъ „на разсыльнаго, на канцелярію благочиннаго“ и что всего поразительнѣе „на содержаніе третьяго помощника инспектора канцеляріи“ [1]). При этомъ надо имѣть въ виду, какъ это разъяснилъ въ Гос. Думѣ депутатъ гр. Уваровъ [2]), что размѣръ этихъ обложеній явно противозаконенъ: Высочайше Утвержденныя опредѣленія Св. Синода отъ 1870 г., отъ 1897 г. и отъ 24 апрѣля 1901 года устанавливаютъ „для удовлетворенія потребностей по учебной части духовнаго вѣдомства“ процентный сборъ со всѣхъ церквей въ размѣрѣ около 30% ихъ доходности. Вотъ эта, и старая, и дурная привычка копѣйками мірянъ, жертвуемыми ими на поддержаніе своего храма, удовлетворять постороннія церкви нужды, приводитъ людей, одержимыхъ этой привычкой, къ дѣйствіямъ если даже и не сознательнымъ, то во всякомъ случаѣ явно враждебнымъ по отношенію православной церкви и умаляющимъ ея достоинство. Въ брошюрѣ Якимова отмѣчена слѣдующая сколь вопіющая, столь же и заслуживающая вниманія бытовая дѣйствительность. Оказывается, что въ приходахъ „ново-крещенныхъ татаръ“, принявшихъ православіе замѣчается наибольшее оскудѣніе церковныхъ средствъ вслѣдствіе непосильныхъ поборовъ. „Тамъ“, пишетъ Якимовъ, „изъ „церквей берется все, но и этого оказывается мало. Дѣлается „общій налогъ на православныхъ татаръ и взыскивается черезъ „волостное правленіе. Въ этихъ мѣстностяхъ христіане платятъ „болѣе магометанъ къ великой радости послѣднихъ; они, насмѣ„хаясь зовутъ это налогомъ на православіе. Происходятъ даже „соблазны къ отпаденію на этой почвѣ; теперь, говорятъ, вносите

---

[1]) Стенограмма 16 апрѣля 1909 года.
[2]) Стенограмма 14 апрѣля 1909 года.

„копѣйки, а потомъ съ васъ будутъ требовать рубли,—отпадайте „поскорѣе".

Такая бытовая дѣйствительность обнаруживаетъ, кто наиболѣе опасный совратитель изъ православія; его имя: противозаконіе, разореніе православныхъ церквей наложенной на нихъ непосильной данью, злоупотребленія въ пользованіи церковнымъ имуществомъ, отстраненіе мірянъ отъ распоряженія этимъ имуществомъ и на почвѣ этого отстраненія возникающая рознь, подозрительность и обостреніе отношеній между пастырями и пасомыми.

Эти послѣднія отрицательныя черты получили въ Гос. Думѣ достаточно полное объясненіе на примѣрахъ, взятыхъ изъ жизни. Такъ, напримѣръ, Гос. Думѣ была доложена жалоба прихожанъ Александро-Свирской церкви Екатеринославской губ., взывавшихъ о помощи по случаю неожиданной для нихъ продажи церковной земли. Жалоба удостовѣряла, что въ ноябрѣ 1908 года церковная угольная земля была продана за 60,000 рублей арендатору этой земли, который по арендному договору обязанъ былъ бы уплачивать ежегодно отъ 15 до 20 тысячъ рублей. Затѣмъ были приведены данныя, показавшія какъ прихожане и выбранные ими церковные старосты вынуждены вести ожесточенную войну съ высшимъ духовенствомъ для защиты церковнаго достоянія ихъ приходовъ. Было обнаружено, что такая глухая война, относительно которой не принято публиковать реляцій, ведется въ разныхъ мѣстахъ Россіи: въ Екатеринодарѣ прихожане отстаиваютъ церковное достояніе, имѣя во главѣ купца Мордовцева; въ Смоленскѣ дѣлается то же самое подъ главенствомъ церковнаго старосты, статскаго совѣтника Троицкаго; въ Казанской епархіи собраніе изъ 21 старосты съ предсѣдателемъ Якимовымъ въ самой почтительной формѣ обращается съ ходатайствомъ къ духовной и свѣтской власти, прося оградить церковное достояніе. Но эта мирная и законная попытка оградить интересы православныхъ храмовъ вызываетъ воинственное противодѣйствіе со стороны епархіальнаго начальства: оно направляетъ къ прокурору мѣстнаго суда смѣхотворное обвиненіе въ бунтѣ предсѣдателя разрѣшеннаго собранія старостъ и получаетъ извѣщеніе, что предъявленное обвиненіе по своей безсодержательности оставляется безъ уваженія. Эти факты, выхваченные изъ отдѣльныхъ мѣстъ Россійской имперіи имѣли мѣсто въ 1907 и 1908 годахъ; но новизны въ нихъ нѣтъ: они только—различное выраженіе старыхъ нестроеній, тяготѣющихъ надъ церковно-приходской жизнью. Объ этихъ нестроеніяхъ уже свидѣтельствовалъ на предсоборномъ присутствіи архіепископъ финляндскій, высокопреосвященный Сергій; на нихъ же указывали официальные отзывы 29 епископовъ, представленные въ предсоборное присутствіе и рядъ земскихъ ходатайствъ, начиная съ Московскаго въ 1883 году и кончая Смоленскимъ въ 1908 году. Особенно ярко указалъ на нихъ нынѣшній членъ Государственнаго Совѣта протоіерей, профессоръ Буткевичъ, удостовѣрившій на предсоборномъ присутствіи въ 1906 году, что „въ церковныхъ приходо-расход-

ныхъ книгахъ правды никогда не бываетъ ни одного слова“ и при этомъ сослался на свидѣтельство покойнаго харьковскаго преосвященнаго Амвросія, сказавшаго ему въ разговорѣ слѣдующее: „я въ Москвѣ велъ книги въ своемъ приходѣ цѣлыхъ 32 года и также говорю, что въ нихъ нѣтъ ни слова правды“. Наличность фактовъ, аналогичныхъ приведеннымъ, очевидно, имѣлась въ виду и членомъ предсоборнаго присутствія Самаринымъ, когда онъ заявлялъ, что весь способъ веденія церковно-приходского хозяйства черезъ посредство причта и церковныхъ старостъ, подъ высшимъ наблюденіемъ духовнаго начальства, ведетъ нерѣдко къ сознательнымъ утайкамъ церковныхъ суммъ, къ веденію „черныхъ и бѣлыхъ“ церковно-приходскихъ книгъ, къ „терпимому святотатству“ по его подлинному выраженію [1]). На томъ же предсоборномъ присутствіи было указано, что если къ церковному имуществу и открыта нынѣ лазейка, то главнымъ образомъ „сверху“ и при томъ, по замѣчанію покойнаго доктора философіи члена присутствія Н. И. Аксакова, пробита она широко и такимъ образомъ, что „церковное достояніе можетъ свободно отторгаться въ обездоленіе самой мѣстной церкви, въ ущербъ удовлетворенію насущныхъ, жизненныхъ и ближайшихъ ея интересовъ духовныхъ и матеріальныхъ“ [2]).

Понятно, что показанныя отрицательныя стороны церковно-приходской жизни не содѣйствовали ея процвѣтанію; онѣ могли вызывать только ропотъ, неудовольствіе среди прихожанъ, и въ лучшемъ случаѣ совершенно индифферентное отношеніе къ интересамъ церкви. Отстраненные отъ активнаго участія въ приходской жизни, являясь кратковременными посѣтителями храма, лишенными права принимать активное участіе въ церковномъ строительствѣ, міряне долгими годами отучались интересоваться дѣлами прихода и укрѣплялись въ чувствахъ озлобленія и недовѣрія къ духовенству, которое населеніе считало виновнымъ въ создавшемся печальномъ положеніи вещей. Указанная же практика лжи при веденіи церковно-приходского хозяйства, эти бѣлыя и черныя книги, это „терпимое святотатство“, эта отчетность, въ которой, по выраженію православнаго епископа, „нѣтъ ни слова правды“, эта „пробитая лазейка“ къ церковному достоянію заставляли въ глубинѣ души считать отцами лжи тѣхъ, кто призванъ быть духовнымъ отцомъ, воспитателемъ и твердыней религіознаго чувства. Создавалось положеніе явно благопріятное къ подтачиванію религіознаго чувства въ массахъ. При такой дѣйствительности надо считаться съ несложной психологіей: человѣкъ по дѣйствіямъ людей всегда судитъ о томъ учрежденіи, въ которомъ проявляется дѣятельность этихъ людей. Такъ, напримѣръ, если судьи допускаютъ поборы, допускаютъ такую практику, что въ судѣ могутъ благополучно разрѣшаться дѣла только съ помощью „достовѣрныхъ лжесвидѣтелей“, то

---

[1]) См. стенограммы 14 и 16 апрѣля 1909 г. рѣчи гр. Уварова, Каменскаго, Опочинина, Караулова.

[2]) А. Папковъ. О благоустройствѣ православнаго прихода, стр. 41.

убивается и самая идея правосудія, и увѣренность въ необходимости и полезности судебнаго учрежденія. Также точно, если служители алтаря вынуждены, завѣдуя церковнымъ достояніемъ, прибѣгать къ обману, къ подлогамъ, къ „терпимому святотатству“, то они воспитываютъ населеніе въ недовѣріи къ себѣ, уничтожаютъ свой собственный нравственный авторитетъ и въ концѣ концовъ являются самыми опасными разрушителями той вѣры, той религіи, которую они должны укоренять и утверждать въ душахъ населенія. Являясь творцами обмана въ одномъ случаѣ, они во всемъ остальномъ теряютъ довѣріе къ себѣ. Никакіе обряды, одѣянія, внѣшній престижъ имъ не помогутъ; они могутъ превращать камни въ хлѣбъ, но если они разъ допустили обманъ, то и самому чуду никто не повѣритъ. Вѣдь вѣра человѣка не терпитъ никакихъ условностей; человѣкъ не можетъ заставить себя вѣрить такъ или иначе; его вѣра слагается изъ длиннаго ряда впечатлѣній и часто одно ложное движеніе наставника вѣры можетъ убить все его дѣло. Такимъ образомъ, церковно-приходское нестроеніе опасно не только съ хозяйственной точки зрѣнія, но, что еще важнѣе, опасно какъ факторъ, колеблющій вѣру, ослабляющій религіозныя чувства народа. Здѣсь одна изъ главныхъ причинъ почему, какъ хорошо сказалъ членъ Гос. Думы профессоръ Капустинъ, „колеблется религіозная жизнь, колеблется величайшая, единственная основа нравственнаго строя населенія“ [1]), почему, добавимъ отъ себя, храмы начинаютъ пустовать, почему многіе искренніе люди, не порабощенные апатіей, ищутъ путей удовлетворенія своихъ религіозныхъ влеченій внѣ установленной церкви.

„Союзъ 17 Октября“ всегда стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что государство бережно должно охранять религію, что общество, лишенное въ своемъ сознаніи элементовъ нравственныхъ понятій, находящихъ свое обоснованіе въ религіи, въ вѣрѣ, не замедлитъ превратиться въ стадо взаимно грызущихся индивидовъ, осужденныхъ на регрессъ, на атавистическое возвращеніе къ взаимной борьбѣ, на старое „bellum omnium contra omnes“. Членъ Г. Думы профессоръ Капустинъ [2]) выражая свое продуманное убѣжденіе, совершенно правильно, съ точки зрѣнія „Союза 17 Октября“, указалъ, что религія, какъ основа нравственности не можетъ быть замѣнена „понятіемъ классовой борьбы и правъ того или другого класса“. Это послѣднее печальное понятіе съ легковѣсныхъ брошюрокъ и фельетоновъ, перешедшее въ нашъ обиходъ прежде всего опровергается историческимъ процессомъ развитія и прогресса человѣческихъ обществъ. Изслѣдованія такихъ научныхъ величинъ, какъ Спенсеръ, Вундтъ, Сутерландъ и другихъ съ достаточной убѣдительностью показали, что не борьба а мирное сожитіе — удѣлъ человѣчества. Этотъ удѣлъ опредѣляется тѣмъ, нынѣ доказаннымъ въ изслѣдованіи Сутерланда, историческимъ закономъ, по которому выживаютъ и раз-

---

[1]) Стенограмма 16 апрѣля 1909 г.
[2]) Стенограмма 16 Апрѣля 1909 г.

виваются только мирные элементы, или, говоря словами Евангельской заповѣди блаженства, только „кроткіе наслѣдуютъ землю“. Поэтому-то въ своемъ историческомъ развитіи общество людей постепенно переходитъ отъ состоянія постоянной воинственности, насилія и борьбы къ устроенію промышленнаго уклада жизни, къ мирному сожитію на началахъ кооперації и взаимной помощи. Потому-то въ силу историческаго процесса жизни человѣкъ можетъ быть соціальнымъ существомъ, если онъ въ то же время остается и моральнымъ существомъ, руководящимся на каждомъ шагу своей дѣятельности велѣніями совѣсти, развивающимися и укрѣпляющимися вмѣстѣ съ ростомъ моральныхъ и религіозныхъ представленій, съ подъемомъ духовнаго міросозерцанія.

Итакъ, „Союзъ 17 Октября“ всегда стоялъ на точкѣ зрѣнія, высказанной его сочленомъ профессоромъ Капустинымъ, что не классовая борьба и привиллегіи того или другого класса должны лежать въ основѣ общественной жизни, а укрѣпленіе въ общественной средѣ религіозно-нравственныхъ представленій. Поэтому „Союзъ 17 Октября“ полагалъ необходимымъ направлять всѣ свои усилія къ устраненію тѣхъ явленій, которыя препятствуютъ росту и укрѣпленію религіи въ общественной средѣ и считалъ себя обязаннымъ реагировать на вышеуказанныя явленія изъ церковно-приходской жизни, подрывающія и ослабляющія религіозное чувство въ православномъ обществѣ. Подчиняясь требованіямъ основныхъ законовъ, лишающимъ Гос. Думу правъ законодательствовать въ области церковнаго управленія, „Союзъ 17 Октября“ воспользовался оставшимся законнымъ путемъ и при разсмотрѣніи смѣты Св. Синода внесъ вышеприведенное заявленіе.

При этомъ „Союзъ 17 Октября“ обратилъ особенное вниманіе на тотъ фактъ, что на православнаго священника, при организаціи прихода, ляжетъ важная задача и большая нравственная отвѣтственность. Это онъ—избранникъ своей паствы—приметъ обязанность „поднять въ приходѣ пастырское учительское дѣланіе“, это онъ объединитъ въ твореніи добрыхъ, христіанскихъ дѣлъ свою паству, упразднитъ существующую рознь и печальное недовѣріе мірянъ къ своимъ духовнымъ отцамъ и утвердитъ единеніе, опираясь на единственно приложимую въ духовной области силу—на силу нравственнаго авторитета. Поэтому „Союзъ 17 Октября“ и указалъ, что прежде всего должно озаботиться объ изысканіи такихъ способовъ обезпеченія духовенства, которые, какъ я докладывалъ въ Гос. Думѣ, „соотвѣтствовали-бы значенію его духовно-нравственнаго авторитета и освобождали-бы его отъ приниженнаго состоянія“, которые избавляли бы его „отъ матеріальнаго гнета, порождающаго и нравственный гнетъ“[1]), которые разъ навсегда упразднили бы тѣ печальныя картины дѣйствительности, когда, какъ хорошо сказалъ членъ Гос. Думы профессоръ Капустинъ, „при неостывшемъ трупѣ отца или матери происходитъ разговоръ о томъ, что будетъ стоить погребеніе“[2]).

---

[1]) Стенограмма 16 Апр. 1909 г.
[2]) Стенограмма 16 Апр. 1909 г.

Не имѣя права по основнымъ законамъ выступить съ законодательной иниціативой въ дѣлѣ организаціи церковнаго прихода, „Союзъ 17 Октября“, какъ я уже объяснилъ, разсчитывалъ, что эту задачу исполнитъ правительство. Этотъ разсчетъ опирался на заявленія оберъ-прокурора Св. Синода, сдѣланныя на бюджетной комиссіи. Рѣчь оберъ-прокурора С. М. Лукьянова, произнесенная въ общемъ засѣданіи Гос. Думы 16 апрѣля 1909 года показала, что предположенія октябристской фракціи имѣютъ подъ собой почву. Отвѣчая цѣлому ряду ораторовъ, говорившихъ по поводу смѣты расходовъ Св. Синода, оберъ-прокуроръ сказалъ слѣдующее: „Полагая возможнымъ не обременять ваше „вниманіе какими-либо возраженіями по отношенію къ нѣкото„рымъ крайнимъ мнѣніямъ отрицательнаго свойства и выражая „надежду, что поводы для обоснованія извѣстныхъ взглядовъ „вѣдомства встрѣтятся еще впослѣдствіи, при обсужденіи отдѣль„ныхъ законопроектовъ, **я поднялся снова на эту кафедру лишь для „того, чтобы доложить общему собранію Гос. Думы о моей готов„ности принять во вниманіе, при дальнѣйшей разработкѣ вопроса о „приходѣ, то заявленіе, которое было сдѣлано членомъ Гос. Думы** „Каменскимъ [1]). Я не буду входить въ разсмотрѣніе всей мотиви„ровки этого заявленія, такъ какъ это могло бы затянуть пре„нія; не буду также представлять какихъ-либо частныхъ замѣ„чаній относительно формулировки тѣхъ трехъ пунктовъ, изъ „которыхъ слагается заключеніе, предлагаемое отъ имени „Союза „17 Октября“. Достаточно, мнѣ кажется, сказать, что въ суще„ственномъ эти три пункта могли бы встрѣтить сочувствіе очень „многихъ, и при томъ не только здѣсь, въ Гос. Думѣ, но и во „всемъ населеніи, какъ они встрѣчаютъ сочувствіе и со стороны „вѣдомства православнаго исповѣданія. Я уже имѣлъ честь до„кладывать Гос. Думѣ, что вѣдомство озабочено въ настоящее „время разработкой, для проведенія въ соотвѣтствующемъ законо„дательномъ порядкѣ, новаго положенія о приходѣ, и что, вѣ„домство не менѣе того озабочено улучшеніемъ матеріальнаго „положенія духовенства, а также принятіемъ различныхъ адми„нистративныхъ мѣръ, направленныхъ къ исправленію замѣчен„ныхъ недостатковъ. Хорошо сознавая многоразличнѣйшія трудности, которыя могутъ встрѣтиться на этомъ пути, я не тороплюсь „обольщать себя слишкомъ рѣшительными надеждами на быстрое „возвышеніе всего того, что желательно было бы возвысить. „Тѣмъ не менѣе, послѣ обмѣна мнѣніями съ преосвящен„ными епископами Евлогіемъ и Митрофаномъ и нѣкоторыми „другими членами Гос. Думы, а также и съ ближайшими моими „сотрудниками по вѣдомству, **я рѣшаюсь высказаться въ томъ „смыслѣ, что представленное членомъ Гос. Думы Каменскимъ заклю„ченіе будетъ использовано со всей возможной полнотой, и что я „лично приложу въ этомъ направленіи добросовѣстныя усилія**“ [2]).

---

[1]) Какъ упомянуто и какъ видно изъ стенограммъ чл. Гос. Д. Каменскій говорилъ „отъ имени и по порученію фракціи „Союза 17 Октября“.

[2]) Стенограмма 16 апр. 1909 г.

Въ приведенномъ до сихъ поръ изложеніи мы имѣли въ виду съ полной точностью установить отношеніе парламентской фракціи „Союза 17 Октября“ къ вопросу о реформѣ приходской жизни. По поводу этого отношенія фракціи приходилось читать и слышать сужденія вродѣ слѣдующаго: „октябристы должны „были бы начать установленіе началъ религіозной свободы во „внутренней жизни православной церкви въ видѣ учрежденія „независимаго прихода съ выборнымъ священникомъ, съ возста„новленія соборнаго начала и съ независимой же выборной выс„шей духовной іерархіи до патріарха включительно“ [1]). Надо признать, что преподнесеніе такого совѣта октябристамъ, черезъ полтора мѣсяца послѣ внесенія ими своего заявленія о приходѣ, обнаруживаютъ, что авторъ ничего не слыхалъ о дѣятельности партіи въ этой области. Вѣдь октябристы уже съ 1906 года выдвинули въ своихъ работахъ вопросъ объ обновленіи православной церкви возрожденіемъ прихода и возстановленіемъ начала соборности, и всѣми законными способами домогаются прежде всего организаціи церковнаго прихода, ибо носятъ убѣжденіе, что приходъ есть основа всѣхъ тѣхъ реформъ, которая приведетъ къ установленію „началъ религіозной свободы во внутренней жизни православной церкви“, которая создастъ ея дѣйствительную духовную мощь и величіе. Далѣе приходилось еще выслушивать обвиненіе, будто октябристы „ни однимъ словомъ не заикнулись о церковной реформѣ православія“. Эта сентенція, поставленная рядомъ съ вышеприведеннымъ заключеніемъ фракціи „Союза 17 Октября“ и отвѣтомъ на него оберъ-прокурора Св. Синода можетъ вызвать только смѣхъ. Очевидно, что авторъ этого обвиненія счелъ болѣе удобнымъ не утруждать себя ознакомленіемъ съ ходомъ работъ по церковнымъ и вѣроисповѣднымъ вопросамъ въ „Союзѣ 17 Октября“, а предпочелъ непосредственно изъ собственной въ семъ отношеніи неосвѣдомленности, на основаніи бродячихъ слуховъ, составить свой приговоръ. Въ провинціи, гдѣ люди стоятъ ближе къ жизни, гдѣ болѣе правдиво и непосредственно относятся къ запросамъ жизни, иначе поняли заявленіе фракціи о возстановленіи церковнаго прихода. Изъ малоизвѣстныхъ уѣздныхъ городовъ, изъ глухихъ деревень раздались бодрящіе, исполненные надеждъ голоса; и духовныя и свѣтскія лица привѣтствовали это заявленіе и находили отраднымъ самый фактъ возбужденія въ Гос. Думѣ вопроса о приходѣ. Не считая возможнымъ увеличивать объемъ работы печатаніемъ всѣхъ полученныхъ писемъ и отзывовъ, привожу интересное письмо крестьянъ Липиги Тверской губерніи на имя лидера октябристовъ А. И. Гучкова. Оно показываетъ, что для правильной оцѣнки дѣятельности фракціи „Союза 17 Октября“ въ этомъ жизненномъ, близко касающемся всякаго православнаго христіанина вопросѣ не столько нужны хлесткость пера, изворотливость словъ, сколько привычка называть вещи своими именами, привычка видѣть то, что передъ глазами, а не то, что

[1]) „Новое Время“, 29 мая 1909 г., статья „Разрывъ съ народомъ“.

желаетъ видѣть собственная тенденція, что исходитъ отъ собственнаго духа.—Вотъ текстъ этого письма, которое мы приведемъ полностью съ сохраненіемъ его стиля и орѳографіи:

Дорогіе избранники народа.

Прочитавъ въ № 99 газеты Свѣтъ—заявленіе Октябристовъ „о Приходѣ, высказанное въ Гос. Думе депутатомъ Каменскимъ, „позвольте всей силою души благодарить Союзъ 17 Октября и „Васъ, Г. Каменскій, такъ все это поразительно верно и глубоко „просмотрено; остается только радоватся и съ глубокою надеждою смотреть на фракцію Союза 17 Октября какъ на истинныхъ „и верныхъ представителей и помощниковъ русскому народу. „Да Благословитъ Васъ Господь во всѣхъ вашихъ дѣлахъ на „Благо дорогой и недужной нашей родины, Да въ Вашихъ трудахъ и начинаніяхъ много добраго есть и кроме Прихода... „Вернемся къ Приходу: Отчислѣніе отъ Церквей народныхъ „жертвъ для кого-то и чего-то не только разоряютъ Церковь, но „и охлодеваютъ жертвователѣй, въ корне подрываютъ народныя „жертвы на Святую Церковь. У насъ крестьянъ кроме темноты „много своей нужды, Сироты, Пристарелыя и Больныя брошены „на произволъ судьбы: Возрожденный Приходъ и въ немъ Приходскія Попечительства это былъ-бы центръ гдѣ сосредоточевались-бы умственныя и нравственныя силы народа. „Они собранныя какъ электрическій токъ послужатъ на пораженіе лжи и возрожденію нравственности народа: такъ какъ Ложъ „и беззаконіе крепко сплотились между собою, правда загнана „и въ дребезги разбита. Попечительства на доброхотныя даянія „и остатки Церковныхъ суммъ прекрасно устроили-бы престарелыхъ, больныхъ, и теперь по истене несчастнейшихъ сиротъ безъ „Христіанскихъ попечительствъ путь для сиротъ открытъ только „на порочную и дурную сторону жизни; сколько такимъ-то путемъ „изъ Сиротъ народъ приготовилъ себѣ враговъ опустошителѣй, „Съ возрождѣніемъ Попечительствъ долженъ возродится свѣтлый „чудный Законъ о прекращеніи бродячева нищенства Милостыня „теперь по большой части похищается людми здоровыми но „только порочными; она для такихъ-то что бисеръ для скота по„пирается ногами неудовлетворяетъ и несмиряетъ ихъ а даетъ „имъ только средства растить и развивать свои порочныя наклонности а этими наклонностями поралізуютъ и высасываютъ здо„ровое и трудящіеся населеніе, этотъ страшный бичъ народа „выросшій на доброхотномъ и безърасчотномъ даяніи народа эти „лица отъ 18 и 30 летъ пристающіи за подаяніемъ ко всемъ „встречнымъ и поперечнымъ много бедъ въ носятъ въ народѣ „отъ нихъ Очищаютъ города, темъ болѣе за соряютъ деревни для „такихъ дабно нужны Государственныя трудовыя артели. Труда„то труда, на руси Руды, Розсыпи, Леса, Одни русскія болота „разработанныя могли-бы оживить всю россію. Трудовыя артели „посланнымъ въ нее Лицамъ откроютъ жизнь свѣтлую трудовую „многимъ изъ нихъ вернутъ утерянную ими волю и трудъ эти

„два драгоценныя звена, веть волею и трудомъ только и сильно „человѣчество. Крестьянинъ Иванъ Яковлевъ Николай Боровицкій Павелъ Суратовъ Василій Цыкулаевъ Иванъ Алексѣевъ Василій Корниловъ Ѳедоръ Алексѣевъ“.

## IV.

5 мая 1906 въ Гос. Думѣ разсматривался выработанный комиссіей по дѣламъ Православной Церкви законопроектъ объ отмѣнѣ правоограниченій, связанныхъ съ лишеніемъ или снятіемъ съ себя священнослужителями духовнаго сана. Членъ Гос. Думы, священникъ Добромысловъ, предлагая отклонить законопроектъ, назвалъ его „первой ласточкой вѣроисповѣдной весны“ [1]). Названіе образное, но не соотвѣтствующее содержанію законопроекта: во всякомъ случаѣ онъ не былъ новорожденной ласточкой, онъ не предлагалъ неслыханнаго новшества, а стремился возстановить старый законъ, дѣйствовавшій до 1839 года. Съ этого 1839 года былъ введенъ рядъ ограниченій для священно и церковнослужителей, невѣдомыхъ прежнему законодательству. Изъ доклада комиссіи по дѣламъ Православной Церкви, составленнаго священникомъ І. В. Титовымъ, явствуетъ, что съ 30 годовъ прошлаго столѣтія въ нашихъ законахъ начертаны слѣдующія распоряженія: „священно-церковнослужители, добровольно сложив„шіе санъ или званіе, не имѣютъ права поступать на граждан„скую службу—священники ранѣе 10 лѣтъ, діаконы ранѣе 6 лѣтъ, „причетники и монашествующіе всегда (т. III, уст. служб., ст. 12, „13; т. IX Зак. Сост., ст. 415 п. 3); свѣтскіе чины, полученные „ими до посвященія въ духовный санъ, не возвращаются и „служба ихъ въ духовныхъ должностяхъ на выслугу пен„сіи въ разсчетъ не принимается (т. IX, Зак. Сост. ст. „428 п. 4 и 5, ст. 414). Монашествующіе, сверхъ того, обязаны „оставить ту губернію, гдѣ они были монахами (т. IX Зак. Сост., „ст. 415 п. 4), дать подписку о подчиненіи всѣмъ ограниченіямъ „подъ опасеніемъ за нарушеніе оной быть отосланнымъ въ Си„бирь на всегдашнее пребываніе безъ разрѣшенія и тамъ вступать „въ службу“ (ст. 415 п. 6). Лишенные уже духовнаго сана или „званія по духовному суду священнослужители подвергаются „еще большимъ правоограниченіямъ: „имъ запрещается какъ „въѣздъ въ обѣ столицы и жительство въ оныхъ, такъ и вступ„леніе въ государственную или общественную по выборамъ дво„рянскимъ и городскимъ службу (т. XIV Уст. Пред. Прест., ст. „179), участіе въ выборахъ земскихъ (т. II, Пол. Земск. Учр., ст. „27) и городскихъ гласныхъ (т. II, Город. Пол., ст. 33) и чле„новъ Государственной Думы (т. I Пол. выбор. Гос. Думу, ст. „10). Въѣздъ и жительство въ столицахъ воспрещается въ теченіе

[1]) Стенограмма 5 мая 1906 года.

„7 лѣтъ, а вступленіе въ службу въ теченіе: для діаконовъ „12 лѣтъ, священниковъ—20 лѣтъ.

„Но и по прошествіи этихъ сроковъ запрещенія эти сла„гаются только въ томъ случаѣ, если „образомъ жизни бывшіе „священнослужители заслужатъ одобреніе своихъ обществъ или „сословій", и „дозволеніе свободнаго выбора службы дается только „имѣющимъ на оное право по своему состоянію или по ученымъ „степенямъ". (Уст. Пред. Прест., ст. 179).

Министерство Внутр. Дѣлъ по вопросу объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ статей закона, заключающихъ вышеуказанныя ограниченія, вошло въ сношеніе со Св. Синодомъ и „не считая возможнымъ возражать противъ сужденій" [1]) названнаго учрежденія, въ согласіи съ этими сужденіями предлагало отмѣнить для бывшихъ священнослужителей, причетниковъ и монаховъ ограниченія въ правѣ поступленія на государственную службу, воспретивъ, однако проходить гражданскую службу въ предѣлахъ той губерніи, гдѣ они состояли священно или церковнослужителями или монахами (12, 13 ст. Уст. о служб. гражд. и п. 3 ст. 415 зак. о сост.). При этомъ Министерство предлагало относительно послушниковъ монастырей, исключенныхъ изъ духовнаго званія за дурное поведеніе, сохранить въ силѣ запрещеніе проживать и приписываться въ той мѣстности, гдѣ находятся монастыри, изъ коихъ они исключены, т. е. преполагало оставить безъ измѣненія примѣчаніе къ 177 ст. Уст. о пред. и прес. прест. Не упоминая о другихъ правоограничительныхъ статьяхъ дѣйствующаго закона, указанныхъ въ приведенной выпискѣ изъ доклада священника Титова, Министерскій законопроектъ своимъ умолчаніемъ оставлялъ ихъ безъ измѣненія, сохранялъ за ними прежнюю силу дѣйствующаго закона.

Комиссія по дѣламъ православной церкви не сочла возможнымъ оставить безъ вниманія эти остатки ограниченій, тщательно ихъ пересмотрѣла и постановила всѣ вышеуказанныя ограниченія отмѣнить, сохранивъ лишь слѣдующія оговорки: 1) лица, лишенные сана по духовному суду, лишаются активныхъ и пассивныхъ избирательныхъ правъ (журналъ комиссіи по дѣламъ православной церкви № 18 за 1907—1908 гг.) и 2) „монашествующему лицу, исключенному изъ духовнаго званія на основаніи законовъ церковныхъ по приговору духовнаго начальства, воспрещается проживать въ 5 верстномъ разстояніи отъ монастыря, изъ коего онъ исключенъ, кромѣ столицъ и губернскихъ городовъ". (Докладъ священника І. В. Титова стр. 3—4).

Такимъ образомъ, Св. Синодъ, Мин. Вн. Дѣлъ, и комиссія по дѣламъ православной церкви принципіально были согласны во взглядѣ на цѣлесообразность отмѣны установленныхъ въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія правоограниченій для священниковъ, снявшихъ добровольно или лишенныхъ духовнаго сана. Комиссія лишь отмѣняла запретъ прохожденія гражданской службы въ предѣлахъ опредѣленной мѣстности, а относительно запрета

[1]) Законопроектъ № 1479, стр. 28.

жительства для монашествующихъ въ опредѣленномъ раіонѣ она это ограниченіе поставила въ болѣе узкія и опредѣленныя рамки. Затѣмъ комиссія предлагала частью отмѣнить, частью видоизмѣнить редакцію 414, 415, 428 ст. закона о сост. и 179 ст. Уст. о пр. и пр. преступленій, или другими словами комиссія предлагала отмѣнить такія стѣсненія, какъ запрещеніе въѣзда на жительство въ обѣ столицы, какъ лишеніе бывшихъ священнослужителей правъ на пенсію, на свѣтскіе чины, полученные до посвященія въ духовный санъ и нѣкоторыя другія. Сохраненіе подобныхъ остатковъ ограниченій теряло всякій смыслъ и могло быть объяснено только забывчивостью о статьяхъ закона, устанавливающихъ эти ограниченія.

Фракція „Союза 17 Октября“ уполномочила одного изъ своихъ сочленовъ заявить въ Гос. Думѣ, что она всецѣло присоединяется къ внесенному комиссіей законопроекту и будетъ голосовать въ пользу его принятія [1]). По вопросу о нежелательности сохраненія правоограниченій для бывшихъ священнослужителей фракція стояла на точкѣ зрѣнія, весьма убѣдительно и искренно развитой въ Гос. Думѣ депутатомъ Карауловымъ. Послѣдній указалъ, что главнымъ основаніемъ для оставленія этихъ ограниченій выставлялось соображеніе, будто несеніе гражданской службы бывшими іереями въ той мѣстности, гдѣ они священнодѣйствовали, будетъ соблазномъ для православныхъ. „Это—постоянный аргументъ вѣдомства православнаго исповѣданія“, говорилъ почтенный депутатъ. „Соблазнъ будетъ“, продолжалъ ораторъ, „если священникъ, ушедшій изъ духовнаго „званія потому, что онъ считаетъ себя несоотвѣтствующимъ „этому высокому сану, который, какъ я уже неоднократно имѣлъ „честь высказываться въ этихъ стѣнахъ, наиболѣе всѣхъ другихъ „требуетъ особливаго и нарочитаго къ себѣ призванія по самой „высотѣ тѣхъ обязанностей и того долга, который онъ несетъ, „священникъ, который счелъ себя несоотвѣтствующимъ и рѣшился, имѣлъ мужество покинуть этотъ санъ и всѣ сопряженныя „съ нимъ выгоды, не можетъ, изволите видѣть, служить въ казенной палатѣ или быть членомъ городской или земской управы: это—соблазнъ для православныхъ. Я думаю, что существуетъ „другой соблазнъ, гораздо болѣе сильный, когда вы человѣка, „получившаго извѣстное образованіе, лишаете такимъ ограниченіемъ всякой возможности плодотворно примѣнять свою дѣятельность для заработка куска хлѣба, а вѣдь это и есть полное „лишеніе. Я спрошу васъ, гг.: многіе ли изъ васъ, присланныхъ „сюда людей,—слѣдовательно, уже весьма извѣстныхъ людей, „выше средняго уровня—многіе ли изъ васъ, перенесясь за предѣлы другой губерніи, найдутъ себѣ тамъ, среди неизвѣстныхъ „совершенно людей, кусокъ хлѣба? Я думаю, что не всѣ изъ „васъ отвѣтятъ на этотъ вопросъ утвердительно. Итакъ, человѣкъ, тѣмъ или инымъ способомъ вышедшій изъ состава „клира, не имѣющій возможности со своимъ семействомъ пере-

[1]) Стенограмма 5 мая 1909 г.

„двинуться въ другую губернію, въ другую епархію, въ „среду неизвѣстныхъ ему людей и терпящій глубокую нужду за „невозможностью на мѣстѣ своего жительства заработать себѣ „кусокъ хлѣба такимъ трудомъ, къ которому онъ способенъ, „этотъ человѣкъ пойдетъ собирать. Гг., и не будетъ ли это соб„лазнъ, если онъ руку, которой онъ благословлялъ во имя Бо„га Вышняго, руку, которой онъ вязалъ и разрѣшалъ властью „Христа, будетъ протягивать за пятачкомъ. А, гг., мы такихъ свя„щенниковъ видѣли, мы видѣли этихъ несчастныхъ въ протер„тыхъ и заплатанныхъ подрясникахъ и поповскихъ колпачкахъ, „которые ходятъ изъ дома въ домъ съ протянутой рукой. Но есть „худшій соблазнъ, ведущій за собой разрушеніе самаго церков„наго дѣла. Нечего закрывать глаза, гг., на то, что въ нашихъ „духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ не особенно вѣрующій составъ „учащихся, что оканчивающіе ихъ въ большинствѣ случаевъ не „могутъ называться православными. Имъ запертъ входъ въ выс„шія свѣтскія учебныя заведенія, многихъ изъ нихъ нужда за„ставляетъ итти въ священничество; онъ идетъ молодой, легко„мысленный, онъ идетъ, не сознавая того ужаснаго трагическа„го положенія, которое создаетъ себѣ; онъ невѣрующій, онъ не„православный, который долженъ будетъ культивировать это пра„вославіе, который долженъ будетъ, невѣрующій въ евхаристію, „совершать безкровную жертву въ алтарѣ, онъ идетъ сюда, не „сознавая всѣхъ послѣдствій, а вы отсѣкаете ему возможность „уйти отъ этого архикощунства, вы не даете ему этой возможно„сти, вы требуете отъ него героизма, вы говорите—выйди, но оста„вайся на положеніи ссыльнаго поселенца, который не можетъ „себѣ заработать кусокъ хлѣба интеллигентнымъ трудомъ. Вотъ „такіе элементы вы оставляете въ Церкви и это, намъ говорятъ, „въ интересахъ Церкви".

Вышеизложенное предложеніе Комиссіи по дѣламъ Православной Церкви не встрѣтило возраженій по существу, если не считать такимъ возраженіемъ рѣчь члена Государственной Думы священника Добромыслова, предлагавшаго законопроектъ отклонить и усмотрѣвшаго, что весь законопроектъ, несмотря на его принятіе Св. Синодомъ и Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, внесенъ въ нарушеніе 65 ст. Основн. законовъ.

Но если предложеніе Комиссіи по дѣламъ Православной Церкви не имѣло возраженій по существу, то зато къ этому предложенію былъ предъявленъ формальный отводъ. По примѣру тов. оберъ-прокурора Св. Синода Роговича нѣкоторые ораторы [1]) указывали, что комиссія вышла изъ предѣловъ разсматриваемаго ею законопроекта, предложеннаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и что ея самостоятельное разсмотрѣніе нѣсколькихъ устарѣлыхъ статей закона представляется новой законодательной работой, которая должна вылиться въ видѣ отдѣльнаго законопроекта, при чемъ этотъ послѣдній долженъ быть направленъ на предварительное разсмотрѣніе подлежащихъ Министровъ

[1]) Священникъ Никоновичъ, проф. Вязигинъ, говорившіе отъ имени край-

и Главноуправляющихъ. Сверхъ того товарищъ оберъ-прокурора Св. Синода указывалъ, будто Комиссія при разсмотрѣніи статей изъ свода законовъ, не приведенныхъ въ министерскомъ законопроектѣ, нашла возможнымъ выполнить свою задачу „безъ заключенія церкви", при чемъ подъ Церковью товарищъ оберъ-прокурора Св. Синода понималъ не собраніе вѣрующихъ, какъ учитъ катехизисъ Филарета, а Св. Синодъ.

Двухлѣтняя работа во всѣхъ комиссіяхъ при Гос. Думѣ уже показала полную невозможность и даже безсмысленность примѣненія предлагавшейся волокиты. Разсмотрѣніе всякаго Министерскаго законопроекта сводится не только къ его утвержденію или отклоненію, но и къ внесенію поправокъ, измѣненій и дополненій. Въ этомъ отношеніи предсѣдатель комиссіи по дѣламъ православной церкви и ея докладчикъ Вл. Н. Львовъ совершенно правильно пояснилъ, что попытка товарища оберъ-прокурора Св. Синода и его подражателей „прочесть Думѣ поученіе относительно внутренняго ея распорядка" крайне неудачна, что предлагаемое „суженіе правъ комиссіи привело-бы къ весьма нежелательнымъ послѣдствіямъ въ ходѣ работъ Гос. Думы". Далѣе членъ Гос. Думы В. Н. Львовъ привелъ примѣръ, когда восполненіе правительственнаго законопроекта по аграрному вопросу, по Указу 9 ноября содѣйствовало успѣху законодательнаго творчества, и тогда такое расширеніе дѣятельности комиссіи не только „не оспаривалось правительствомъ", но и было „всецѣло имъ одобрено". Заключительныя слова докладчика мы приводимъ цѣликомъ: они вскрыли не только неосновательность заявленнаго отвода, но, если можно такъ выразиться, отсутствіе въ немъ субъективной правдивости. Г. Львовъ сказалъ: „Здѣсь на комиссію сыпались нареканія въ „томъ, что будто-бы комиссія позволила себѣ вторгаться во „внутреннія права, принадлежащія Православной Церкви. Я долженъ сказать, что, если дѣло идетъ о томъ законопроектѣ, который комиссія представляетъ теперь на обсужденіе Гос. Думы, „о томъ законопроектѣ, по которому дано заключеніе Св. Синодомъ, то между тѣмъ законопроектомъ, который одобренъ Св. Синодомъ, и тѣмъ, который представляетъ комиссія по дѣламъ православной церкви, разницы въ принципахъ нѣтъ, потому что „Св. Синодъ держится того же взгляда, что правоограниченія „должны быть сняты. Разница имѣется, только въ количествѣ „правоограниченій, которыя угодно снять. Св. Синодъ держится „того взгляда, что нужно снять правоограниченія по государственной службѣ, а комиссія предлагаетъ снять и другія правоограниченія по образованію, предоставивъ права по образованію лицамъ, снимающимъ съ себя добровольно санъ. Итакъ, говорить о вторженіи въ права Православной Церкви нѣтъ никакого основанія, потому что если укорять въ этомъ комиссію, то „совершенно логически мы придемъ къ укоренію и Св. Синода, „будто онъ ломаетъ права Православной Церкви,—мы дойдемъ „до полнаго абсурда. Было странно со стороны священнослужителей укорять комиссію въ томъ, что она держится одного „взгляда по отношенію къ правоограниченію со Св. Синодомъ.

„Далѣе, долженъ замѣтить, что мнѣ показалось страннымъ слы-
„шать отъ лица духовенства порицаніе этому весьма необходи-
„мому для духовенства законопроекту. Странно это потому, что
„въ качествѣ докладчика я выступалъ не по своей волѣ, меня
„просило выступить докладчикомъ духовенство для защиты того
„законопроекта, о которомъ само духовенство, входящее въ со-
„ставъ Гос. Думы, сказало, что оно въ немъ нуждается. Я не
„ожидалъ (рукоплесканія въ центрѣ и слѣва) отъ лицъ священ-
„наго званія, что они будутъ оспаривать тотъ законопроектъ, въ
„которомъ они нуждаются. (Голосъ слѣва: приказали). Затѣмъ,
„товарищу оберъ-прокурора Св. Синода угодно было высказать
„тотъ взглядъ, что Св. Синодъ не успѣлъ дать своего заключе-
„нія по данному законопроекту. Но я обращаюсь къ справедли-
„вости Гос. Думы: этотъ законопроектъ цѣлый годъ лежитъ въ
„Гос. Думѣ безъ движенія; неужели Св. Синодъ впродолженіе
„цѣлаго года не успѣлъ дать заключенія по данному законопро-
„екту? (Продолжительныя рукоплесканія лѣвой и центра). Еще
„съ осени прошлаго года духовенство меня просило дать дви-
„женіе этому законопроекту. Но такъ какъ до меня дошли свѣ-
„дѣнія, что по этому законопроекту заключенія Св. Синода еще не
„получено, то я не далъ движенія этому законопроекту впро-
„долженіе цѣлаго года. Почему же теперь, когда по просьбѣ
„самаго же духовенства я просилъ дать скорѣйшее движеніе
„этому законопроекту, нареканія сыплются не на представителей
„вѣдомства, не на товарища оберъ-прокурора, а на комиссію и
„на меня, какъ ея предсѣдателя? Кто же виноватъ? Обращаюсь
„къ справедливости Гос. Думы. (Рукоплесканія). Поэтому я прошу
„Гос. Думу перейти къ постатейному обсужденію даннаго законо-
„проекта и не стѣсняться побочными обстоятельствами, незави-
„сящими отъ нея. (Рукоплесканія слѣва и въ центрѣ).

Всякому бывавшему въ гражданскихъ отдѣленіяхъ суда вѣроятно случалось изрѣдка наблюдать, какъ, при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ безспорныхъ дѣлъ, сторона, лишенная аргументовъ, начинаетъ измышлять разные отводы по формальнымъ соображеніямъ. Проявляемая въ такихъ случаяхъ казуистика, конечно, не содѣйствуетъ обнаруженію судебной истины, а направлена по преимуществу лишь къ тому, чтобы или досадить противнику, или замедлить теченіе судебнаго процесса, создать судебную волокиту. Послѣ приведенныхъ объясненій докладчика В. Н. Львова получилось впечатлѣніе, что аналогичный пріемъ, принятый считать въ судахъ недоброкачественнымъ и терпимымъ лишь какъ неустранимое зло, былъ примѣненъ въ законодательномъ учрежденіи. Казалось, что имѣла мѣсто попытка создать законодательную волокиту. Къ счастью эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ, не затормозила нормальнаго теченія занятій въ Гос. Думѣ. Она провалилась: большинствомъ голосовъ всѣхъ членовъ Гос. Думы противъ голосовъ только небольшой группы крайнихъ правыхъ, законопроектъ въ редакціи комиссіи по дѣламъ Православной Церкви былъ принятъ полностью въ первомъ и второмъ чтеніяхъ [1]).

## V.

12 мая 1909 года на разсмотрѣніе общаго собранія Гос. Думы былъ внесенъ докладъ по внесенному Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ законопроекту о старообрядческихъ общинахъ (представленіе отъ 20 февраля 1907 года за № 4793).

По поводу этого доклада, разработаннаго въ комиссіи по старообрядческимъ вопросамъ и составленнаго ея докладчикомъ депутатомъ Карауловымъ, были пущены въ обращеніе различные слухи, объединенные однако однимъ общимъ признакомъ—лживостью. Говорили, что докладъ комиссіи подсказанъ какой-то политической и даже еврейской интригой. Упоминая объ этой инсинуаціи, членъ Гос. Думы А. И. Гучковъ совершенно справедливо замѣтилъ, что „старообрядцы будутъ до-нельзя удивлены, „когда узнаютъ, что ихъ давнишнія, завѣтныя, коренныя требо„ванія оказываются продуктомъ еврейской или кадетской ин„триги“. При этомъ лидеръ „Союза 17 Октября“ удостовѣрилъ, что, если докладъ комиссіи считать интригой, то въ ней первые повинны октябристы, ибо они въ комиссіи по старообрядческимъ вопросамъ „всѣ единогласно и настойчиво поддерживали выработанныя ею положенія“ [1].

Въ комиссіи по дѣламъ православной церкви высказывалось иного рода объясненіе доклада старообрядческой комиссіи. Согласно постановленію Гос. Думы этотъ докладъ, прежде его разсмотрѣнія въ общемъ собраніи Гос. Думы, былъ переданъ на заключеніе комиссіи по дѣламъ православной церкви, разсматривающей между прочимъ, какъ выше объяснено, общіе вѣроисповѣдные законопроекты въ частяхъ, касающихся Православной Церкви. Приглашенный въ эту послѣднюю комиссію чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Св. Синода д. с. с. Скворцовъ для дачи объясненій, „что слѣдуетъ разумѣть подъ понятіемъ старообрядчества“ [2], началъ свои объясненія съ уличенія старообрядческой комиссіи въ томъ, что она „ясно проявила въ общемъ и въ деталяхъ принципъ **особаго покровительства** въ отношеніи старообрядчества“, что она „стала на почву патронатства въ отношеніи къ объекту своей законодательной работы“. На это „открыто-покровительственное настроеніе думской комиссіи къ старообрядческому расколу“, по мнѣнію представителя вѣдомства, призваннаго дать объясненіе, что есть старообрядчество, „совершенно опредѣленно указываютъ нерѣдко „приводимыя въ числѣ мотивовъ, оправдывающихъ то или дру„гое принятое законосоставителями положеніе, такія напримѣръ „предупредительныя для старообрядчества и совершенно ненауч„ныя по своему объективному существу доказательства: „идя на-

---

[1]) Стенограмма 15 мая 1909 г.

[2]) Заключеніе комиссіи по дѣламъ Православной Церкви по законопроекту о старообрядческихъ общинахъ стр. 11.

„встрѣчу желанію старообрядцевъ, такъ какъ сами старообрядцы „изъявили на то желаніе“ и т. п. Если не считать приведенныхъ словъ праздной риторикой, то можно подумать, что внимательное отношеніе къ справедливымъ и жизненнымъ, по убѣжденію членовъ старообрядческой комиссіи, домогательствамъ части русскаго населенія предосудительно или по крайней мѣрѣ „ненаучно“. Тутъ очевидно вѣетъ старой привычкой петербургскаго чиновника досаждать мирное населеніе враждебнымъ отношеніемъ къ его насущнымъ нуждамъ, раздражать его неудовлетвореніемъ самыхъ законныхъ и минимальныхъ требованій и такой нелѣпой политикой вызывать такое же нелѣпое общественное состояніе, очевидцами коего мы были въ тяжелые революціонные дни 1905 и 1906 годовъ, когда на всякое должностное лицо большая часть общества стала смотрѣть какъ на своего опаснаго врага. Тѣмъ кто въ эти дни не прятался, тѣмъ кто противодѣйствовалъ наростанію этихъ дѣйствительно опасныхъ для государства представленій и вызываемыхъ ими движеній, ясно было видно, какъ тщательно эти представленія были воспитаны той политикой пренебрежительнаго и враждебнаго отношенія къ нуждамъ мирнаго населенія, несоблюденіе коей въ старообрядческой комиссіи показалось чуть не преступнымъ „патронатствомъ“.

Распространялись еще и иного рода сплетни относительно членовъ старообрядческой комиссіи, шедшихъ уже далѣе сейчасъ приведенныхъ росказней. Въ тѣхъ органахъ печати, прикосновеніе къ коимъ, по вѣрному замѣчанію одного изъ депутатовъ, требуетъ подавленія въ себѣ брезгливости, распускалась наглая клевета, будто старообрядцы истратили чуть не милліоны рублей на подкупъ нѣкоторыхъ членовъ Гос. Думы. Эти послѣднія сочинительства, составляя явное преступленіе, вызвали предъявленіе уголовнаго обвиненія къ ихъ автору въ клеветѣ, т. е. въ распространеніи **завѣдомо ложныхъ слуховъ**, позорящихъ честь и доброе имя человѣка.

Таковы были тѣ слухи и нелѣпыя предположенія, которыя нависли надъ работой старообрядческой комиссіи. Въ дѣйствительности же было слѣдующее: 25 января 1908 года постановленіемъ Гос. Думы въ комиссію по старообрядческимъ вопросамъ былъ переданъ вышеупомянутый правительственный законопроектъ за № 4793, который разсматривался въ засѣданіяхъ названной комиссіи съ февраля 1908 года по мартъ 1909 года при участіи товарища Министра Вн. Дѣлъ, сенатора Крыжановскаго, директора Д-та Общихъ Дѣлъ Арбузова, товарища оберъ-прокурора Св. Синода Роговича и оберъ-секретаря Свят. Синода Исполатова. Въ докладѣ комиссіи мы читаемъ: на основаніяхъ Именного Высочайшаго Указа 17 апрѣля 1905 года объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости послѣдовалъ, въ порядкѣ ст. 87 [1])

[1]) Редакція 87 ст. слѣдующая: „Во время прекращенія занятій Гос. Думы, если чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость въ такой мѣрѣ, которая требуетъ обсужденія въ порядкѣ законодательномъ, Совѣтъ Министровъ представляетъ о ней Государю Императору непосредственно. Мѣра эта не можетъ, однако, вносить измѣненій ни въ Основные Государственные Законы, ни въ учре-

Осн. Госуд. Законовъ 1906 года, Именной Высочайшій Указъ 17 октября 1906 г., коимъ установлены правила: 1) о порядкѣ устройства послѣдователями старообрядческихъ согласій общинъ, а также о правахъ и обязанностяхъ сихъ лицъ, и 2) о порядкѣ устройства отдѣлившимися отъ православія сектантами общинъ, а также о правахъ и обязанностяхъ сихъ лицъ. „Изданіе этихъ правилъ на основаніи ст. 87 Основныхъ Госу„дарственныхъ Законовъ было вызвано необходимостью скорѣй„шаго осуществленія милостей, Высочайше дарованныхъ мил„ліонамъ русскихъ людей, принадлежащихъ къ старообрядче„ству и различнымъ сектамъ.

„Съ открытіемъ дѣйствія Гос. Думы 2-го созыва, Министръ „Вн. Дѣлъ внесъ на ея разсмотрѣніе соотвѣтствующій означен„нымъ правиламъ законопроектъ, а послѣ роспуска Гос. Думы „2-го созыва тотъ же законопроектъ поступилъ въ Гос. Думу „третьяго созыва“ [1]).

Ранѣе сего 29 сентября 1906 г. Министръ Вн. Дѣлъ созвалъ совѣщаніе, на которое были приглашены 33 представителя поповщинскихъ и безпоповщинскихъ согласій старообрядчества. Изъ приложеннаго къ этому протоколу списка старообрядцевъ, явившихся на совѣщаніе, явствуетъ, что были приглашены свѣтскія лица изъ старообрядцевъ и „старообрядческіе архіепископы, епископы, протоіереи, священники, діаконы“. Такъ они именуются въ упомянутомъ спискѣ. Идя навстрѣчу нуждамъ населенія, Правительственное Совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Тов. Министра Вн. Дѣлъ С. Е. Крыжановскаго между прочимъ выработало и передало въ Думскую Комиссію „Проектъ положенія о старообрядцахъ, **согласованный съ ихъ пожеланіями** [2]). Такимъ образомъ, стоя на точкѣ зрѣнія д. с. с. Скворцова, обвинявшаго Думскую Комиссію въ „патронатствѣ“ старообрядческимъ домогательствамъ, необходимо обвинять въ соучастіи въ семъ проступкѣ и правительственное совѣщаніе, составившее и передавшее въ Гос. Думу „проектъ, согласованный съ пожеланіями старообрядцевъ“.

Временныя правила о порядкѣ устройства старообрядческихъ общинъ, изданныя 17 октября 1906 г. на основаніи 87 ст. Основныхъ Законовъ предоставляли старообрядцамъ различныхъ толковъ и согласій слѣдующія права:

1) Старообрядцамъ разрѣшалось свободно образовывать религіозныя общины, для чего учредители этихъ общинъ обязывались сообщить губернской власти: а) наименованіе согласія или толка, послѣдователями коего образуется община, б) допу-

---

жденія Гос. Совѣта или Гос. Думы, ни въ постановленія о выборахъ въ Совѣтъ или въ Думу. Дѣйствіе такой мѣры прекращается, если подлежащимъ Министерствомъ или Главноуправляющимъ отдѣльною частью не будетъ внесенъ въ Гос. Думу въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ возобновленія занятій Думы соотвѣтствующій принятой мѣрѣ законопроектъ, или его не примутъ Государственная Дума или Государственный Совѣтъ.

[1]) Докладъ комиссіи по законопроекту о старообрядческихъ общинахъ, стр. 1.

[2]) Приложеніе къ законопроекту за № 4793.

скаетъ ли согласіе или толкъ духовныхъ лицъ, настоятелей или наставниковъ, в) мѣстности, на которыя предполагается распространить дѣятельность общины и г) мѣстонахожденіе существующаго или предполагаемаго къ постройкѣ храма, молитвеннаго дома или соотвѣтствующаго ему помѣщенія (ст. 8 правилъ).

Заявленіе объ открытіи общины должно быть подписано не менѣе чѣмъ 50 лицами.

2) Общинамъ предоставляется право избирать совѣтъ духовныхъ лицъ, настоятелей, сооружать храмы, устраивать школы, благотворительныя учрежденія и пріобрѣтать недвижимыя имущества (ст. 13 и 14 правилъ).

3) Избраннымъ общиной духовнымъ лицамъ, настоятелямъ и наставникамъ предоставляются общія права, принадлежащія духовнымъ лицамъ (1048 ст. X т. ч. 1) и имъ ввѣряется веденіе книгъ для записи рожденій, браковъ и смертей ихъ единовѣрцевъ. Въ старообрядческихъ же общинахъ безпоповскихъ согласій веденіе книгъ, удостовѣряющихъ акты гражданскаго состоянія, можетъ быть возлагаемо на особыхъ, избираемыхъ общими собраніями общинъ, старостъ (ст. 35, 36 и 39 правилъ).

Таковы въ существенномъ предоставленныя старообрядцамъ права, вытекающія изъ признанія начала свободы совѣсти и дозволенія россійскимъ гражданамъ свободно исповѣдывать всякое вѣроученіе, не воспрещенное уголовнымъ закономъ.

Думская комиссія, приступая къ разсмотрѣнію внесеннаго Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ проекта правилъ о старообрядческихъ и сектантскихъ общинахъ, разсмотрѣла отдѣльно только первую часть проекта „о порядкѣ устройства послѣдователями старообрядческихъ согласій общинъ, а также о правахъ и обязанностяхъ сихъ лицъ“, вслѣдствіе того, что вторая часть этого проекта передана на обсужденіе вѣроисповѣдной комиссіи. Такой порядокъ разсмотрѣнія далъ возможность старообрядческой комиссіи представить законченный докладъ въ Гос. Думу, касающійся исключительно старообрядческихъ общинъ. При этомъ комиссія въ своихъ работахъ неуклонно творила (съ точки зрѣнія чиновника особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Св. Синода) тотъ же грѣхъ, что и правительственное совѣщаніе 29 сентября 1906 г.: она считалась съ выраженными пожеланіями старообрядцевъ и въ числѣ разсмотрѣнныхъ ею матеріаловъ „имѣла рядъ постановленій старообрядческихъ съѣздовъ за нѣсколько лѣтъ“, рядъ выработанныхъ этими съѣздами законопроектовъ, касающихся поповскихъ и безпоповскихъ согласій [1]). Относясь съ полнымъ вниманіемъ къ выраженнымъ требованіямъ старообрядцевъ, многократно повтореннымъ и заявленнымъ въ разныхъ концахъ Россійской Имперіи, думская комиссія въ то же время относилась къ нимъ строго критически: нѣкоторыя изъ нихъ (напр. о закрытіи общинъ не иначе какъ судебнымъ порядкомъ) она отвергла. Но нѣкоторыя указанія старообрядцевъ

---

[1]) Стенограмма 15 мая 1909 г., № 113, стр. 1361, объясненія докладчика Караулова.

она считала справедливыми, пріемлемыми и ввела ихъ въ свой законопроектъ, въ общемъ согласный съ нынѣ дѣйствующими правилами, изданными два съ половиною года тому назадъ.

Мы не будемъ приводить всѣхъ внесенныхъ комиссіей измѣненій и дополненій, такъ какъ большинство изъ нихъ скорѣе имѣетъ редакціонный характеръ и не вызываетъ особыхъ споровъ[1]). Мы остановимся только на тѣхъ трехъ дополненіяхъ, внесенныхъ комиссіей въ правительственный законопроектъ, на которыхъ, главнымъ образомъ, сосредоточились всѣ пренія въ Гос. Думѣ и которыя раскололи ее на два несогласныхъ между собою лагеря.

Эти измѣненія и дополненія суть слѣдующія: 1) редакцію первой статьи министерскаго законопроекта, начинающейся словами „старообрядцамъ предоставляется свободное исповѣданіе ихъ вѣры“, комиссія предложила изложить такъ: „старообрядцамъ предоставляется свободное исповѣданіе и проповѣданіе ихъ вѣры“.

2) Затѣмъ комиссія предложила, чтобы разрѣшеніе открытія старообрядческихъ общинъ опредѣлялось не усмотрѣніемъ губернской власти, а наличностью указанныхъ въ законѣ условій, при которыхъ община считается законно существующей (ст. 6 законопр. комиссіи).

3) Наконецъ комиссія, „идя навстрѣчу желанію старообрядцевъ, пріемлющихъ священство“ признавала возможнымъ присвоить ихъ духовнымъ лицамъ наименованіе „священнослужителей по старообрядчеству“.

I) По поводу слова „проповѣданіе“, введеннаго въ первую статью законопроекта, въ Гос. Думѣ было сказано много ненужныхъ словъ и обнаруженъ, какъ хорошо сказалъ А. И. Гучковъ, „страхъ словъ“ [2]). Все сіе было совершенно излишнее, такъ какъ въ министерскихъ законопроектахъ, препровожденныхъ въ Гос. Думу и находящихся въ распоряженіи гг. депутатовъ вопросъ о правѣ проповѣданія разработанъ съ надлежащей полнотой и, что всего важнѣе, съ той освѣдомленностью, которой не доставало нѣкоторымъ изъ ораторовъ, говорившихъ по этому вопросу.

Изъ приведеннаго во 2-ой главѣ настоящаго доклада опредѣленія понятія свободы совѣсти, установленнаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи данныхъ „науки и опыта западныхъ законодательствъ“ мы знаемъ, что признаніе свободы совѣсти подразумѣваетъ „право каждаго лица заявлять свою вѣру и **убѣждать не принадлежащихъ къ ней къ принятію исповѣдуемаго имъ ученія**“. Это свое основное положеніе Министерство Внутреннихъ Дѣлъ болѣе подробно развиваетъ въ своемъ законопроектѣ „объ отношеніи государства къ отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ“ (№ 1474). Свои объясненія оно начинаетъ съ указанія, что по

---

[1]) Желающіе познакомиться болѣе подробно съ работой комиссіи по старообрядческимъ вопросамъ могутъ обратиться къ ея докладу, прекрасно составленному В. А. Карауловымъ.

[2]) Стенограмма, зас. 113.

дѣйствующему закону право проповѣди, предоставлено одной лишь православной церкви, что послѣдователямъ всѣхъ другихъ признанныхъ въ Россіи вѣроученій, какъ христіанскихъ такъ и нехристіанскихъ, воспрещено вести проповѣдь не только съ цѣлью отвлечь православныхъ въ какое-либо иное христіанское или нехристіанское исповѣданіе, но и съ цѣлью обратить въ свою вѣру кого-либо изъ инославныхъ, иновѣрныхъ и даже язычниковъ. Словомъ, инославнымъ и иновѣрнымъ воспрещена всякая проповѣдь, имѣющая цѣлью вызвать переходъ изъ одной религіи въ другую. Единственное исключеніе сдѣлано для Лондонскихъ миссіонеровъ, которые въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 14 февраля 1875 г. получили, въ предѣлахъ царства польскаго, право проповѣди евреямъ и обращенія ихъ въ христіанство. При этомъ министерскій законопроектъ обращаетъ вниманіе, что статьи закона [1]), устанавливающія означенное запрещеніе не вызываютъ никакой кары въ случаѣ ихъ нарушенія. Это законы лишенные санкціи и потому они называются „несовершенными—leges imperfectae“; они соотвѣтствуютъ тѣмъ немногимъ статьямъ изъ нашего свода законовъ, которыя, не заключая безусловнаго повелительнаго распоряженія, скорѣе напоминаютъ „благочестивыя пожеланія“. Таковы, напримѣръ, нынѣ отмѣненная 153 ст. уст. о пред. и прес. прест., объявлявшая: „запрещается всѣмъ и каждому пьянство“, или нынѣ дѣйствующая 157 ст. того же устава, слѣдующаго содержанія: „запрещается мужскому полу старѣе семи лѣтъ входить въ торговую баню женскаго пола, а женскому въ баню мужского пола, когда въ оныхъ другой полъ парится“. Къ этой категоріи пожеланій законодателя относится требованіе, выраженное въ 106 ст. гражд. зак., о томъ, что „мужъ долженъ любить жену, какъ собственное свое тѣло“...

Понятно, да и жизненный опытъ подтверждаетъ, что всѣ эти распоряженія, нарушеніе коихъ не сопровождается законнымъ воздѣйствіемъ, не препятствовали людямъ ни пьянствовать, ни париться въ баняхъ въ любезномъ имъ сообществѣ, ни-же питать къ своей женѣ ненависть вмѣсто любви. Также точно сохранившееся въ нѣкоторыхъ статьяхъ закона пожеланіе, чтобы никто изъ инославныхъ или иновѣрцевъ не проповѣдывалъ, не распространялъ своего вѣроученія, остается бездѣйственнымъ. Сохраненіе же такихъ обветшалыхъ и ненужныхъ законовъ, являясь лишь оправданіемъ для примѣненія административныхъ усмотрѣній, можетъ вызвать на практикѣ такія дѣйствія властей, которыя существенно умалятъ возвѣщенное начало свободы совѣсти. Вѣдь не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ настоящее время, по силѣ 81 ст. Основныхъ Законовъ „Россійскіе подданные пользуются свободой вѣры, и вслѣдствіе этого имъ предоставлено право безнаказанно исповѣдывать какую угодно, не воспрещенную уголовнымъ закономъ вѣру и право „оказательства“, т.-е. выраженіе своей вѣры во внѣшнемъ культѣ.

---

[1]) Статьи 4, 256, 779, 1102 и 1110 Уст. Пн. Исп. и 45, 70, 77 уст. о пред. и прес. преступленій.

На практикѣ же нельзя провести грани между исповѣданіемъ, оказательствомъ и проповѣданіемъ, какъ это превосходно объяснилъ въ Гос. Думѣ депутатъ Маклаковъ въ своей рѣчи, произнесенной въ защиту старообрядческаго законопроекта [1]). Право проповѣданія, какъ извѣстно, подразумѣваетъ право излагать, объяснять словесно, письменно или печатно свое вѣроученіе, отстаивать и распространять его путемъ произнесенія рѣчи, опубликованіемъ сочиненія, выставленіемъ картинъ и всякими другими способами, не составляющими преступнаго дѣянія. Очевидно, эти дѣйствія, вытекающія изъ права проповѣданія, весьма близки къ такимъ дѣйствіямъ, которыя вытекаютъ изъ права исповѣданія и оказательства и выражаются въ публичныхъ, общественныхъ моленіяхъ, въ религіозныхъ процессіяхъ, въ выставленіи иконъ, аллегорическихъ священныхъ изображеній и т. д. Эти послѣднія дѣйствія тоже могутъ разсматриваться какъ одинъ изъ способовъ обнаруженія и распространенія людьми своего вѣроученія.

Въ Гос. Думѣ многіе изъ ораторовъ русское слово „проповѣдь“, „проповѣданіе“ замѣняли иностраннымъ „пропаганда“. Противъ употребленія того или другого слова можно и не возражать; это дѣло вкуса оратора, но вполнѣ законно требовать опредѣленія приводимаго термина, чтобы спорящіе, употребляя одни и тѣ же слова, не влагали въ нихъ различнаго содержанія и не были лишены возможности понимать другъ друга. Такого опредѣленія термина пропаганды не было дано лицами, имъ пользовавшимися. Поэтому необходимо пояснить, что, если любители иностраннаго слова подъ правомъ пропаганды подразумѣвали тѣ же права, которыя сейчасъ мною указаны въ объясненіе термина права проповѣди, то спорить изъ-за словъ съ ними не приходится. Но если, введя свой терминъ, они подразумѣвали допущеніе организаціи съ цѣлью распространенія того или другого вѣроученія на подобіе основаннаго въ Римѣ въ XVII вѣкѣ миссіонерскаго учрежденія, извѣстнаго подъ именемъ Congregatia de fidei propaganda и имѣвшаго цѣлью распространеніе католичества, то въ такомъ случаѣ они говорили не по предмету разсматриваемаго законопроекта. Старообрядческая комиссія, вводя въ законъ слово права проповѣданія, не даетъ никакого повода думать, что она предлагаетъ установить учрежденіе, организацію для распространенія старообрядчества. Поэтому, чтобы не вести спора изъ-за словъ, чтобы не создавать, путемъ употребленія терминовъ безъ опредѣленія ихъ содержанія, непонятнаго другъ для друга языка, мы должны разъ навсегда запомнить, что комиссія предлагала и Гос. Дума одобрила признаніе за каждымъ старообрядцемъ **права изъяснять, излагать и распространять свое вѣроученіе способами, разрѣшенными закономъ.** Таково подлинное постановленіе Гос. Думы и если его имѣть въ виду, то самое названіе предоставленнаго права „правомъ проповѣди или пропаганды“ безразлично, и слово пропаганда теряетъ то

[1]) Стенограмма 12 мая 1909 г., засѣданіе 111.

значеніе жупела, которымъ пользуются враги христіанскаго начала свободы совѣсти, чтобы смутить простодушныхъ людей.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ употреблять русскія слова „проповѣдь“, „проповѣданіе“, и имѣть въ виду сейчасъ приведенное ихъ объясненіе.

Итакъ, Государственная Дума постановила предоставить старообрядцамъ право проповѣданія. Такимъ постановленіемъ она подтвердила уже допущенную нашимъ законодателемъ ненаказуемость по закону самаго факта проповѣданія; затѣмъ такимъ постановленіемъ она отмѣняетъ объявленный запретъ проповѣди, и тѣмъ предупреждаетъ возможность какихъ-либо административныхъ мѣропріятій по отношенію къ лицамъ, излагающимъ, изъясняющимъ и распространяющимъ свое вѣроученіе способами, разрѣшенными закономъ. Конечно предоставленіе права проповѣданія, не означаетъ отмѣны всѣхъ законовъ и административныхъ распоряженій, устанавливающихъ время, мѣсто и условія, при коихъ разрѣшается самое проповѣданіе. Разрѣшеніе проповѣди означаетъ лишь, что изложеніе своего вѣроученія и убѣжденіе примкнуть къ нему не составляетъ преступленія, не наказуемо, и что наказуемымъ остается нарушеніе тѣхъ условій, тѣхъ требованій закона, съ соблюденіемъ коихъ можетъ имѣть мѣсто проповѣдь. Поэтому всякій проповѣдникъ, который вздумалъ бы собрать толпу въ нарушеніе правилъ 4 марта 1906 г. подвергся бы всѣмъ послѣдствіямъ нарушенія дѣйствующаго закона, всякій проповѣдникъ, позволившій себѣ кощунственное отношеніе къ православію или вообще къ одному изъ христіанскихъ вѣроученій, подвергся бы уголовному преслѣдованію по 74 ст. уголов. ул.; поэтому же, на основаніи сейчасъ дѣйствующаго закона, проповѣдникъ, произносящій публично рѣчь, „возбуждающую къ переходу право-„славныхъ въ иное вѣроисповѣданіе или ученіе, или секту съ **„цѣлью совращенія православныхъ“**, подвергается чувствительной карѣ по 90 ст. угол. улож. [1]).

Въ вышеупомянутомъ Министерскомъ законопроектѣ вопросъ о правѣ проповѣди трактуется по отношенію къ послѣдователямъ всѣхъ дозволенныхъ вѣроученій. Понимая это право въ изъясненномъ сейчасъ смыслѣ, Министерскій законопроектъ совершенно правильно констатируетъ, что запретъ права проповѣди „представляется весьма существеннымъ умаленіемъ свободы совѣсти“. По этому поводу законопроектъ приводитъ весьма поучительную аргументацію, которую считаемъ полезнымъ привести дословно: „естественнымъ стремленіемъ всякаго истинно вѣрующаго яв-„ляется желаніе сдѣлать сопричастникомъ своей религіозной „жизни, своихъ упованій и вѣрованій—другихъ лицъ; индиф-„ферентизмъ въ дѣлахъ вѣры и убѣжденій большею частью со-

---

[1]) Лично я принадлежу къ тѣмъ, которые полагаютъ, что 90 ст. подлежитъ отмѣнѣ; объ этомъ я скажу нѣсколько дальше; пока же отмѣчаю, что комиссія не предлагала, а Государственная Дума не постановила отмѣнить приведенную статью уголовнаго кодекса.

„провождаетъ безвѣріе. Не слѣдуетъ забывать, что каждое рели-
„гіозное общество имѣетъ вполнѣ естественную тенденцію рас-
„пространенія и расширенія. Считая именно себя носителемъ еди-
„ной, абсолютной истины, а всѣ другія вѣроученія заблуждаю-
„щимися, каждое общество почитаетъ своимъ первымъ нрав-
„ственнымъ долгомъ,—долгъ проповѣди той истины, которую оно
„исповѣдуетъ. Подобно тому, какъ каждое христіанское исповѣ-
„даніе считаетъ, что только къ нему въ частности отно-
„сится заповѣдь Христова „шедше убо научите вся языки“,
„такъ и магометанство имѣетъ завѣтъ прозелитизма отъ Магомета,
„такъ и всякая другая религія, имѣющая закономъ проповѣдь
„истины, имѣетъ и долгъ пропаганды этой истины. Стремленіе
„къ проповѣди своей вѣры является такимъ образомъ неизбѣ-
„жнымъ послѣдствіемъ убѣжденія въ ея истинности и объ-
„ясняется въ значительной степени чисто альтруистическимъ
„побужденіемъ, — указать ближнему единственно правильный
„путь къ спасенію. Нельзя, конечно, признавать, чтобы такое
„стремленіе само по себѣ было достойно порицанія и подлежало
„преслѣдованію со стороны государственной власти“ [1]).

Затѣмъ Министерскій законопроектъ, подчеркивая обязанность Министерства Вн. Дѣлъ, по силѣ основныхъ законовъ, „стоять на стражѣ правъ и преимуществъ Православной Церкви“ поясняетъ, что эта обязанность не требуетъ защиты тѣхъ привилегій православной церкви, кои „направлены не столько къ упроченію первенствующаго ея значенія, сколько къ ограниченію „правъ другихъ вѣроисповѣдаій“. Имѣя же въ виду, что сохра-
„неніе такихъ преимуществъ было бы безусловно несовмѣстимо
„съ понятіемъ свободы совѣсти“, что существующія ограниченія
„права пропаганды“ не соотвѣтствуютъ „дарованной населенію Ма-
„нифестомъ 17 октября свободѣ совѣсти“, Министерство Вн. Дѣлъ въ своемъ законопроектѣ предлагаетъ: „предоставить право про-
„повѣди всѣмъ признаннымъ въ Имперіи вѣроисповѣданіямъ, а
„въ томъ числѣ и старообрядчеству и отпавшимъ отъ право-
„славія сектамъ, отмѣнивъ дѣйствіе статей 4, 256, 779, 1102 и
„1110 Уст. Ин. Исп., 45, 70 и 77 Уст. Пред. Прест. и Высочайш.
„Повел. отъ 14 февраля 1875 г.“ [2]).

Приведенное предложеніе М-ва Вн. Дѣлъ, поскольку оно касается отмѣны дѣйствія законовъ, лишенныхъ обязательной санкціи (leges imperfectae), поскольку оно предоставляетъ право проповѣди между инославными и иновѣрными, едва ли можетъ быть отвергнуто по какимъ-либо серьезнымъ, жизненнымъ доводамъ. Объективная, согласованная съ Евангельскимъ ученіемъ аргументація Министерскаго законопроекта не встрѣчала да и не можетъ встрѣтить серьезныхъ возраженій.

До сихъ поръ она дѣйствовала убѣдительно въ тѣхъ случаяхъ, когда съ ней приходилось считаться людямъ,

---

[1]) Страница 14.

[2]) Законопроектъ объ отношеніи государства къ отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ, № 1474, стр. 13—16.

имѣющимъ возможность свободно, безъ предвзятости составлять свое рѣшеніе. Такъ напримѣръ, когда въ вѣроисповѣдной комиссіи, въ ея засѣданіи 5 марта 1908 г., былъ поставленъ на поименное голосованіе вопросъ: „допустимо-ли свободное распространеніе всѣми исповѣданіями своего вѣроученія среди инославныхъ и иновѣрныхъ“, то этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ утвердительно большинствомъ 22 голосовъ противъ 5. При чемъ большинство составилось не только изъ свѣтскихъ лицъ, изъ инославныхъ, но въ него вошли 4 православныхъ священника, изъ коихъ только одинъ числится въ лѣвыхъ фракціяхъ. М. же В. Д. черезъ своего представителя покойнаго д. с. с. Владимірова заявило, „что Министерство не беретъ на себя разрѣшенія вопроса о предѣлахъ свободы пропаганды, предоставляя его всецѣло усмотрѣнію народной совѣсти въ лицѣ народныхъ представителей“ [1]). Этимъ заявленіемъ М-во Внутр. Дѣлъ, осуществляя „непреклонную волю Монарха о дарованіи населенію незыблемыхъ основъ свободы совѣсти“ [2]), расходилось со Св. Синодомъ, представитель коего д. с. с. Исполатовъ заявилъ, что Св. Синодъ „рѣшительно возражаетъ противъ предложенія министерскаго зако„нопроекта о правѣ свободной пропаганды и полагаетъ, что это „право, право свободнаго распространенія своего ученія, должно „принадлежать только одной православной вѣрѣ, а всѣмъ остальнымъ исповѣданіямъ и вѣроученіямъ слѣдуетъ дозволить при„нимать въ свои нѣдра лишь лицъ, обращающихся къ нимъ по „собственному побужденію“ [3]).

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ столкновеніе двухъ непримиримыхъ теченій: одно стремится провести въ жизнь возвѣщенное съ высоты Трона начало свободы совѣсти, другое—ему противодѣйствовать. Чего нибудь новаго и оригинальнаго это разномыслiе двухъ вѣдомствъ не представляетъ. Ходъ вѣроисповѣдныхъ реформъ во всѣхъ христіанскихъ государствахъ удостовѣряетъ, что при проведеніи въ жизнь истинно христіанскаго начала свободы совѣсти, всегда въ это дѣло замѣшивается реакція, пропитанная старыми языческими представленіями, языческимъ пониманіемъ, замѣшивается своего рода „advocatus diaboli“, который по счастію несостоятельностью своихъ возраженій въ концѣ концовъ еще болѣе защитниковъ реформы убѣждаетъ въ ея необходимости. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что у насъ процессъ проведенія вѣроисповѣдныхъ реформъ пойдетъ по другому руслу, чѣмъ въ другихъ христіанскихъ государствахъ и поэтому можно быть увѣреннымъ, что побѣда останется за Министерствомъ Вн. Дѣлъ, разъ оно будетъ продолжать свое дѣло устраненія препятствій къ пользованію дарованнымъ по волѣ Монарха благомъ свободы совѣсти, выражающимся въ правѣ свободнаго исповѣданія и проповѣданія своего вѣроученія. Вѣдь уже и теперь всѣмъ бросается въ глаза вся нелѣпость запрещенія просвѣщать

---

[1]) Журналъ засѣданія комиссіи по вѣроисп. вопрос. 5 мая 1908 г. № 10.
[2]) Представленіе въ Гос. Думу отъ 26 февраля 1907 г. за № 1480.
[3]) Приложеніе къ журналу засѣданія комиссіи по вѣроисп. вопрос. отъ 28 февраля 1908 г. за № 9.

язычниковъ обращеніемъ ихъ въ одно изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Поэтому право проповѣди среди инославныхъ и иновѣрныхъ, конечно, не замедлитъ быть начертаннымъ въ дѣйствующихъ законахъ. Но вопросъ станетъ сложнѣе и болѣе спорнымъ, когда зайдетъ рѣчь о правѣ проповѣди среди православныхъ съ цѣлью ихъ совращенія изъ православія.

Чтобы предупредить возможность спора изъ-за словъ, необходимо установить содержаніе юридическаго термина совращеніе дать его опредѣленіе. Придерживаясь разъясненій Сената и пользуясь установленной имъ терминологіей, мы подъ совращеніемъ понимаемъ такія „активныя дѣйствія человѣка, которыя направлены къ отвлеченію отъ православія“; поэтому совратитель есть „интеллектуальный виновникъ [1]), склонившій къ отступленію отъ православія“ (рѣшеніе Сената по дѣлу Гриммъ № 9, 1891 г.). Значитъ нашъ законъ подъ совращеніемъ понимаетъ подстрекательство къ отпаденію отъ православія и то опредѣленіе подговорщиковъ и подстрекателей, которое мы находимъ въ 13 ст. стараго уложенія о наказаніяхъ вполнѣ примѣнимо и къ совратителямъ. Понимая совращеніе въ изъясненномъ смыслѣ, попытаемся дать отвѣтъ на вопросъ: можетъ ли совращеніе изъ одной вѣры въ другую, признанную государствомъ, составлять самостоятельное преступленіе, послѣ того какъ дѣйствующимъ закономъ устранена наказуемость перехода изъ одного вѣроисповѣданія во всякое другое, не воспрещенное закономъ (Указъ 14 марта 1906 г.).

По поводу интересующаго насъ вопроса въ Министерскомъ законопроектѣ мы находимъ весьма цѣнныя соображенія, высказанныя еще въ 1877 году покойнымъ членомъ Гос. Совѣта Терномъ въ его статьѣ, помѣщенной въ „Сборникѣ Государственныхъ Знаній“ издававшемся подъ редакціей Безобразова [2]). На страницѣ 17 вышеуказаннаго министерскаго законопроекта мы можемъ прочитать слѣдующія интересныя строки: „Въ религіозной сферѣ логически возможно преслѣдованіе совратителей „только при постановкѣ вопроса на абсолютно теократическую „точку зрѣнія. Совратителей въ ереси или иновѣріе могли преслѣдовать ветхозавѣтные іудеи; совратителей могла преслѣдовать и католическая церковь, потому, что она вообще не допускаетъ мысли, чтобы государство могло разрѣшить въ католической странѣ существованіе какихъ-либо некатолическихъ „вѣроисповѣданій. Но въ государствѣ, не признающемъ теократическаго начала и допускающемъ хотя нѣкоторую степень вѣротерпимости, всякая мѣра, направленная противъ совратителей „въ дѣлахъ религіи, не прибѣгавшихъ къ преступнымъ средствамъ для совращенія, является непослѣдовательною и логически несостоятельною.

„При допущеніи въ странѣ вообще публичнаго культа другихъ вѣроисповѣданій, кромѣ господствующей религіи, каждый

---

[1]) Юридическій терминъ—„интеллектуальный виновникъ“—означаетъ подстрекатель.

[2]) См. стр. 43.

„представитель послѣднихъ невольно можетъ обратиться въ со-
„вратителя.

„Каждый воодушевленный католическій или протестантскій
„проповѣдникъ можетъ, даже вопреки прямому своему намѣре-
„нію, подать поводъ къ совращенію. Его слова при публичности
„проповѣди доступны и православнымъ слушателямъ, а потому
„могутъ возбудить въ послѣднихъ мысли, которыя могутъ при-
„вести ихъ къ переходу въ католичество или протестантство.
„Даже простыя бесѣды о религіозныхъ вопросахъ оказываютъ
„иногда воздѣйствіе на религіозныя убѣжденія собесѣдниковъ.
„Примѣръ родителей или супруга можетъ также имѣть вліяніе,
„а между тѣмъ было бы, очевидно, несправедливо признавать
„преступнымъ убѣжденнаго въ своей вѣрѣ отца или супруга или
„даже постороннее лицо за то только, что они искренно выска-
„зывали или обнаруживали свои религіозныя убѣжденія. Та-
„кимъ образомъ, логически послѣдовательнымъ представляется
„только или совершенное воспрещеніе въ государствѣ всѣхъ
„непринадлежащихъ къ господствующей церкви вѣроисповѣданій,
„или непреслѣдованіе совратителей, поскольку они не пользова-
„лись при совращеніи средствами, самими по себѣ преступными.

На основаніи этихъ никакой критикѣ неуязвимыхъ аргумен-товъ Министерство приходитъ къ заключенію, что было бы „наи-болѣе правильнымъ совершенно исключить совращеніе изъ числа самостоятельныхъ преступленій“ [1]). При этомъ Министерство ого-варивается, что совращеніе въ изувѣрныя ученія продолжаетъ оставаться преступнымъ дѣяніемъ: принадлежность къ изувѣр-ному ученію по дѣйствующему законодательству составляетъ преступленіе, поэтому и удавшееся подстрекательство къ нему должно по силѣ уголовныхъ законовъ также почитаться преступле-ніемъ, облагаемымъ наказаніемъ. Но Министерство не ограничивается приведенной оговоркой, оно допускаетъ другую и исключительно по политическимъ видамъ; оно предлагаетъ оставить наказуемымъ совращеніе православныхъ въ томъ случаѣ, если это совращеніе выразится „въ произнесеніи или чтеніи **публично** проповѣди, рѣчи „или сочиненія или въ распространеніи или публичномъ выстав-„леніи сочиненія или изображенія, **возбуждающихъ къ переходу „православныхъ** въ иное вѣроисповѣданіе или ученіе или секту“. Другими словами, Министерство предлагаетъ сохранить нынѣ дѣйствующую 90 ст. уголовнаго уложенія, требующую для своего примѣненія двухъ признаковъ, объективнаго—публичности дѣй-ствій и субъективнаго: публичныя дѣйствія должны вызываться исключительной цѣлью совращенія православныхъ. Министерство слѣдующимъ образомъ поправдываетъ свою точку зрѣнія. Выска-„зываясь такимъо бразомъ за предоставленіе инославнымъ и ино-„вѣрнымъ исповѣданіямъ права свободной проповѣди, нельзя, „однако, допустить, чтобы право это обратилось въ орудіе борьбы „этихъ исповѣданій противъ Православной Церкви. Признавая „за послѣднею первенствующее значеніе и предоставляя ей осо-

[1]) Стр. 19.

„бую защиту государственной власти, законъ, очевидно, не мо-
„жетъ допустить дѣйствій, направленныхъ къ отвлеченію отъ
„Православія. Разрѣшеніе иновѣрцамъ и послѣдователямъ ино-
„славныхъ христіанскихъ исповѣданій права проповѣдывать свою
„вѣру среди православныхъ, съ цѣлью обращенія ихъ въ свое вѣро-
„ученіе, представлялось бы въ значительной степени опаснымъ и для
„интересовъ самого государства, особенно въ отношеніи нашихъ
„окраинъ, гдѣ вопросы религіозные по большей части неразрывно
„связаны съ интересами національными и политическими, а между
„тѣмъ православное населеніе по малочисленности и разбросанности
„его среди инородцевъ и отсутствію достаточнаго числа право-
„славныхъ пастырей является сравнительно мало способнымъ
„противустоять религіозной пропагандѣ".

Старообрядческая комиссія не предложила, Гос. Дума не постановила отмѣнить дѣйствіе 90 ст. уг. ул. Такимъ образомъ, ни Государственная Дума, ни ея комиссія не выразили своего отрицательнаго отношенія къ сохраненію въ силѣ названной статьи уголовнаго кодекса. Поэтому, если принятый Государственной Думой законопроектъ о старообрядческихъ общинахъ станетъ дѣйствующимъ закономъ, то тѣмъ не менѣе всякая публичная рѣчь, проповѣдь, сочиненіе и т. д., вызванныя исключительною цѣлью совратить православнаго, склонить къ переходу въ другое вѣроученіе въ случаѣ достиженія этой цѣли составятъ уголовно наказуемое дѣяніе.

Лично мы полагаемъ, что сохраненіе въ уголовномъ кодексѣ 90-ой статьи есть ошибка. Съ нашей точки зрѣнія всякая проповѣдь, рѣчь, сочиненіе, хотя бы направленныя къ совращенію православныхъ, но вытекающія изъ субъективно правдиваго, альтруистическаго побужденія пріобщить своего ближняго къ той вѣрѣ, которую ея послѣдователь считаетъ единственно спасительной, есть актъ добродѣтели; добродѣтель-же не только не облагается уголовной карой, но къ ней непримѣнимо даже простое порицаніе. Исполненіе завѣта Христа „шедши научите вся языки" называть преступленіемъ, значило бы подкапываться подъ основы христіанскаго ученія. Конечно, при этомъ нельзя закрывать глаза на дѣйствительность и нельзя отрицать того факта, что возможны случаи, когда склоненіе къ переходу изъ одного вѣроисповѣданія въ другое будетъ вызываться какими-либо мірскими, политическими, суетными цѣлями, возможно, что найдутся проповѣдники, которые вмѣсто того, чтобы славить Бога, займутся ловлей душъ, у коихъ имя Божіе станетъ орудіемъ для осуществленія человѣческихъ заблужденій. Но для предупрежденія такихъ случаевъ 90 ст. уголовнаго кодекса представляется недѣйствительнымъ средствомъ: она не поможетъ отличить добрыя сѣмена отъ плевелъ и будетъ съ одинаковой щедростью расточать суровое наказаніе, какъ по отношенію къ человѣку убѣждающему по альтруистическимъ мотивамъ, такъ и по отношенію къ ловцу душъ, дѣйствующему по суетнымъ, политическимъ или инымъ видамъ. Въ этомъ отношеніи болѣе дѣйствительнымъ и раціональнымъ средствомъ предупрежденія случаевъ злоупотреб-

ленія проповѣдью являются нынѣ дѣйствующія правила 4 марта 1906 года о собраніяхъ; они опредѣляютъ порядокъ и условія при коихъ собранія могутъ состояться, устанавливаютъ контроль въ лицѣ отвѣтственныхъ распорядителей и представителя административной власти и вообще заключаютъ всѣ гарантіи, чтобы публичныя проповѣданія не превратились ни въ улавливаніе душъ, ни въ бѣшенный споръ и состязаніе на улицахъ и площадяхъ, какъ это случалось въ Западной Европѣ и какъ это въ свое время осмѣяно Гейне въ его изображеніи диспута между изувѣрнымъ раввиномъ и фанатическимъ католическимъ монахомъ [1]).

Правда въ комиссіи по дѣламъ православной церкви миссіонеръ Айвазовъ, приглашенный объяснить, что есть старообрядецъ, высказывалъ мнѣніе, будто „непримѣнимость Манифеста 17 октября 1905 г. къ религіозной жизни неоспорима“, будто и Министръ Вн. Дѣлъ и оберъ-прокуроръ Св. Синода по своему невѣдѣнію полагаютъ, что временныя правила 4 марта 1906 г. приложимы къ религіознымъ союзамъ и обществамъ. При этомъ миссіонеръ Айвазовъ пользуется всего лишь однимъ аргументомъ: такъ полагаетъ Св. Синодъ [2]). Слѣдуя этой вольной логикѣ можно договориться, что дѣйствующія правила о собраніяхъ, какъ вытекающія изъ Манифеста 17 октября 1905 г. не распространяются на собранія, на коихъ происходитъ религіозный диспутъ. По счастію и предложенія Св. Синода, и ихъ приведенное истолкованіе безсильны отмѣнить Высочайшій Указъ 4 марта 1906 г., въ силу коего предписывается дѣйствіе правилъ не распространять лишь на: 1) собранія, устраиваемыя по распоряженію правительственныхъ мѣстъ и лицъ; 2) подготовительныя къ выборамъ въ Государственную Думу собранія выборщиковъ; 3) религіозныя либо молитвенныя собранія, а также 4) происходящія въ обычномъ порядкѣ похоронныя шествія, крестные ходы и другія религіозныя процессіи, о мѣстѣ и времени которыхъ въ столицахъ и городахъ предваряется мѣстная полицейская власть [3]).

Такимъ образомъ, всякое иное собраніе, трактующее о какихъ угодно не воспрещенныхъ закономъ темахъ и въ томъ числѣ о религіозныхъ темахъ подчиняется дѣйствію этихъ правилъ и можетъ быть безапеляціоннымъ усмотрѣніемъ присутствующей власти закрыто, „когда оно явно отклоняется отъ предмета занятій, „когда въ немъ высказываются сужденія, возбуждающія вражду „одной части населенія противъ другой, когда нарушенъ порядокъ „мятежными возгласами, восхваленіемъ преступленій, возбужде„ніемъ къ насилію либо неповиновенію властямъ, или же распро„страненіемъ преступныхъ воззваній, когда оно принимаетъ харак-

---

[1]) Желающій провѣрить правильность моего заключенія о значеніи упомянутыхъ правилъ, пусть прочитаетъ ст. 1—15 отд. III сихъ правилъ.

[2]) Заключеніе комиссіи по дѣламъ православной церкви по законопроекту о старообрядческихъ обществахъ, стр. 22.

[3]) Именной Высочайшій Указъ о временныхъ правилахъ и собраніяхъ 4 марта 1905 г., отд.

„теръ, угрожающій общественнымъ спокойствію и безопасности“. (Ст. 12 названныхъ правилъ).

Если соображаться съ юридической логикой, то сохраненіе 90 ст. угол. улож. является явной несообразностью. По нынѣ дѣйствующему Уголовному Уложенію, Высочайше утвержденному 14 марта 1906 года отпаденіе отъ православія не почитается преступленіемъ и не облагается уголовной карой. Поэтому законодатель, продолжающій считать совращеніе изъ православія самостоятельнымъ преступленіемъ, при ненаказуемости отпаденія отъ православія, поставляется въ необходимость облагать наказаніемъ подстрекательство къ дѣянію непреступному. Нѣтъ необходимости объяснять абсурдъ подобнаго законодательнаго распоряженія: элементарная логика требуетъ, для признанія подстрекательства преступнымъ, во-первыхъ, склоненіе къ дѣянію, воспрещенному уголовнымъ закономъ, во-вторыхъ, совершеніе этого запретнаго дѣянія (см. разъяс. Сената подъ 13 ст. угол. улож.). Къ такому же заключенію пришла и вѣроисповѣдная комиссія при Гос. Думѣ и въ засѣданіи 21 марта 1908 г. большинствомъ 16 голосовъ, противъ 15 высказалась за отмѣну 90 ст. угол. улож. Голосуя тогда съ большинствомъ, я придерживался тѣхъ же соображеній, которыя повторяю теперь. Въ поданомъ мною въ вѣроисповѣдную комиссію заявленіи я между прочимъ писалъ: „присоединяясь къ мнѣнію большинства членовъ вѣро-„исповѣдной комиссіи о предоставленіи лицамъ христіанскаго „и нехристіанскаго вѣроисповѣданія, признаваемаго государ-„ствомъ, права свободной проповѣди своего вѣроученія, полагаю, „что публичная проповѣдь должна подчиняться тѣмъ правиламъ, „которыя установлены для всякаго рода публичныхъ собраній, „открываемыхъ при соблюденіи опредѣленныхъ условій и въ опре-„дѣленныхъ мѣстахъ. Только нарушеніе этихъ правилъ должно „быть предметомъ уголовнаго преслѣдованія; совращеніе же изъ „православія, предусмотрѣнное ст. 90 угол. кодекса, не можетъ „сохранить характера уголовно-наказуемаго дѣянія послѣ обна-„родованія Высочайшихъ Манифестовъ 17 апрѣля и 17 октября „1905 года, провозгласившихъ начало свободы совѣсти и неми-„нуемо вытекающей изъ этого начала свободы проповѣди“ [1]).

Весь обнаруженный среди нѣкоторыхъ лицъ испугъ предъ словомъ право проповѣданія нисколько, сдается мнѣ, не колеблетъ правильности этого заключенія. Кромѣ того, оно находитъ для себя опору въ авторитетномъ мнѣніи нашего извѣстнаго всему образованному міру криминалиста, профессора Н. С. Таганцева: почтенный ученый полагаетъ, что 90 ст. „въ приданной „ей конструкціи и прежде являлась недостаточной, а нынѣ, послѣ „закона 17 апрѣля 1905 года, сохраненіе ея въ уголовномъ уло-„женіи представляется совершенно неправильнымъ“ [2]).

Интересное и въ высокой степени поучительное мнѣніе по интересующему насъ вопросу высказалъ Высокопреосвященный Антоній, Митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій.

---

[1]) Журналъ засѣданія 21 марта 1908 г. № 13

[2]) Угол. Улож. 22 марта 1903 г. Изд. Н. С. Таганцева, стр. 59

Относясь къ этому вопросу исключительно съ точки зрѣнія интересовъ Православной Церкви, Владыко въ 1905 году, въ засѣданіи Комитета Министровъ объяснилъ, „что примѣненіе 1906 ст. „(нынѣ отмѣненной) Уст. Угол. Судопроиз. возлагающей на ду„ховное начальство обязанность требовать отъ подлежащихъ „властей производства предварительнаго слѣдствія по дѣламъ „о совращеніи изъ Православія или отступленія отъ Вѣры Хри„стіанской, всегда представлялось ему нравственно тягостнымъ". Полагая, что такая обязанность требовать преслѣдованія въ уголовномъ порядкѣ преступленій и проступковъ противорѣчитъ положеннымъ въ основу Православной Церкви началамъ мира и христіанской любви, Высокопреосвященный Антоній ходатайствовалъ передъ Комитетомъ о возбужденіи вопроса объ отмѣнѣ или измѣненіи означенной статьи закона" [1]).

Неправильно было бы объяснять приведенныя слова первенствующаго Іерарха Православной Церкви въ томъ смыслѣ, что онъ находилъ возбужденіе уголовныхъ дѣлъ о совращеніи изъ Православія „нравственно тягостнымъ" лишь для духовенства, но не для свѣтскихъ лицъ; христіанскія начала одинаково святы и для пастырей, и для ихъ паствы. Кромѣ того, отъ такого объясненія вѣяло бы средневѣковымъ лицемѣріемъ, выражавшимся словами: „ecclesia horret sanguinem, — церковь боится пролитія „крови, церковь чуждается злыхъ дѣлъ и исполненіе сихъ мер„зостей поручаетъ свѣтскимъ людямъ". Такая политика фарисейства и вѣроломства невѣдома Православной Церкви и, конечно, Высокопреосвященнѣйшій Владыко не ее имѣлъ въ виду, а ту высокую мысль, что въ христіанскомъ государствѣ въ основѣ законодательства должны лежать истинные завѣты Евангельскаго ученія.

Итакъ, Министерство Вн. Дѣлъ, разрабатывая вопросъ о предоставленіи права проповѣди, высказалось самымъ опредѣленнымъ образомъ „за предоставленіе инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ права свободной проповѣди" [2]), за предоставленіе каждому лицу права „заявить свою вѣру и убѣждать непринадлежащихъ къ ней къ принятію исповѣдуемаго имъ ученія" [3]) и при этомъ допустило двѣ оговорки: одну, на нашъ взглядъ правильную, устанавливающую наказуемость подговора къ переходу въ изувѣрныя ученія и другую, на нашъ взглядъ неправильную, устанавливающую наказуемость только той публичной проповѣди и нѣкоторыхъ дѣйствій, кои имѣютъ цѣлью склонить къ отпаденію отъ православія.

По отношенію къ предоставленію права проповѣди старообрядцамъ Гос. Дума и ея комиссія полностью присоединились къ изъясненной точкѣ зрѣнія нашего Правительства. При наличности такого обстоятельства весьма забавной должна показаться

---

[1]) Высочайше утвер. 17 апрѣля 1905 года особый журналъ К-та Министровъ отъ 25 Января, 1 и 8-го февраля и 15 марта 1905 года.

[2]) Законопроектъ № 1474, стр. 16.

[3]) Законопроектъ № 1479, стр. 1.

пущенная сплетня, будто октябристы, голосовавшіе въ пользу признанія за старообрядцами права проповѣданія руководились не своимъ убѣжденіемъ, не изученіемъ вопроса, а лишь особымъ „тактическимъ моментомъ", требовавшимъ облечь себя въ тогу дешеваго либерализма. Не переводятся, повидимому, и такіе разносчики слуховъ, которые не умѣютъ даже сочинить правдоподобной сплетни.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ, при разсмотрѣніи законопроекта о переходѣ изъ одного исповѣданія въ другое, хорошо сказалъ, что „наше правительство не можетъ уклоняться то „влѣво, то вправо, что наше правительство можетъ итти только „однимъ путемъ, путемъ прямымъ, указаннымъ Государемъ и „еще недавно названнымъ, недавно всенародно Имъ признан„нымъ незыблемымъ". Изъ дальнѣйшихъ словъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ явствуетъ, что правительство продолжаетъ стоять на пути „проведенія въ жизнь высокихъ началъ Указа „17 апрѣля и Манифеста 17 октября 1905 года" [1]). Несомнѣнно, что эти знаменательныя слова съ полной справедливостью могутъ относиться къ вышеприведенной разработкѣ Министерствомъ Вн. Дѣлъ вопроса о правѣ проповѣданія. Несомнѣнно (несмотря на сдѣланныя замѣчанія по поводу сохраненія 90 ст. уг. улож.), слѣдуетъ признать, что наше правительство въ высказанныхъ его представителями сужденіяхъ и въ своихъ предложеніяхъ являлось правдивымъ и добросовѣстнымъ проводникомъ тѣхъ высокихъ христіанскихъ идей, которыя, какъ мы показали въ началѣ настоящаго доклада, красною нитью проходятъ черезъ рядъ Высочайшихъ актовъ, изданныхъ въ послѣдніе годы. Всякій изучавшій эти акты и сопоставившій съ ними сейчасъ приведенныя соображенія министерскихъ законопроектовъ, не можетъ не признать, что наше правительство являлось точнымъ исполнителемъ „неуклоннаго душевнаго желанія Монарха „утвердить незыблемыя основы дѣйствительной свободы со„вѣсти". Но зато вышеприведенныя слова, произнесенныя въ Гос. Думѣ главою нашего правительства врядъ-ли могутъ относиться къ заявленію товар. Министра Вн. Дѣлъ о томъ, что предоставленіе права проповѣди старообрядцамъ „ни Правительствомъ, „ни Св. Синодомъ ни въ коемъ случаѣ, ни при какихъ обстоя„тельствахъ принято быть не можетъ" [2]). Соглашаясь съ членомъ Гос. Думы Милюковымъ, что Министерство Вн. Дѣлъ должно оставаться на той принципіальной точкѣ зрѣнія, которую оно установило въ своихъ законопроектахъ, представленныхъ въ Гос. Думу въ февралѣ 1907 года, мы не хотѣли бы понимать заявленіе тов. Министра Вн. Дѣлъ, какъ отрицаніе этой точки зрѣнія, какъ уклоненіе отъ слѣдованія по тому прямому пути, о которомъ говорилъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, какъ слѣдствіе „подчиненія инструкціямъ Св. Синода и тѣснѣйшаго съ нимъ „единенія" [3]). Вѣдь наши законы не признаютъ Св. Синодъ непо-

[1]) Стенограмма 22 мая 1904 г., засѣданіе 116.
[2]) Стенограмма 12 мая 1909 г., засѣданіе III.
[3]) Стенограмма 13 мая 1909 г., засѣданіе 112, рѣчь чл. Гос. Думы Милюкова.

грѣшимымъ учрежденіемъ, да и его прошлое не создало ему репутаціи высоко стоящаго въ нравственномъ отношеніи, безусловно авторитетнаго института. Мы склонны думать, что въ Гос. Думѣ правительственный ораторъ упустилъ изъ виду всю полноту и основательность аргументаціи министерскихъ законопроектовъ въ пользу предоставленія права проповѣди старообрядцамъ и послѣдователямъ другихъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій, признанныхъ государствомъ, и во всякомъ случаѣ полагаемъ, что объединенное правительство не станетъ называть „ни въ какомъ случаѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ непріемлемымъ“ то, что оно само такъ обстоятельно, продуманно и добросовѣстно выработало и предложило на утвержденіе законодательныхъ учрежденій всего двумя годами раньше. Вѣдь не можетъ же правительство играть роль Хроноса, пожирающаго собственныхъ дѣтей.

Въ Гос. Думѣ высказывалось предположеніе, будто внесеніе въ законъ, опредѣляющій права и обязанности старообрядческихъ общинъ, слова проповѣдь представляетъ неслыханное новшество и будто это слово устанавливаетъ невѣдомый „голый принципъ“ необъятнаго значенія. Такое предположеніе оказалось фантастическимъ: членъ старообрядческой комиссіи депутатъ Звегинцевъ показалъ, что въ дѣйствующемъ сводѣ законовъ заключается рядъ статей, опредѣляющихъ права и обязанности инославныхъ и иновѣрныхъ, въ коихъ встрѣчается слово проповѣдь; термины „проповѣдь, проповѣданіе“ находятся въ статьяхъ, опредѣляющихъ права и обязанности католиковъ, лютеранъ, меннонитовъ, послѣдователей аугсбургскаго согласія, евангелическихъ братскихъ общинъ, а также въ статьяхъ закона, касающихся иновѣрныхъ вѣроисповѣданій — мусульманъ, суннитовъ, шіитовъ, коимъ проповѣданіе не только разрѣшается, но и вмѣняется въ обязанность. Приведя эту справку членъ Гос. Думы Звегинцевъ правильно пояснилъ, что старообрядческая комиссія „строила свой законъ“ на основаніяхъ дѣйствующаго законодательства, „что она стремилась обезпечить старообрядцамъ только то, что законъ „даетъ другимъ иновѣрнымъ исповѣданіямъ“ [1]). Такимъ образомъ, опущеніе въ законодательствѣ о старообрядческихъ общинахъ словъ „проповѣдь“, „проповѣданіе“, лишеніе ихъ тѣхъ правъ, которыя имѣютъ иновѣрцы, скорѣе явилось бы необычнымъ новшествомъ. И надо сознаться, что это послѣднее новшество было бы особенно несправедливымъ въ отношеніи старобрядцевъ,— искони вѣрныхъ сыновъ россійскаго государства. Съ этой точки зрѣнія ихъ прекрасно охарактеризовалъ товарищъ Министра Вн. Дѣлъ С. Е. Крыжановскій, назвавъ ихъ людьми, которые „какъ „въ отечествѣ, такъ и въ изгнаніи свято хранили завѣщанныя „исторіей начала русской народности и русской государственности“ [2]). Не менѣе благопріятно отзывается о нихъ, какъ о нашихъ

---

[1]) Стенограмма 13 мая 1909 г. зас. 112, см. т. св. зак. Уст. Иностр. исп. ст. 58, 257, 262, 263, 388, 391, 392, 1063, 1066, 1084, 1096, 1097.

[2]) Стенограмма 12 мая 1909 г., засѣданіе 112.

„братьяхъ по вѣрѣ“ и членъ Синода, Кіевскій Митрополитъ Платонъ. Въ своемъ пастырскомъ посланіи Владыко пишетъ: „не по „крови только вы братія наша,—у насъ съ вами одна и та же „вѣра, возросшая и процвѣтшая изъ одного и того же корня „правовѣрія, насажденнаго въ русской землѣ св. княземъ Влади„міромъ. Насъ съ вами, братія, раздѣляетъ не вѣра, которая, по „выраженію апостола Павла, есть осуществленіе ожидаемаго и „увѣренность въ невидимомъ и всѣми должна быть исповѣдуема „безъ измѣненія, а внѣшнее выраженіе богопочитанія, въ кото„ромъ Церковь Христова допускала и допускаетъ разнообразіе, „да и во внѣшнемъ выраженіи богопочтенія мы расходимся только „въ нѣкоторыхъ частностяхъ“ [1]). Признавать старообрядцевъ за вѣрныхъ сыновъ Россіи, за братьевъ не только по крови, но и по вѣрѣ, какъ это дѣлали всѣ говорившіе по законопроекту, и въ то же время отказывать имъ въ домогательствѣ пользоваться правомъ проповѣди означаетъ, какъ выразился докладчикъ Карауловъ, „начинать за здравіе и кончать за упокой“. И такой конецъ, помимо общей несообразности, еще ненуженъ и потому, что старообрядцы домогаются права проповѣди не для прозелитизма, а для застрахованія дарованнаго имъ блага свободы совѣсти отъ всякаго рода административныхъ стѣсненій, съ которыми они опытно излишне хорошо знакомы. Вѣдь понятно, что при умолчаніи о правѣ проповѣди и при существующемъ эластичномъ ея запретѣ имѣется благопріятная почва для всякаго рода и добросовѣстныхъ и недобросовѣстныхъ, но во всякомъ случаѣ вредныхъ, недоразумѣній между властью и мирнымъ населеніемъ. Предупредить это зло—первѣйшая задача законодателя.

Затѣмъ былъ выдвинутъ еще одинъ аргументъ противъ предоставленія старообрядцамъ права проповѣданія, который, несмотря на громоздкость его оборудованія, болѣе пригоденъ для анекдота. Въ засѣданіе комиссіи по дѣламъ православной церкви были приглашены особые эксперты, д. с. с. Скворцовъ и миссіонеръ Айвазовъ, чтобы доказать непознаваемость того, что есть старообрядецъ и что слѣдовательно нельзя предоставлять право проповѣди непознаваемой величинѣ. Хотя по этому вопросу не были спрошены старообрядческіе свѣдущіе люди, тѣмъ не менѣе обнаруженіе вышеназванными экспертами „полной невыяснимости того, что слѣдуетъ разумѣть подъ понятіемъ старообрядчества“, произвели такое дѣйствіе, что самъ предсѣдатель комиссіи по дѣламъ православной церкви, письменно заявилъ, что онъ отрекается отъ своего недавняго голосованія „за предоставленіе старообрядцамъ свободы проповѣданія“ и вновь готовъ голосовать „противъ предоставленія старообрядцамъ свободы религіозной пропаганды“ [2]). Все это могло бы быть серьезно, если бы не было упущено изъ виду, что всякій, принявшій такую аргументацію, повѣрившій будто на Руси нѣтъ опредѣлен-

---

[1]) Журналъ „Церковь“ за 1909 г.

[2]) Заключеніе комиссіи по дѣл. Православ. Церкви по законопр. о стар. общ. прил. № 1 къ № 412.

но сложившихся старообрядческихъ согласій, поставляется въ необходимость признать ненужность какого-либо законодательства относительно старообрядческихъ общинъ: нельзя же устанавливать права и обязанности непознаваемыхъ религіозныхъ союзовъ, какъ на это справедливо указалъ членъ Гос. Думы Н. Н. Львовъ 1-й [1].

Кромѣ того, еще упущено изъ виду, что, при предоставленіи правъ той или другой старообрядческой общинѣ, соотвѣтствующая компетентная губернская власть и Правительствующій Сенатъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будутъ рѣшать, подходитъ ли данная община подъ признанный государствомъ религіозный союзъ или не подходитъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ не будетъ регистрированъ и слѣдовательно не получитъ тѣхъ правъ, предоставить кои будто-бы неизвѣстной величинѣ опасно.—Когда приходится разбираться въ этихъ сужденіяхъ, то невольно приходитъ на память сдѣланная членомъ Гос. Думы Гучковымъ общая ихъ оцѣнка. Онъ находилъ аргументацію, выставленную противъ положеній комиссіи, „положеній, единогласно подсказанныхъ всѣми старообрядческими голосами Россіи убогой, прикрывающейся пафосомъ и громкими словами, чтобы нѣсколько замаскировать свое убожество“ [2]). Едва-ли можно возражать противъ справедливости этой оцѣнки.

Членъ Гос. Думы Епископъ Евлогій отъ имени фракціи умѣренно-правыхъ и большинства православнаго думскаго духовенства внесъ дополнительное предложеніе о томъ, чтобы старообрядцамъ было предоставлено „право проповѣданія“ съ оговоркой: „въ предѣлахъ своихъ религіозныхъ и образовательныхъ „учрежденій, а также на своихъ погостахъ и кладбищахъ“ [3]. Введеніе въ законъ такой оговорки могло бы породить въ жизни много недоразумѣній; кромѣ того, она безполезна при сохраненіи дѣйствующихъ правилъ о собраніяхъ: эти послѣднія съ большой предусмотрительностью предоставляютъ власти возможность предупрежденія и пресѣченія попытокъ злоупотребленія правомъ проповѣди вообще и въ частности, въ цѣляхъ совращенія изъ православія. Въ этомъ отношеніи достаточно вспомнить вышеуказанную 12 статью этихъ правилъ. Съ другой стороны эта оговорка вноситъ неясность относительно права участія въ религіозныхъ диспутахъ, происходящихъ на публичныхъ собраніяхъ съ вѣдома и подъ контролемъ подлежащей власти, и откроетъ широкій просторъ для всякаго рода сознательнаго и несознательнаго произвола со стороны низшихъ, по преимуществу, агентовъ администраціи. Не слѣдуетъ вводить въ законодательство такихъ наносныхъ дополнительныхъ словъ, которыя, внося неопредѣленность, нарушаютъ основную идею закона—обезпечить населенію дарованное ему Монархомъ благо свободы совѣсти, свободы исповѣданія и проповѣданія своего

---

[1]) Стенограмма 13 мая 1909 г., засѣд. 112.
[2]) Стенограмма 13 мая 1909 года, засѣданіе 112.
[3]) Стенограмма 15 мая 1909 года, засѣданіе 113.

вѣроученія. Болѣе серьезно и обстоятельно къ законопроекту старообрядческой комиссіи отнеслось меньшинство Думскаго православнаго духовенства. Напрасно членъ Гос. Думы Епископъ Евлогій усмотрѣлъ въ выраженіи искренняго убѣжденія этого меньшинства опасность „большого соблазна для православнаго „русскаго народа". Нелицемѣрно выраженное искреннее убѣжденіе людей не можетъ заключать въ себѣ соблазна; честно и правдиво сказанное слово только укрѣпляетъ общественную нравственность, а въ данномъ случаѣ глубоко продуманное и убѣжденное заявленіе меньшинства Думскаго духовенства напомнило о тѣхъ завѣтахъ Христа и Евангельскаго ученія, которымъ не было мѣста въ рѣчахъ, пропитанныхъ языческой нетерпимостью, къ первой попыткѣ проведенія черезъ законодательное учрежденіе христіанскаго начала свободы религіозной совѣсти. Вотъ почему почтенное заявленіе меньшинства Думскаго духовенства является глубоко отраднымъ явленіемъ и заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Приводимъ полностью содержаніе этого заявленія, внесеннаго „отъ имени и по порученію меньшинства Думскаго православнаго духовенства" членомъ Гос. Думы священникомъ Исполатовымъ: „находя, что запрещеніе „проповѣди, несогласной съ ученіемъ Православной Церкви: „1) не вытекаетъ изъ завѣтовъ и примѣра Господа Іисуса Христа „и Его апостоловъ; 2) не отвѣчаетъ достоинству и благу Святой „Православной Церкви, которая, какъ столпъ и утвержденіе истины, одухотворяемая Духомъ Святымъ, не имѣетъ нужды въ „пособничествѣ внѣшнихъ репрессивныхъ мѣръ для защиты ея „отъ нападковъ со стороны неправославной проповѣди; 3) не „согласуется съ Высочайшимъ Манифестомъ 17 октября 1905 года; „4) не достигаетъ положительныхъ результатовъ, къ которымъ „направляется, возбуждая фанатизмъ въ отступникахъ и низводя „проповѣдь ихъ въ скрытую и, тѣмъ болѣе, вредную пропаганду, „и успокаиваетъ бдительность тѣхъ, кои призваны къ борьбѣ съ „врагами Церкви, и признавая, что борьба съ проповѣдью старо„обрядчества должна вестись положительнымъ способомъ, при „правильномъ устройствѣ прихода и миссіи, — мы будемъ голо„совать за принятіе разд. I положенія о старообрядческихъ об„щинахъ". (Бурныя рукоплесканія лѣвой и въ центрѣ; шиканье „справа) [1]).

Можно смѣло быть увѣреннымъ, что подъ этимъ заявленіемъ съ чистой совѣстью можетъ подписаться каждый истинный православный христіанинъ. Подписалась подъ нимъ и Гос. Дума, принявъ положеніе о предоставленіи старообрядцамъ „права исповѣданія и проповѣданія ихъ вѣры".

II. Приведенныя нами возраженія противъ предоставленія старообрядцамъ права проповѣди были вызваны дѣйствительнымъ фактомъ — предложеніемъ комиссіи признать за старообрядцами „права проповѣданія". Правда критики законопроекта не обнаружили уясненія смысла и значенія этого права; они только

---

[1]) Стенограмма 15 апрѣля 1909 г., засѣданіе 113.

испугались произнесеннаго ими слова пропаганда и показали свое незнакомство съ той и для пугливыхъ людей успокоительной разработкой вопроса, которая изложена въ законопроектѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ объ отношеніи Государства къ отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ. Во всякомъ случаѣ критики исходили изъ подлиннаго факта: слово „право проповѣданія“ было начертано въ докладѣ старообрядческой комиссіи. Но не таково было положеніе противниковъ законопроекта, когда они доказывали непріемлемость предложеннаго комиссіей порядка утвержденія старообрядческихъ общинъ. Они нашли нужнымъ ратоборствовать съ призракомъ: они все время возражали противъ допущенія явочнаго порядка утвержденія общинъ и не замѣтили, что комиссія такого порядка не предлагала. Одинъ изъ противниковъ законопроекта, повторившій, по замѣчанію докладчика, члена Гос. Думы Караулова, „десятки разъ слышаное и десятки разъ опровергнутое“, началъ свою рѣчь словами: „я не „могу не высказать своего смущенія по поводу рекомендуемаго „старообрядческой комиссіей добавленія, чтобы старообрядцамъ „было дано право зарегистровываться **явочнымъ порядкомъ**, а не „разрѣшительнымъ“ [1]). Вотъ этотъ явочный порядокъ, игравшій роль пугала и былъ фантомомъ: никто его не предлагалъ. Говорившій раньше сейчасъ цитированнаго оратора членъ Гос. Думы Гучковъ съ достаточной наглядностью указалъ, что предлагаемый способъ легализаціи старообрядческихъ общинъ нельзя назвать явочнымъ. Поясняя свою мысль, почтенный депутатъ сказалъ: „Вѣдь эта поправка (къ правительственному законопроекту) имѣетъ „цѣлью одно — стѣснить нѣсколько просторъ дискреціоннаго „усмотрѣнія той губернской власти, которая будетъ разрѣшать „общины. Въ то время, какъ въ правительственномъ законопро„ектѣ предполагалось, что послѣ того, какъ учредители общинъ „удовлетворили всѣмъ законнымъ условіямъ, губернская власть „найдетъ возможнымъ или разрѣшить или отказать, при чемъ не „указано, какія же могутъ быть основанія для отказа, комиссія „по старообрядческимъ вопросамъ предлагаетъ другой способъ, „я думаю не совсѣмъ правильно въ докладѣ названный явоч„нымъ, но скорѣе нѣсколько облегченный, разрѣшительный спо„собъ, гдѣ весь споръ между просителями, учредителями общины „и властью, разрѣшающей эту общину, сводится къ одному „пункту. Могутъ ли быть просители подведены подъ законъ о „старообрядческихъ общинахъ, не есть ли они представители иной „вѣры, иной секты? И въ этихъ предѣлахъ губернская власть сохра„няетъ право отказа, и въ этихъ предѣлахъ Сенатъ, куда дѣло посту„питъ, разрѣшитъ этотъ вопросъ. Но, вводя тотъ порядокъ, „который мы предлагаемъ, повторяю, вы, если не вполнѣ устра„няете, то значительно сокращаете возможность произвольнаго „усмотрѣнія со стороны административной власти въ дѣлѣ откры„тія общинъ“ [2]).

---

[1]) Стенограмма 15 мая 1909 г., рѣчь о. Лебедева.
[2]) Стенограмма 15 мая 1909 г., засѣданіе 113.

Всякій, кто пожелалъ бы провѣрить правильность приведеннаго объясненія члена Гос. Думы Гучкова, можетъ обратиться къ тексту 7—9 статей правительственнаго законопроекта, сравнить его съ текстомъ 4—6 статей законопроекта старообрядческой комиссіи и тогда онъ увидитъ, что первый предоставляетъ губернскому или областному правленію, по полученіи заявленія и всѣхъ требуемыхъ закономъ свѣдѣній, разрѣшить образованіе общины или отказать въ разрѣшеніи, а второй предлагаетъ, чтобы губернское областное или городское по дѣламъ объ обществахъ присутствіе, послѣ исполненія просителями объ образованіи старообрядческой общины всѣхъ требованій закона, „постановляло о внесеніи ста„рообрядческой общины въ установленный реестръ“. Очевидно, комиссія сохранила разрѣшительный порядокъ, ибо явочный предполагаетъ, что община признается существующей и дѣйствующей съ момента заявленія о своемъ образованіи безъ испрошенія разрѣшенія на открытіе своей дѣятельности. Комиссія лишь ставитъ регистрацію общины или отказъ въ регистраціи въ зависимость отъ соблюденія или несоблюденія условій, начертанныхъ въ законѣ, а не отъ неограниченнаго усмотрѣнія губернскаго учрежденія.

Г. Тов. Министра Вн. Дѣлъ, доказывая непріемлемость 4—6 статей законопроекта комиссіи, сказалъ, что всякая старообрядческая община, получающая важное право вести книги гражданскаго состоянія старообрядцевъ „должна получать эти права не „иначе какъ по предварительному разрѣшенію ея бытія государ„ственною властію“. Очевидно, что это заявленіе Представителя Вѣдомства не имѣетъ никакого отношенія къ предложенію комиссіи, выраженному въ приведенныхъ статьяхъ: вѣдь согласно этихъ статей „бытіе“ общины наступитъ послѣ того, какъ воспослѣдуетъ разрѣшеніе государственнаго учрежденія, но только учрежденія дѣйствующаго въ согласіи съ требованіями начертанными въ законѣ, а не по вдохновенію мѣняющихся настроеній. Если такимъ образомъ заявленіе Г. Тов. Мин. Вн. Дѣлъ не затрагиваетъ предложенія старообрядческой комиссіи, то зато оно имѣетъ непосредственное отношеніе къ соображеніямъ Министерства Вн. Дѣлъ, приведеннымъ въ его „проектѣ правилъ о ста„рообрядческихъ и сектантскихъ общинахъ“. Г. Тов. Министра Вн. Дѣлъ по отношенію къ этимъ соображеніямъ является ихъ рѣшительнымъ противникомъ. Въ названномъ „проектѣ“ № 4793, представленномъ въ Гос. Думу съ цѣлью поясненія смысла, цѣли и содержанія предлагаемыхъ правилъ о старообрядческихъ общинахъ, приведены настолько обстоятельныя соображенія въ пользу явочнаго порядка образованія старообрядческихъ общинъ, что на мой взглядъ Г. Тов. Министра Вн. Дѣлъ не удалось поколебать убѣдительности отчасти своего собственнаго почтеннаго произведенія. На страницѣ 12 и 13-ой этого произведенія мы находимъ слѣдующія поучительныя поясненія: „Министръ Вн. „Дѣлъ, въ соотвѣтствіи съ общимъ духомъ Указа 17 апрѣля 1905 „г., а равно принимая во вниманіе весь бывшій въ распоряженіи „Министерства матеріалъ, счелъ себя обязаннымъ исходить въ „проектѣ **изъ сужденія о правѣ послѣдователей каждаго старообрядче-**

„скаго толка образовывать религіозныя общины. Отсутствіе такого права „дѣлало бы самое дозволеніе даннаго ученія призрачнымъ, ибо ка- „ждое вѣроученіе нуждается въ дозволеніи только для того, чтобы, „выливаясь во внѣ въ опредѣленныя гражданскія формы, считать „обезпеченнымъ какъ существованіе, такъ и дальнѣйшее развитіе „этихъ формъ". Поставивъ во главу своихъ сужденій этотъ правильно-обоснованный принципіальный взглядъ, Министерство Вн. Дѣлъ приводитъ нѣсколькими строками далѣе свое столь-же правильное заключеніе; оно заявляетъ: „задача законодательства „въ этомъ отношеніи сводится, такимъ образомъ, къ тому, чтобы, „исходя изъ свободы образованія религіозныхъ общинъ, выработать наиболѣе простыя и необременительныя для нихъ и наи- „болѣе обезпечивающія интересы порядка формы, въ которыхъ „происходило бы самое учрежденіе общинъ и протекало бы ихъ „дальнѣйшее существованіе". Поэтому Министерство Вн. Дѣлъ, „устанавливая принципъ свободнаго образованія религіозныхъ „общинъ" въ концѣ концовъ предлагаетъ, чтобы губернская власть „не имѣла права входить въ обсужденіе (заявленія объ открытіи религіозной общины) по существу, а лишь **наблюдала, „чтобы учрежденіе религіозной общины состоялось въ всемъ согла- „сно закону"**.

Таковы соображенія Министерства Вн. Дѣлъ; надо отдать имъ справедливость: они строго „правового характера и предлагаютъ установленіе явочнаго порядка для учрежденія религіозныхъ общинъ. Можно, и на мой взглядъ съ извѣстнымъ основаніемъ, упрекнуть старообрядческую комиссію за то, что она полностью не воспользовалась и не провела изъясненную точку зрѣнія Министерства Вн. Дѣлъ, но нельзя понять упрека въ принятіи комиссіей явочнаго порядка образованія старообрядческихъ общинъ, ею не предложеннаго. Повидимому, мы соприкоснулись съ областью той мятущейся въ страхѣ критики, которая находится по ту сторону обычнаго разумѣнія.

III. Предложеніе старообрядческой комиссіи внести въ свѣтскій законъ наименованіе для старообрядческихъ духовныхъ лицъ „священнослужитель по старообрядчеству", было понято нѣкоторыми критиками законопроекта какъ актъ вторженія свѣтской власти въ каноническую область, „какъ разрѣшеніе важнѣйшаго каноническаго вопроса путемъ государственнаго закона" (Тов. М-ра Вн. Дѣлъ), какъ признаніе за старообрядческимъ духовенствомъ правъ преемственной апостольской благодати, присущей православному духовенству, а старообрядческому духовенству не присущей. Такимъ образомъ и этотъ незатѣйливый юридическій терминъ вызвалъ опять „страхъ словъ", тотъ страхъ, которымъ встарину грѣшили старообрядцы. По счастью члену Гос. Думы Звегинцеву удалось пояснить, что предлагаемое комиссіей слово не страшное, что имъ и дѣтей нынѣ не запугаешь и что оно многократно уже вписано въ наши законы. Оказалось, что служители всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій называются священнослужителями, что наши законы испещрены терминами: католическій, армяно-грегоріанскій, лютеран-

скій, евангелическій священникъ, епископъ, митрополитъ. (Ст. 541, 1113, 1194, 1095 XI т., ст. 65, 75 X т., ст. 394 и 399 IX т. св. зак.). Приведя эту юридическую справку, членъ Гос. Думы Звегинцевъ совершенно правильно заключилъ, „что „законодатель не только примѣняетъ ко всѣмъ служителямъ „христіанскихъ церквей терминъ священнослужитель, но и упо„минаетъ по ихъ іерархическимъ степенямъ, независимо отъ „того, насколько преемственность благодати существуетъ въ „этихъ церквяхъ: „Я думаю“, продолжалъ почтенный депутатъ, „что въ догматическомъ отношеніи, напримѣръ, наличіе еписко„повъ въ лютеранской церкви, наличіе епископовъ въ аугсбург„скомъ братствѣ, наличіе епископовъ армяно-грегоріанскихъ „даетъ достаточный матеріалъ, чтобы сказать, что законъ отнюдь „не вмѣшивался ни въ каноническое значеніе этого слова, ни „въ догматическій его смыслъ, а примѣнялъ, какъ названіе, при„своенное даннымъ исповѣданіемъ опредѣленному чину и опре„дѣленной должности по исполненію имъ духовныхъ требъ“ [1]).

Правильность послѣдней мысли цитированнаго оратора подтверждается тѣмъ фактомъ, что только православная и католическая церкви считаютъ, что ихъ духовенство имѣетъ преемственную благодать, т. е. что исключительно въ этихъ церквахъ рукоположеніе іерарховъ всѣхъ степеней преемственно идетъ отъ св. апостоловъ; въ другихъ же церквяхъ, напримѣръ лютеранской, армяно-грегоріанской и др. такой преемственности нѣтъ. Тѣмъ не менѣе и для духовенства этихъ послѣднихъ церквей наше законодательство сохранило наименованіе священнослужителей и епископовъ съ приложеніемъ соотвѣтствующаго прилагательнаго. Если спорный терминъ до сихъ поръ безъ вреда для православія примѣняется къ духовенству всѣхъ христіанскихъ исповѣданій (и даже къ наставникамъ нѣкоторыхъ иновѣрныхъ обществъ), то, очевидно, было-бы абсурдно умозаключить, что необходимо сдѣлать исключеніе для духовенства старообрядческихъ церквей: вѣдь, при всей обнаруженной нетерпимости къ домогательствамъ старообрядцевъ, никто не дошелъ до названія ихъ церкви—не христіанской. Да и само Министерство В. Дѣлъ придерживалось по отношенію къ старообрядцамъ установленной въ законѣ терминологіи: если мы обратимся къ протоколу Правительственнаго совѣщанія отъ 29 сентября 1906 г., состоявшагося подъ предсѣдательствомъ Товарища Министра Вн. Дѣлъ д. с. с. С. Е. Крыжановскаго, принимавшаго участіе въ засѣданіяхъ старообрядческой комиссіи и въ засѣданіяхъ Гос. Думы при обсужденіи законопроекта о старообрядцахъ, то мы увидимъ, что почтенный предсѣдатель названнаго совѣщанія въ офиціальномъ документѣ, въ спискѣ лицъ, приглашенныхъ въ совѣщаніе, допустилъ представителей старообрядческаго духовенства именовать тѣмъ титуломъ, который отстаивается старообрядческой комиссіей. Въ „спискѣ старообрядцевъ, явившихся на совѣщаніе“, мы встрѣчаемъ слѣдующія наименованія:

---

[1]) Стенограмма 13 мая 1909 г., засѣданіе 112, стр. 1246.

1) Старообрядческій архіепископъ Іоаннъ (Картушинъ).
2) Старообрядческій епископъ Уральскій Арсеній (Швецовъ).
3) Старообрядческій епископъ Пермскій Антоній.
4) Старообрядческій епископъ Нижегородскій Иннокентій (Усовъ).
5) Старообрядческій священникъ Дмитрій Смирновъ.
6) Старообрядческій діаконъ Алексѣй Богатенковъ.
7) Старообрядческій епископъ Московскій Іовъ.
8) Старообрядческій протоіерей Левъ Чернышевъ.
9) Старообрядческій священникъ Косьма Феоктистовичъ Кузьминъ.
10) Старообрядческій діаконъ Кириллъ Ермиловичъ Макаровъ, и т. д. [1]).

Хотя отъ допущенія приведенныхъ наименованій никакихъ бѣдствій въ нашемъ отечествѣ не произшло, тѣмъ не менѣе членъ Гос. Думы В. Н. Львовъ сулитъ великія несчастія русскому государству, если въ XI томѣ свода законовъ, наряду съ наименованіемъ лютеранскій священникъ, будетъ стоять наименованіе: „священнослужитель по старообрядчеству". „Я спрошу васъ къ чему это поведетъ?" патетически вопросилъ почтенный ораторъ и далъ слѣдующій отвѣтъ: „старообрядческая іерар„хія въ русскомъ государствѣ занимаетъ совершенно особое по„ложеніе отъ другихъ вѣроисповѣданій, тогда какъ другія цер„кви, какъ католическая, армяно-грегоріанская и остальныя, ни„когда не оспаривали у іерархіи Православной Церкви ея поло„женіе въ Церкви Православной, старообрядческая же іерархія, „со времени своего возникновенія, оспариваетъ у іерархіи Пра„вославной Церкви ея іерархическое положеніе. (Голосъ справа: „вѣрно). Болѣе того, всѣ тѣ іерархическія наименованія, кото„рыя даются русской православной іерархіи, вполнѣ соотвѣт„ствуютъ іерархіи старообрядческой. Даже болѣе того, у старо„обрядческой іерархіи одно время былъ даже Патріархъ всея Руси, „а у нынѣшняго старообрядческаго архіепископа Московскаго „его старообрядческій титулъ есть—архіепископъ Московскій и „всея Руси. Я спрашиваю васъ, при такомъ положеніи, которое „старообрядческая іерархія заняла въ отношеніи къ Церкви „Православной и ея іерархіи, возможно ли русскому государ„ству узаконить эту іерархію (голосъ справа: вѣрно) и сказать „что, дѣйствительно, по закону отнынѣ (голосъ слѣва: стыдно) „архіепископъ Московскій и всея Руси будетъ архіепископомъ „Московскимъ и всея Руси? Къ чему это поведетъ? Это пове„детъ къ страшному броженію внутри Православной Церкви, ко„гда не будутъ знать кто у насъ іерархи,—тѣ или другіе [2]).

Довѣряться приведенному пророчеству затруднительно не только потому, что простымъ смертнымъ пророчества обыкновенно не даются, но еще главнымъ образомъ потому, что столѣтній опытъ наименованія духовныхъ лицъ старообрядцевъ

---

[1]) Приложеніе къ докладу № 47ъ3.
[2]) Стенограмма 12 мая 1909 г., засѣданіе 111, стр. 1022.

„соединенцовъ или единовѣрцевъ“ священнослужителями до сего дня не вызвалъ и не вызываетъ „страшнаго броженія внутри Православной Церкви“. Извѣстно, что въ царствованіе императора Павла были утверждены 16 пунктовъ соглашенія между вѣдомствомъ православнаго исповѣданія и частью старообрядцевъ; послѣдніе присоединились къ православію, при соблюденіи однако приложенныхъ въ этихъ 16 пунктахъ условій, которыя оставляли неприкосновенными „старопечатныя книги, двоеперстное сложеніе и другіе подобные сему обряды“. Въ этомъ соглашеніи старообрядческія духовныя лица названы священниками. Какъ примѣръ приведемъ текстъ нѣсколькихъ пунктовъ соглашенія. Пунктъ 3-й: „дабы Святѣйшій Синодъ и Ваше Высокопреосвященство благословили **старообрядческихъ священниковъ** „службу Божію, таинства и требы христіанскія совершать „по прежде печатнымъ книгамъ“...

Пунктъ 5: „**Старообрядческихъ священниковъ** не требовать въ Греко-Россійскую Церковь къ соборнымъ моленіямъ“...

Пунктъ 8: „**Старообрядческихъ священниковъ** не принуждать исповѣдь имѣть, кромѣ **старообрядческихъ же священниковъ**“.

Пунктъ 9: „Благоволите Ваше Высокопреосвященство **благословлять старообрядческихъ священниковъ** и старообрядцевъ, слагая два перста, по обыкновенію, древле бывшему въ Россіи“ [1])... и т. д.

Никто до сихъ поръ не смѣшивалъ этихъ старообрядческихъ іерарховъ съ православными и, конечно, никогда никому въ голову не придетъ отмѣнить это соглашеніе, отказавъ старообрядческому духовенству называться именемъ, утвержденнымъ въ текстѣ упомянутаго соглашенія, которое, несмотря на допущенное опасное слово, имѣло благодѣтельныя послѣдствія: оно приблизило часть старообрядцевъ къ православію и заставило „зашататься старую твердыню раскола“. Въ 1851 году уже насчитывалось 179 единовѣрческихъ церквей; какъ свидѣтельствуетъ писатель Андерсенъ, единовѣрію „поддался даже Иргизъ и въ 1854 году оно перекинулось на Преображенское кладбище въ Москвѣ“. Подобные факты врядъ ли могутъ способствовать укрѣпленію вѣры въ магически-разрушительное дѣйствіе словъ „священнослужитель по старообрядчеству“, но зато они наглядно подтверждаютъ справедливость сдѣланной А. И. Гучковымъ оцѣнки доводовъ, на которыхъ строились возраженія противъ этихъ словъ. „Очень наивными“, сказалъ названный почтенный депутатъ, „предъ„ставляются мнѣ аргументы, выставленные противъ тѣхъ пунк„товъ нашего доклада, гдѣ мы узаконяемъ слово священнослу„служитель по старообрядчеству. Въ самомъ дѣлѣ, неужели ав„торы этого аргумента считаютъ нашъ народъ столь темнымъ и „наивнымъ, что онъ старообрядческаго московскаго архіерея „смѣшаетъ съ московскимъ православнымъ митрополитомъ. Я „думаю, что скорѣе наивны сами авторы этого аргумента, пред-

---

[1]) Владиміръ Андерсенъ: „Старообрядчество и сектантство“, стр. 222—230.

„полагая, что они такого рода доказательствами могутъ смутить „насъ“ [1]).

Этотъ споръ изъ-за словъ, это запугиваніе мрачными перспективами, чтобы не допустить внесенія въ законъ термина многократно встрѣчающагося въ нашемъ законодательствѣ и общепринятаго въ житейскомъ обиходѣ, могло бы казаться забавнымъ, если бы успѣхъ въ этомъ направленіи не велъ къ послѣдствіямъ большого отрицательнаго значенія. Если бы Гос. Дума своимъ вотумомъ не допустила признанія за старообрядческимъ духовенствомъ права именоваться титуломъ соотвѣтственно принадлежащему ему положенію среди своихъ единовѣрцевъ, то осталось-бы нетронутой старая почва для всякаго рода недоразумѣній и столкновеній съ представителями власти. Законъ въ такомъ случаѣ объявлялъ-бы старообрядцамъ, что они имѣютъ свободу богослуженія, свободу учрежденія своихъ общинъ, свободу іерархическаго устройства, что они имѣютъ право именовать своихъ духовныхъ лицъ священнослужителями, но что послѣдніе не смѣютъ называться такъ открыто, лишены права внести свой титулъ въ свой паспортъ, не должны, подписываясь, проставлять рядомъ съ своимъ именемъ свой титулъ, какъ это имѣютъ право въ Россіи дѣлать духовныя лица всѣхъ другихъ христіанскихъ исповѣданій. Такія нелѣпыя законодательныя распоряженія, по справедливому замѣчанію члена Гос. Думы Маклакова „вносили бы сумбуръ“ и плодили бы административныя дѣла, подобныя дѣлу старообрядческаго епископа Іоанна Картушина, который „высылался по положенію объ усиленной охранѣ „за то, что онъ не хотѣлъ дать полицейской подписки иначе, „какъ подписавши свой титулъ“ [2]), другими словами за то, что онъ не хотѣлъ подписываться мѣщанинъ, а считалъ себя обязаннымъ подписываться безъ сокрытія того званія, какое онъ носилъ, т.-е. за то, что онъ подписался старообрядческій епископъ. Иначе выборное духовное лицо и не можетъ поступить, ибо даже простое умолчаніе пастыря о своемъ званіи есть соблазнъ для паствы, которая въ этомъ умолчаніи видитъ трусливое отреченіе отъ своей высокой миссіи. Запрещеніе старообрядческому духовенству называться присвоеннымъ ему именемъ ставило бы его между молотомъ и наковальнею: съ одной стороны паства грозитъ ему презрѣніемъ за умолчаніе о своемъ званіи, съ другой стороны административная власть тащитъ въ участокъ за нарушеніе закона, воспрещающаго называться присвоеннымъ ему титуломъ. Трудно отвѣтить для чего и для кого нуженъ такой законъ, нарушающій 9 п. Высочайшаго Указа 17 апрѣля 1905 г., допустившаго „обозначеніе въ выдаваемыхъ старообрядческому духовен„ству паспортахъ, принадлежащаго имъ положенія, безъ упо„требленія однако православныхъ іерархическихъ наименованій“. Вполнѣ законно надѣяться, что даже противники законопроекта о старообрядческихъ общинахъ не усмотрятъ въ наименованіяхъ

---

[1]) Стенограмма 15 мая 1909 г., засѣданіе 113.
[2]) Стенограмма 12 мая 1909 г., засѣданіе III.

„священнослужитель, епископъ по **старообрядчеству**“ тождества съ православными іерархическими наименованіями: „православный священникъ“, „православный епископъ“.

Въ изложенныхъ спорахъ изъ-за упомянутыхъ терминовъ слышится исполненіе „злобно-насмѣшливаго завѣта Мефистофеля: въ общемъ держитесь словъ“. Но Гос. Дума не послѣдовала этому завѣту: она не удовлетворилась аргументаціей, сотканной изъ однихъ словъ, она ее отвергла и не убоялась дать старообрядческимъ духовнымъ лицамъ наименованіе, соотвѣтствующее „принадлежащему имъ положенію“, наименованіе „священнослужителей по старообрядчеству“.

Въ общемъ Гос. Дума приняла выработанное комиссіей „положеніе о старообрядческихъ общинахъ“. Это „положеніе“ принципіально не расходится съ дѣйствующими „временными правилами о порядкѣ устройства старообрядческихъ общинъ“ и изданными въ силу 87 ст. основныхъ законовъ. Одобренный Гос. Думой законопроектъ предоставляетъ старообрядцамъ тѣ же права, о которыхъ упомянуто въ началѣ настоящей главы, при изложеніи содержанія нынѣ дѣйствующихъ „временныхъ правилъ“ и сверхъ того добавляетъ разслѣдованное на предшествующихъ страницахъ право проповѣданія, право утвержденія общинъ на законномъ основаніи, а не по усмотрѣнію власти и право именоваться духовнымъ лицамъ „священнослужителями по старообрядчеству“. Остальныя дополненія и измѣненія, внесенныя въ законопроектъ, одобренный Гос. Думой, не могутъ вызвать непримиримыхъ разногласій и внесенныя къ нимъ поправки не затрагиваютъ основныхъ началъ, на коихъ построенъ законопроектъ. На этихъ послѣднихъ поправкахъ скорѣе, какъ выше указано, редакціоннаго характера, мы считаемъ возможнымъ сейчасъ не останавливаться. Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы изложить существенное содержаніе законопроекта, выработаннаго Старообрядческой Комиссіей и одобреннаго Гос. Думой. Эту задачу мы считаемъ исполненной и только въ заключеніе можемъ сказать слѣдующее: принятое Гос. Домой положеніе о старообрядческихъ общинахъ представляетъ собою цѣнный законодательный актъ; ставъ дѣйствующимъ закономъ, онъ будетъ содѣйствовать утвержденію въ народной жизни христіанской идеи свободы религіозной совѣсти, въ существенномъ онъ удовлетворитъ завѣтныя, законнѣйшія желанія многомилліоннаго старообрядческаго населенія, онъ поможетъ предать скорѣйшему и общему забвенію всѣ, въ далекомъ и недалекомъ прошломъ учиненныя надъ старообрядцами безсмысленныя жестокости и такимъ образомъ совершить „великое дѣло мира и любви“.

## VI.

Съ 22 по 26 мая этого 1909 г. въ Гос. Думѣ обсуждался законопроектъ „объ измѣненіи законоположеній, касающихся

перехода изъ одного исповѣданія въ другое". Въ числѣ семи другихъ вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ онъ былъ внесенъ правительствомъ въ Гос. Думу 2-го созыва въ 1907 г. Еще ранѣе 1907 г., въ дни дѣятельности Гос. Думы 1-го созыва, 49 ея членовъ подали своему предсѣдателю заявленіе съ приложеніемъ семи основныхъ положеній законопроекта о свободѣ совѣсти. Преслѣдуя ту-же цѣль, что и 49 членовъ Гос. Думы, стремясь „намѣтить необходимыя мѣры къ обезпеченію каждому возмож„ности безпрепятственно осуществлять на практикѣ права, выте„кающія изъ дарованной Монаршей волей милости", Министерство Вн. Дѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ находило, что составленіе одного общаго законопроекта о свободѣ совѣсти, состоящаго изъ семи положеній, какъ это было проектировано Гос. Думой 1-го созыва, практически не достигало бы цѣли. „Область свободы совѣсти", поясняло Министерство Вн. Дѣлъ, „затрагиваетъ рядъ самыхъ разнообразныхъ правоотношеній" и требуетъ пересмотра и внесенія поправокъ, дополненій и измѣненій въ рядъ совершенно самостоятельныхъ отдѣловъ дѣйствующаго законодательства. По этимъ основаніямъ Министерство Вн. Дѣлъ нашло болѣе цѣлесообразнымъ изложить свои предположенія въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ законопроектахъ, объединенныхъ одной общей руководящей идеей осуществленія возвѣщенной 17 октября 1905 г. „непреклонной воли Монарха о дарованіи населенію незыблемыхъ основъ свободы совѣсти". Эти предположенія выразились въ семи внесенныхъ въ Гос. Думу законопроектахъ. „Первый содер„житъ въ себѣ изложеніе законоположеній, касающихся пере„хода изъ одного исповѣданія въ другое, и направленъ преиму„щественно къ отмѣнѣ статей закона, обусловливающихъ допу„щеніе такихъ переходовъ разрѣшеніемъ гражданской власти. „Второй законопроектъ выясняетъ отношеніе государства къ „отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ и опредѣляетъ тѣ преимущества, „которыя сохраняются за православною церковью. Третій проектъ „имѣетъ цѣлью обезпеченіе послѣдователямъ всѣхъ вѣроиспо„вѣданій свободы богослуженія и отправленія религіозныхъ обря„довъ, а равно сооруженія и устройства молитвенныхъ зданій. „Проектъ о религіозныхъ обществахъ предусматриваетъ порядокъ „образованія и условія дѣятельности обществъ, преслѣдующихъ „религіозныя цѣли, а въ томъ числѣ и вновь нарождающихся „вѣроисповѣданій и сектъ. Пятый законопроектъ касается области „семейственныхъ правъ и намѣчаетъ тѣ измѣненія, каковымъ, „въ цѣляхъ осуществленія свободы совѣсти, подлежатъ наши „гражданскіе законы въ отношеніи порядка заключенія и рас„торженія браковъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ исповѣ„даніямъ, а равно и вѣроисповѣднаго положенія ихъ дѣтей. Въ „шестомъ законопроектѣ Министерство Вн. Дѣлъ, въ согласіи „съ другими заинтересованными вѣдомствами, представляетъ къ „отмѣнѣ тѣ статьи дѣйствующаго законодательства, которыя со„держатъ въ себѣ ограниченія, политическія или гражданскія, „находящіяся въ зависимости отъ принадлежности къ инослав„ному или иновѣрному исповѣданію, или допускаютъ вмѣшатель-

„ство гражданской власти въ духовныя отношенія частныхъ „лицъ. Наконецъ въ проектѣ о римско-католическихъ монастыряхъ „пересматриваются существующія законоположенія, препятствую„щія мирному развитію монастырской жизни послѣдователей „римско-католической церкви [1]).

Гос. Дума и ея вѣроисповѣдная комиссія стала на изъясненную точку зрѣнія Министерства Вн. Дѣлъ и приступила къ ознакомленію съ каждымъ законопроектомъ въ отдѣльности, а не къ составленію одного общаго законопроекта о свободѣ совѣсти; при этомъ Гос. Дума начала съ обсужденія перваго изъ перечисленныхъ законопроектовъ, самаго несложнаго и безспорнаго, трактующаго о переходѣ изъ одного исповѣданія въ другое. Еще за 4 года до разсмотрѣнія въ Гос. Думѣ этого законопроекта Указъ 17 апрѣля 1905 г. объявилъ населенію Россійской Имперіи державную волю Государя „обезпечить каждому изъ подданныхъ свободу вѣрованія и молитвъ по велѣніямъ его совѣсти“ и въ соотвѣтствіи съ этой Царской волей было установлено для каждаго гражданина безусловное право перехода изъ одного христіанскаго или нехристіанскаго исповѣданія въ другое христіанское и условное право перехода въ нехристіанскія вѣроученія. Такимъ образомъ, уже 4 года тому назадъ былъ изданъ законъ, направленный, говоря словами тронной рѣчи Государя, „къ обновленію нравственнаго облика русской земли“, былъ изданъ законъ, „не обязанный своимъ происхожденіемъ ни иниціативѣ Гос. Думы, ни даже нашему новому государственному строю“ [2]). Такимъ образомъ, послѣ изданія Указа 17 апрѣля законопроектъ Министерства Вн. Дѣлъ о переходѣ изъ одного исповѣданія въ другое уже не могъ заключать въ себѣ новаго принципа, не могъ представлять изъ себя самостоятельнаго законодательнаго творчества, а скорѣе являлся кодификаторской работой, сводившейся какъ къ редактированію нормъ закона, опредѣляющихъ дарованное право избирать вѣроученіе „по велѣніямъ совѣсти“, такъ и къ устраненію изъ дѣйствующаго отечественнаго законодательства тѣхъ ограниченій и стѣсненій, отъ коихъ, говоря языкомъ министерскаго законопроекта, „наше законодательство не можетъ быть признано совершенно свободнымъ“, и которыя находятся въ противорѣчіи съ возвѣщеннымъ въ Указѣ 17 апрѣля и Манифестѣ 17 октября началомъ свободы совѣсти. Такова была задача и правительства при составленіи своего перваго законопроекта и вѣроисповѣдной комиссіи при его обсужденіи. Поэтому критики правительственнаго законопроекта и доклада вѣроисповѣдной комиссіи по этому законопроекту должны были бы исходить изъ разсмотрѣнія вопроса о правильности или неправильности разрѣшенія именно этой задачи: самый вопросъ о правѣ перехода изъ одного въ другое исповѣданіе, о правѣ, закрѣпленномъ 81 ст. Основныхъ Законовъ не могъ подлежать сужденію Гос. Думы въ силу 32

---

[1]) Отношеніе Министерства Вн. Дѣлъ въ Гос. Думу 28 февраля 1907 г., № 1480.

[2]) Рѣчь члена Гос. Думы Маклакова, засѣданіе 111, стр. 1086.

ст. тѣхъ же законовъ [1]); равно Гос. Дума не могла возбуждать вопроса объ отмѣнѣ дѣйствія Высочайшихъ Указа 17 апрѣля и Манифеста 17 октября 1905 г., закрѣпленныхъ Основными Законами. Очевидно, такимъ образомъ, что обсужденію Гос. Думы подлежала весьма несложная тема, исключавшая необходимость долгихъ споровъ. И, конечно, имъ не было бы мѣста въ Гос. Думѣ, если бы большинство ораторовъ держались въ предѣлахъ этой темы, если бы они въ своихъ мысляхъ провели демаркаціонную линію между дѣйствующимъ законодательствомъ съ одной стороны, и предложеніями правительственнаго законопроекта и доклада вѣроисповѣдной комиссіи съ другой стороны. Къ сожалѣнію этого не было сдѣлано, и ораторы касались необъятной области вопросовъ, соприкасающихся съ введенными въ дѣйствующее законодательство и не подлежащими отмѣнѣ началами вѣротерпимости, свободы совѣсти. Такъ, напримѣръ, членъ Гос. Думы священникъ Юрашкевичъ всего нѣсколько словъ посвятилъ законопроекту, подведя итогъ сужденіямъ предшествующихъ ораторовъ; почтенный депутатъ сказалъ: „изъ всѣхъ этихъ рѣчей можно было вы„вести одно: православная церковь отъ этого разсматриваемаго „законопроекта не потерпитъ; пожалуй, она даже много выигра„етъ; пожалуй, она станетъ даже крѣпче. Несомнѣнно, что по„добные результаты даже будутъ“. Затѣмъ, вся остальная большая рѣчь о. Юрашкевича никакого отношенія къ предмету обсужденія не имѣла: онъ говорилъ о борьбѣ католичества съ православіемъ въ Западной Руси, о томъ, что у нашихъ историковъ, и въ томъ числѣ у П. Н. Милюкова, „ошибочное и превратное представленіе“ объ исторіи нашей западной окраины, о томъ, что „западно-русскій народъ потерялъ значительную часть своей „территоріи, которую въ настоящую пору занимаютъ враги рус„скаго народа, т.-е. поляки“ и о преступленіи нѣкоего ксендза въ Дриссѣ; далѣе, ораторъ отвѣтилъ на поставленные имъ себѣ вопросы: „что такое католичество“, „что такое Силлабусъ“. Трижды предсѣдатель Гос. Думы обращался къ депутату съ мольбой: „батюшка, я васъ прошу держаться ближе вопроса, позвольте „вамъ напомнить о законопроектѣ“ [2]), но эти напоминанія не могли остановить теченія рѣчи, которая, быть можетъ, оказалась бы умѣстной, если бы по волѣ Государя былъ внесенъ въ Гос. Думу законопроектъ объ отмѣнѣ 1 п. Высочайшаго Указа 17 апрѣля 1905 г., дарующаго права невозбраннаго перехода изъ одного христіанскаго во всякое другое христіанское, а, слѣдовательно, и въ католическое вѣроисповѣданіе. Слѣдуя примѣру о. Юрашкевича, и членъ Гос. Думы Замысловскій свою длинную рѣчь посвятилъ описанію отдѣльныхъ случаевъ преступленій, совершенныхъ поляками-католиками въ 1863 и 1905 годахъ и доказательству того, что въ Западной Руси „католическая церковь воспользуется широко правами, которыя ей дастъ настоящій за-

[1]) 32 ст.: Гос. Дума можетъ возбуждать предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ (ст. 55—57), за исключеніемъ Основныхъ Государственныхъ Законовъ.

[2]) Стенограмма 22 мая 1909 г., засѣданіе 116, стр. 1837—1846.

конопроектъ, но обязанностей, истекающихъ изъ этого закона, она исполнять не будетъ“ [1]). Если помнить, что разсматриваемый въ Гос. Думѣ законопроектъ никакихъ правъ сверхъ дарованныхъ Указомъ 17 апрѣля 1905 г. католичеству не предоставлялъ, то придется признать, что обвиненія, выставленныя депутатомъ Замысловскимъ противъ поляковъ-католиковъ не касались предмета, подлежавшаго обсужденію Гос. Думы. Членъ Гос. Думы священникъ Ганжулевичъ началъ свою рѣчь съ заявленія, что „никто „изъ насъ, не только свѣтскихъ, но и духовныхъ не можетъ возражать „противъ возвышенныхъ, высоко-гуманныхъ, справедливыхъ и даже „благодѣтельныхъ для чистоты самаго православія Высочайшихъ „предначертаній“, объявленныхъ въ Высочайшихъ актахъ послѣднихъ лѣтъ и особенно въ Указѣ 17 апрѣля 1905 г. Закончилъ же о. Ганжулевичъ свою рѣчь предложеніемъ внести къ закону слѣдующую поправку: „переходъ изъ одной религіи, особенно „православной, въ другія долженъ быть допущенъ только для „окончившихъ курсъ высшихъ наукъ, не ниже университета, и „то съ разрѣшенія Государя Императора“ [2]). Очевидно, что эта поправка есть предложеніе видоизмѣнить до неузнаваемости 1 п. Высочайшаго Указа 17 апрѣля 1905 г., названнаго о. Ганжулевичемъ „возвышеннымъ, высоко-гуманнымъ, справедливымъ „и даже благодѣтельнымъ для чистоты самаго православія“. Очевидно также, что эта поправка не подлежала сужденію въ Гос. Думѣ, какъ направленная къ сокращенію дарованнаго блага свободы совѣсти, закрѣпленнаго 81 ст. основныхъ законовъ.—Членъ Гос. Думы Марковъ 2-ой, заявившій, что его рѣчь „есть чистѣйшая отсебятина“, счелъ нужнымъ познакомить Гос. Думу съ своимъ личнымъ отношеніемъ къ вѣротерпимости. Онъ сказалъ: „я привѣтствую ту вѣротерпимость, которая объявлена намъ съ „высоты царскаго престола 17 апрѣля и 17 октября 1905 г., когда „были объявлены основы свободы совѣсти, основы вѣротерпимости. „Противъ вѣротерпимости возражать я, конечно, ничего не буду; „наоборотъ, я всецѣло привѣтствую эти объявленныя начала „свободы совѣсти и вѣротерпимости, какъ и весь русскій народъ „ихъ привѣтствуетъ. Сказать, что русскій православный народъ „радовался Указу 17 апрѣля, я не могу, ибо радости по поводу „того, что православнымъ людямъ дали возможность отпадать изъ „православія въ иновѣріе, православные имѣть не могли“. Затѣмъ членъ Гос. Думы Марковъ 2-ой счелъ нужнымъ, при обсужденіи интересующаго насъ законопроекта, познакомить законодательную палату съ его личной политической философіей, счелъ нужнымъ „подчеркнуть, что идея равноправія всѣхъ подданныхъ „русскаго Царя независимо отъ религіи, независимо отъ племени „есть идея безнравственная, не государственная, идея разрушительная и пагубная для государства“; далѣе ораторъ настаивалъ на мысли, что „конечно въ дѣйствительности сила выше права“, т. е. что сила тѣла, сила духа выше писаннаго бумажнаго права,

---

[1]) Стенограмма 26 мая 1909 г., засѣданіе 119, стр. 2007—2018.
[2]) Стенограмма 24 мая 1909 г., засѣданіе 118, стр. 1937—1946.

что нельзя „предоставлять права перехода“ изъ одного вѣроученія въ другое, ибо этимъ „предоставляется право отпадать отъ „единственно истинной, единственно святой, по понятіямъ православнаго государства, церкви“. Въ поясненіе своей мысли ораторъ сказалъ слѣдующее: „я понимаю, что государство терпитъ „слабости человѣческія, терпитъ ошибки, терпитъ извѣстные по„роки (голосъ слѣва: ругательства), терпитъ пьянство, даже раз„вратъ, государство терпитъ дома разврата. (Голосъ слѣва: чай„ныя). Ихъ называютъ поэтому домами терпимости. Но изъ всего этого, гг., не слѣдуетъ, что государство обязано регламентировать жизнь учрежденій разврата и пьянства, что государство долженно узаконять посѣщеніе домовъ терпимости. Это, гг., двѣ совер„шенно разныя вещи: терпѣть нѣчто или узаконять оное. (Розановъ „съ мѣста: циничное сравненіе). Когда нашъ законъ... я оговорился, „не законъ—закономъ этотъ законопроектъ никогда не будетъ... „въ законопроектѣ говорится: „предоставляется право“ отпадать „отъ православія. Это совершенно все равно, какъ если бы былъ „изданъ законъ о предоставленіи права ходить въ кабакъ и пьян„ствовать. (Голосъ слѣва: это цинизмъ). Если посѣщеніе кабаковъ государствомъ не наказуется, это вовсе не значитъ, что „мы должны издавать законъ о правѣ посѣщенія кабаковъ. (Го„лосъ слѣва: это оскорбленіе, цинизмъ). Я дѣлаю эти сравненія „не для оскорбленій, а для того, чтобы привести наглядный при„мѣръ, не дѣлая никакихъ уподобленій. Я уважаю всякую рели„гію, ко всякой религіи, ко всякому убѣжденію отношусь съ „полнымъ глубокимъ уваженіемъ“ [1]). Понятно, что это „глубокое уваженіе“ мало утѣшительно для инославныхъ послѣ приведенныхъ сравненій, которыя инославный членъ Гос. Думы баронъ Фелькерзамъ нашелъ „явно оскорбительными для всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій“, вслѣдствіе чего онъ отказался ихъ повторять „изъ уваженія къ той вѣрѣ, въ которой самъ принадлежитъ и ко всѣмъ другимъ вѣроисповѣданіямъ, а, равнымъ образомъ, изъ уваженія къ Гос. Думѣ“ [2]). Понятно также, что если бы въ какой-либо странѣ, когда-нибудь осуществилась изложенная политическая философія, то для жителей этой страны наступили бы дни величайшаго бѣдствія: въ обществѣ были бы вычеркнуты элементарныя основы Евангельской этики, христіанской цивилизаціи и была бы упразднена та великая, вытекающая изъ ученія Спасителя, сила духа, которая называется христіанской моралью и которая постепенно завоевываетъ весь міръ. Отверженіе въ будничной, практической жизни, какъ частной, такъ и общественной, начала христіанской морали съ вытекающими изъ нея идеями права, справедливости, означало бы возвратъ къ тому первобытному варварству, когда трудно было бы провести разграничивающую линію между обществомъ людей и стадомъ дикихъ звѣрей. Вотъ почему правъ былъ членъ Гос. Думы Родичевъ, когда онъ, отвѣчая члену Гос. Думы Маркову 2-му, по-

---

[1]) Стенограмма 24 мая 1909 г., засѣданіе 118, стр. 1946—1959.
[2]) Та же стенограмма, стр. 1963.

яснилъ, что „проповѣданіе философіи хищника, высказываніе „чувствъ ненависти во имя религіи и любви не означаетъ тво- „рить государственное, національное дѣло“, а заключаетъ въ се- „бѣ попытку „уничтожить самое существованіе націи и государ- „ства, которыя держатся взаимнымъ уваженіемъ между гражда- „нами и общимъ стремленіемъ къ справедливости“ [1]).

Я привелъ эти нѣсколько выдержекъ изъ рѣчей ораторовъ съ цѣлью показать, какъ эти общія разсужденія по вопросу о вѣротерпимости, о свободѣ совѣсти непригодны для оцѣнки и ознакомленія съ дѣйствительнымъ содержаніемъ того законопроекта, который разработанъ М-омъ Вн. Дѣлъ, который въ теченіе полугода обсуждался въ вѣроисповѣдной комиссіи и въ настоящее время принятъ Гос. Думой. Эти приведенныя общія разсужденія, не связанныя логическими нитями съ предметомъ, подлежавшимъ разсмотрѣнію Гос. Думы, отражали личные, субъективные взгляды ораторовъ, заключали навѣянныя разнообразныя мысли, и съ этой точки зрѣнія могутъ представлять извѣстный интересъ для будущаго историка-бытописателя. Но тотъ, кто преслѣдуетъ скромную задачу представить добросовѣстную критику законопроекта и познакомиться съ его подлиннымъ содержаніемъ, ничего цѣннаго не найдетъ ни въ этихъ, ни въ имъ подобныхъ разсужденіяхъ. Поэтому мы можемъ больше на нихъ не останавливаться. Для выясненія же вопроса о правильности или неправильности постановленій Гос. Думы по интересующему насъ законопроекту, намъ представляется болѣе удобнымъ избѣгать общихъ фразъ, а начать съ точнаго выясненія распоряженій дѣйствующаго законодательства, осуществляющаго начала Указа 17 апрѣля и Манифеста 17 октября 1905 г. и объясненія того единственнаго дополненія, которое предложено вѣроисповѣдной комиссіей и одобрено Гос. Думой.

Итакъ, по дѣйствующему законодательству, всякій переходъ изъ одной вѣры во всякую иную, не воспрещенную уголовнымъ закономъ, не наказуемъ. Въ силу введенія въ дѣйствіе второй главы Угол. Улож., согласно Высочайше утвержденному 14 марта 1906 г. мнѣнію Гос. Совѣта, старая 185 ст. Улож. о нак. прекратила свое дѣйствіе. По этой послѣдней статьѣ, лица, „отступившія отъ христіанской вѣры Православнаго или другого „исповѣданія въ вѣру нехристіанскую, отправлялись къ духов- „ному начальству прежняго ихъ исповѣданія для увѣщанія и „вразумленія“; до возвращенія же ихъ въ христіанство они не могли пользоваться правами своего состоянія и на все это время имѣніе ихъ бралось въ опеку. Одновременно съ упраздненіемъ 185 ст. ул. о нак. была отмѣнена и 36 ст. Уст. о пред. и прес. прест. согласно которой „какъ рожденнымъ въ православной „вѣрѣ, такъ и обратившимся къ ней изъ другихъ вѣръ, запреща- „лось отступить отъ нея и принять иную вѣру, хотя бы то и хри- „стіанскую“. Такимъ образомъ, въ настоящее время въ отечественномъ законодательствѣ нѣтъ болѣе постановленій, карающихъ

[1]) Стенограмма 24 мая 1909 г., засѣданіе 118, стр. 1964.

или запрещающихъ переходъ лицъ изъ христіанскихъ исповѣданій какъ въ другія христіанскія, такъ и нехристіанскія вѣроученія. Единственное исключеніе допущено по отношенію къ лицамъ, присоединяющимся „къ изувѣрному ученію, соединен-„ному съ изувѣрнымъ посягательствомъ на жизнь свою или дру-„гихъ, или съ оскопленіемъ себя или другихъ, или съ явно без-„нравственными дѣйствіями". Лица, принадлежащія къ такому изувѣрному ученію, подлежатъ карѣ по 96 ст. нынѣ дѣйствующей II-ой гл. Угол. Улож. 22 марта 1903 г.

Затѣмъ, дѣйствующее законодательство предоставляетъ неограниченное право перехода изъ одного христіанскаго или нехристіанскаго вѣроученія въ другое христіанское. Переходъ же изъ христіанскаго вѣроученія въ нехристіанское допускается условно, только въ томъ случаѣ, если лица, числившіяся христіанами „въ дѣйствительности исповѣдывали ту нехристіанскую вѣру, къ которой до присоединенія къ христіанству принадлежали сами они или ихъ предки" (1 и 3 п. Указа 17 апрѣля 1905 г., Указъ Прав. Сената отъ 2 іюня 1906 г. за № 5982, циркуляръ М-ва Вн. Дѣлъ Губернаторамъ отъ 25 іюня 1906 г. за № 3192). Таково дѣйствующее законодательство; отмѣняя наказуемость отпаденія отъ христіанства, оно ничего не говоритъ о случаяхъ отпаденія внѣ установленныхъ имъ условій, т.-е., когда отпадаетъ лицо, которое само раньше не исповѣдывало нехристіанское вѣроученіе и которое не можетъ доказать, что его предки исповѣдывали нехристіанское вѣроученіе. Переходу такихъ лицъ въ нехристіанство дѣйствующее законодательство не придаетъ юридическаго значенія и лицъ, совершившихъ таковой разсматриваетъ, какъ принадлежащихъ прежнему христіанскому вѣроученію. Это означаетъ, что въ паспортахъ этихъ лицъ прописывается ихъ принадлежность къ тому христіанскому исповѣданію, изъ котораго они ушли, т. е., въ графѣ о вѣроисповѣданіи пишется: православный, католикъ, лютеранинъ, въ то время, какъ на самомъ дѣлѣ это лицо уже перестало быть христіаниномъ. Это означаетъ, что такія лица, вступившія въ бракъ по обрядамъ своей новой вѣры считаются пребывающими въ конкубинатѣ, что ихъ бракъ недѣйствителенъ и что могущія родиться у нихъ дѣти будутъ считаться незаконнорожденными. Такимъ образомъ, чтобы узаконить свое семейное положеніе и гражданское положеніе своихъ дѣтей, человѣкъ, покинувшій христіанскую церковь, долженъ будетъ обращаться къ духовнымъ лицамъ оставленнаго имъ христіанскаго вѣроисповѣданія, когда потребуется совершеніе таинствъ и обрядовъ, связанныхъ съ пріобрѣтеніемъ гражданскихъ правъ (напр., при вступленіи въ бракъ, при крещеніи, при погребеніи). Законопроектъ М-ва Вн. Дѣлъ о переходѣ изъ одного исповѣданія въ другое стоитъ на точкѣ зрѣнія дѣйствующаго законодательства и предлагаетъ „каждому, достигшему совершеннолѣтія лицу, „предоставить переходить, безъ испрошенія на то разрѣшенія „административной власти, изъ одной христіанской религіи или „христіанскаго вѣроученія въ другое, а изъ нехристіанства и язы-„чества въ христіанство и во всякое другое нехристіанское или

„языческое вѣроученіе“. Что же касается перехода изъ христіанства въ нехристіанство, то Министерство Вн. Дѣлъ предлагаетъ ст. закона въ слѣдующей редакціи: „христіане, достигшіе 21 года, „желающіе быть причисленными къ тому нехристіанскому испо„вѣданію, къ которому, до принятія христіанства, принадлежали „сами они, или ихъ родители, или дѣдъ, или бабка, подлежатъ „исключенію изъ числа христіанъ“.

Вѣроисповѣдная комиссія не нашла возможнымъ сохранить редакцію министерскаго законопроекта, редакцію, которая, по удачному опредѣленію члена Гос. Думы Маклакова, „не при„знаетъ, но дозволяетъ, не караетъ, но и не разрѣшаетъ“. Она выработала и приняла, большинствомъ 18 противъ 10 голосовъ, вполнѣ опредѣленную статью закона: „каждому лицу, достиг„шему 21 года, предоставляется право переходить во всякое вѣ„роисповѣданіе или вѣроученіе, принадлежность къ коему не„наказуема въ уголовномъ порядкѣ“. Въ такомъ изложеніи статья закона соотвѣтствовала тому опредѣленію понятія свободы совѣсти, которое установлено въ одномъ изъ послѣдующихъ законопроектовъ М-ва Вн. Дѣлъ [1]), и которое мы привели въ началѣ настоящаго доклада. Читатель припомнитъ, что въ этомъ законопроектѣ М-во Вн. Дѣлъ, давъ опредѣленіе понятія свободы совѣсти, пояснило, что „согласно указаніямъ государствен„наго права“ въ это понятіе „основнымъ элементомъ входитъ пра„во каждаго лица заявлять свою вѣру, если уголовные законы не „нарушаются **содержаніемъ исповѣданія**“. Сопоставленіе этой выписки изъ министерскаго законопроекта и приведенной статьи закона, выработанной вѣроисповѣдной комиссіей, обнаруживаетъ, что между ними нѣтъ различія не только въ содержаніи, но и въ способѣ изложенія. При обсужденіи этой статьи въ вѣроисповѣдной комиссіи меньшинство ея членовъ вмѣстѣ съ представителями вѣдомствъ находили ее непріемлемой на томъ основаніи, „что русское „государство, будучи христіанскимъ, во имя начала свободы со„вѣсти можетъ еще допускать молчаливый уходъ изъ христіан„ства, не налагая за это никакой кары, но не имѣетъ основаній „узаконять его, что такое узаконеніе подѣйствуетъ угнетающимъ „образомъ на истинно-вѣрующихъ христіанъ, что нельзя всѣ ре„лигіи признать равными и что надо отдать преимущество хри„стіанской религіи, являющейся основой государства“. Большинство членовъ комиссіи находило эту статью совершенно правильной, упраздняющей ту неопредѣленность законодательнаго распоряженія, которое „не признаетъ, но дозволяетъ, не караетъ, но не разрѣшаетъ“, и въ пользу своего рѣшенія привело слѣдующіе доводы: 1) „Отказъ въ узаконеніи перехода изъ христіан„ства въ нехристіанство повлечетъ за собой фактическое стѣсне„ніе свободы совѣсти, провозглашенной въ Высочайшемъ Мани„фестѣ 17 октября 1905 г., такъ какъ лицо, перешедшее въ не„христіанство, попрежнему будетъ считаться христіаниномъ и „вынуждено будетъ для совершенія таинствъ и обрядовъ, напр.

[1]) Законопроектъ № 1479, стр. 1.

„(брака, крещенія, погребенія), которые связаны съ гражданскими послѣдствіями, обращаться къ содѣйствію духовныхъ лицъ, „оставленнаго имъ христіанскаго исповѣданія; 2) отказъ въ узаконеніи переходовъ, при ихъ фактическомъ допущеніи, непослѣдователенъ и нецѣлесообразенъ; нельзя не регулировать закономъ допускаемаго государствомъ явленія безъ риска подорвать самое уваженіе къ закону и нельзя допускать такой непослѣдовательности, послѣ того, какъ историческій опытъ западно-европейскихъ христіанскихъ государствъ доказалъ, что такое „узаконеніе не принесло никакого ущерба и что случаи перехода въ дѣйствительности крайне рѣдки; 3) принудительная обязанность лицъ, отрекшихся отъ христіанства, юридически числиться въ христіанской церкви, повлечетъ за собою только кощунственное отношеніе такихъ лицъ къ таинствамъ и обрядамъ „церкви, что съ ея точки зрѣнія является совершенно недопустимымъ. Нахожденіе такихъ членовъ въ церкви будетъ разлагающимъ образомъ дѣйствовать на остальную паству и потому „желательно, чтобы они не числились въ ней, а переписывались „въ члены соотвѣтствующаго вѣроученія; 4) въ частности православная церковь, въ силу правилъ Апостольскихъ и Вселенскихъ Соборовъ, не должна стремиться къ тому, чтобы лица, „перешедшія въ нехристіанство, числились ея членами. Наоборотъ, въ означенныхъ правилахъ, какъ общее положеніе, твердо „установлено, что кто отрекся отъ Христа, тотъ уже не членъ „церкви, и въ церковныхъ правилахъ нѣтъ ни одного такого, „которое дозволяло бы не отлучать отъ церкви отрекшихся отъ „Христа. Послѣ же отлученія священникъ лишается права совершать для отлученнаго таинства и обряды своей церкви и во „всякомъ случаѣ онъ къ этому не обязанъ, въ силу п. 4 опредѣленія Св. Синода по разсматриваемому законопроекту (отнош. „оберъ-прокурора Св. Синода отъ 22 декабря 1907 г. № 9848). „Такимъ образомъ, въ данномъ дѣлѣ весь вопросъ сводится не „къ фактическому переходу въ нехристіанство, а лишь къ принудительной регистраціи отпавшихъ въ томъ вѣроисповѣданіи, „къ которому они принадлежали до отпаденія, и къ принудительному исполненію ими таинствъ и обрядовъ, съ которыми связана „эта регистрація“ [1]).

Съ принципіальной точки зрѣнія противъ этихъ доводовъ возраженій представлено не было. Предсѣдатель Совѣта М-въ, отстаивая редакцію министерскаго законопроекта и находя, что „величайшему сомнѣнію должно быть подвергнуто предложеніе „комиссіи о необходимости провозглашенія въ самомъ законѣ

[1]) Докладъ П. В. Каменскаго по внесенному М-омъ Вн. Дѣлъ законопроекту „объ измѣненіи законоположеній, касающихся перехода изъ одного исповѣданія въ другое“; стр. 2-3. Въ этомъ докладѣ, составленномъ мною по порученію вѣроисповѣдной комиссіи и ею одобренномъ, предъ каждымъ постановленіемъ комиссіи приведены соображенія большинства и меньшинства ея членовъ, и такимъ образомъ соблюденъ старый принципъ: „audiatur et altera pars“. Желая сохранить этотъ принципъ и въ настоящей работѣ, я рѣшаюсь по каждому спорному постановленію вѣроисповѣдной комиссіи приводить соображенія большинства и меньшинства ея членовъ.

„свободы перехода изъ христіанства въ нехристіанство“, тѣмъ не менѣе призналь его принципіальную правильность. Предсѣдатель Совѣта Министровъ, лучше чѣмъ это сдѣлалъ докладчикъ, резюмировалъ аргументы комиссіи въ слѣдующихъ немногихъ выразительныхъ словахъ: „комиссія“, сказалъ Глава правительства, „какъ я понялъ изъ словъ докладчика, находитъ, во-первыхъ, „что разъ переходъ изъ христіанства въ нехристіанство не нака„зуемъ, то неузаконеніе такого перехода было бы актомъ недо„стойнаго государства лицемѣрія. (Голосъ слѣва: вѣрно). Во-вто„рыхъ, комиссія находитъ, что было бы стѣснительно для свободы „совѣсти лицъ, отпавшихъ въ нехристіанство, исполнять нѣко„торые христіанскіе таинства и обряды, необходимые въ нашемъ „гражданскомъ обиходѣ, напр. бракъ, крещеніе. погребеніе. Въ„третьихъ, по мнѣнію комиссіи, самое исполненіе этихъ таинствъ „и обрядовъ было бы ничѣмъ инымъ, какъ узаконеннымъ кощун„ствомъ. (Голосъ слѣва: вѣрно). Наконецъ, по мнѣнію комиссіи, „сама церковь должна отлучать отъ себя лицъ, отрекшихся отъ „Христа. (Голосъ слѣва: и это вѣрно). Такъ я понялъ доклад„чика? (Голосъ слѣва: правильно). И мнѣ кажется, что оспаривать „эти принципы невозможно—они теоретично совершенно пра„вильны“ [1]).

Отдавъ должное этой „теоретической правильности“ Предсѣдатель Совѣта М-въ затѣмъ указалъ, что „во всѣхъ государ„ствахъ принципъ свободы совѣсти дѣлаетъ уступки народному „духу и народнымъ традиціямъ и проводится въ жизнь, строго „съ ними сообразуясь“, что прямолинейная теоретичность въ этомъ отношеніи не можетъ быть доведена до своего логическаго конца. Съ своей стороны полагаемъ, что эти соображенія Предсѣдателя Совѣта М-въ не подлежатъ оспариванію и только обязываютъ считаться съ тѣмъ фактомъ, что въ христіанскомъ государствѣ народный духъ не можетъ быть въ полномъ противорѣчіи съ велѣніями Евангельской этики, съ основами Божественнаго ученія Христа и что русскому народу менѣе чѣмъ какому-либо другому чуждо подлинное христіанское міросозерцаніе. Поэтому интересующій насъ споръ разрѣшается отвѣтомъ на вопросъ: признаетъ ли христіанское ученіе допустимымъ, чтобы человѣкъ, отрекшійся отъ Христа, продолжалъ бы числиться въ лонѣ Христовой церкви? Съ разрѣшенія этого вопроса началъ и Комитетъ Министровъ, когда онъ обсуждалъ способы выполненія 6 п. Именного Высочайшаго указа 12 декабря 1904 г., въ коемъ Государю угодно было выразить „неуклонное душев„ное желаніе охранять освященную основными законами Имперіи „терпимость въ дѣлахъ вѣры“ и повелѣть „подвергнуть пере„смотру узаконенія о правахъ раскольниковъ, а равно лицъ, при„надлежащихъ къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ“. Комитетъ Министровъ, прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ, чтобы правительство официально считало лицо, отпавшее отъ православія „принадлежащимъ къ религіи,

[1]) Стенограмма 22 мая 1909 г., зас. 116, стр. 1761.

которая имъ избрана" нашелъ нужнымъ остановиться „на первостепенной важности" вопросѣ о томъ „связано ли съ охраненіемъ „господствующаго положенія Церкви принудительное въ ней „оставленіе тѣхъ, которые, хотя внѣшнимъ образомъ въ ней чи„слятся, но сердцемъ и совѣстью ей чужды?" Указавъ на тѣ стѣсненія и ограниченія въ правахъ, которыя поражаютъ лицъ, отпаденіе коихъ отъ православія не карается, но и не признается, Комитетъ Министровъ въ своемъ отвѣтѣ на поставленный имъ вопросъ совершенно правильно руководился указаніями христіанскаго ученія. Въ журналѣ Комитета Министровъ отъ 25 янв. 1905 г. по этому поводу мы находимъ слѣдующія знаменательныя строки: „Комитетъ съ истинно-отраднымъ чувствомъ выслу„шалъ объясненія Высокопреосвященнаго Антонія, Митрополита „С.-Петербургскаго и Ладожскаго. По заявленію Владыки, Цер„ковь, всегда болѣзнующая объ отпадающихъ отъ нея, не можетъ „въ то же время желать насильственнаго ихъ въ ней удержанія. „Вѣра православная порождается благодатью Господнею, поуче„ніемъ, кротостью и добрыми примѣрами; поэтому всякое наси„ліе чуждо самой природѣ Церкви Христовой, и удерживать на „лонѣ своемъ безвозвратно-заблудшихъ дѣтей своихъ противъ „ихъ воли и убѣжденія она не почитаетъ необходимымъ. По „правиламъ церковнымъ: „еретика-человѣка по первомъ и второмъ „наказаніи отрицайся" (Тит. 3, 10) [1]) и „аще же и церковь пре„слушаетъ братъ твой, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь" „(Матѳ. 18, 17). Въ виду сего со стороны Православной Церкви „не можетъ встрѣтиться препятствій къ отмѣнѣ закона, „запрещающаго отпаденіе отъ православія, если таковая отмѣна „будетъ рѣшена по соображеніямъ государственной пользы и „справедливости".

Этотъ отвѣтъ первенствующаго іерарха Православной Церкви, заслушанный Комитетомъ Министровъ „съ истинно-отраднымъ чувствомъ" и занесенный въ журналъ, удостоившійся Высочайшаго утвержденія безапеляціонно разрѣшаетъ споръ, возникшій въ Гос. Думѣ между Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и Вѣроисповѣдной комиссіей. Христіанское ученіе не допускаетъ, чтобы человѣкъ, отрекшійся отъ Христа, продолжалъ бы числиться въ лонѣ Христовой Церкви. Посему законодательство христіанскаго государства не можетъ довольствоваться замалчиваніемъ факта отпаденія отъ христіанства, какъ предлагаетъ министерскій законопроектъ; посему же нельзя не признать правильнымъ заключеніе Комитета Министровъ въ 1905 году, который находилъ необходимымъ, чтобы правительство въ случаѣ отпаденія отъ православія признавало значеніе про шедшаго факта и официально считало такое лицо „принадлежащимъ къ религіи, которая имъ для себя избрана" [2]).

---

[1]) Въ русскомъ переводѣ: еретика послѣ перваго и второго вразумленія отвращайся.

[2]) Надѣюсь, мнѣ не сдѣлаютъ замѣчанія, что К-тъ Министровъ имѣлъ въ виду только случаи перехода изъ одной христіанской религіи въ другую. К-тъ Министровъ высказалъ свои сужденія до изданія Указа 17 апрѣля и Манифеста

Такой отвѣтъ не есть слѣдствіе прямолинейной теоретичности, ибо кощунственно было бы утверждать, будто исполненіе въ практической жизни завѣтовъ Евангелія, велѣній ученія Христа есть неудобопримѣняемая теорія. Такой отвѣтъ не соотвѣтствуетъ и укладу дѣйствительнаго русскаго міросозерцанія, которое менѣе другихъ мирится съ внесеніемъ близорукихъ человѣческихъ поправокъ въ предначертанія Божественнаго ученія, съ легкомысленными попытками сдѣлать его болѣе практическимъ. Русскому народному духу всегда была чужда та практика приспособленія къ временнымъ человѣческимъ предразсудкамъ и заблужденіямъ, которую Максъ Нордау удачно назвалъ „теоріей условленной лжи -- conventional lüge“ и которая довольствуется тѣмъ, чтобы люди **казались** только христіанами, но на самомъ дѣлѣ ими не **были**. Кромѣ того, нельзя не признать, что приписанная вѣроисповѣдной комиссіи теоретичность сводилась къ весьма несложнымъ практическимъ требованіямъ: къ тому, чтобы въ офиціальныхъ актахъ, требующихъ отмѣтки вѣроисповѣданія, отпавшіе отъ христіанства не приписывались принадлежащими къ тому вѣроисповѣданію, изъ котораго они ушли, чтобы рожденія, браки, перешедшихъ въ нехристіанскую вѣру, получили узаконеніе безъ того, чтобы обязывать христіанскаго священнослужителя кощунственно совершать надъ ними таинства и обряды той вѣры, отъ которой они отреклись и т. п. Исполненіе этихъ несложныхъ требованій для государства непзбѣжно, ибо иначе оно запутываетъ себя и христіанскую церковь тою сѣтью лжи и лицемѣрія, изъ которой нѣтъ выхода, какъ это наглядно пояснилъ членъ Гос. Думы Маклаковъ. Онъ указалъ, что послѣдствіемъ допущенія молчаливаго ухода изъ христіанства и непризнанія его создается „узаконенное лицемѣріе и для того, кто, числясь вѣрующимъ, исполняя обязанности по этой вѣрѣ, уже не вѣритъ“, и для государства, которое „офиціально считаетъ православнымъ того, кто, несомнѣнно, неправославный“. „Я спрошу „правительство“, продолжалъ почтенный депутатъ, „если оно „помирилось съ тѣмъ, что я считаюсь православнымъ, исполняю „православныя требы, не будучи имъ, если оно помирилось съ „тѣмъ, что оно меня такимъ считаетъ, хотя знаетъ, что я непра„вославный, то какія у него средства принудить къ этому лице„мѣрію Церковь? Какія у него средства заставить Церковь „стать на путь того же узаконеннаго лицемѣрія, которое оно „здѣсь такъ охотно и свободно провозгласило? Подумайте, „къ чему приведетъ это въ практической жизни? Я пере„сталъ быть православнымъ, захотѣлъ честно уйти изъ Право„славной Церкви, хотѣлъ открыто заявить, что принадлежу къ „другому, пусть даже языческому, вѣроисповѣданію—и госу„дарство мнѣ не позволило, государство мнѣ сказало: нѣтъ, ты

---

17 октября 1905 г. и поэтому не обсуждалъ разрѣшенныхъ этими послѣдними Высочайшими актами случаевъ перехода въ нехристіанство. Но очевидно, что его принципіальныя сужденія остаются тѣми же самыми и для случаевъ отпаденія изъ православія въ нехристіанство.

„православный; оно мнѣ сказало, что никакихъ дѣйствій, свя-
„занныхъ съ вѣроисповѣдными актами, въ юридической силѣ
„оно не признаетъ, если я ихъ не совершу въ Православной, мною
„покинутой, Церкви. Я ему подчиняюсь. Но можетъ ли оно за-
„ставить Православную Церковь стать на тотъ же путь лице-
„мѣрія? Что же получится? Я умираю, заходитъ рѣчь о моемъ
„погребеніи, и тогда говорятъ, что я 15 лѣтъ не былъ у испо-
„вѣди и, значитъ,—я не православный. Церковь будетъ права,
„если скажетъ это, права, если не признаетъ формальной при-
„надлежности къ Церкви; Церковь права, если откажется отъ
„погребенія. И это будетъ во всемъ. Я желаю вступить въ бракъ,
„иду въ Церковь, къ которой не принадлежу, и Церковь будетъ
„права, если меня не повѣнчаетъ. Я спрошу государство: вы,
„которые обязали меня быть лицемѣрнымъ, вы, которые сами
„согласились быть лицемѣрными, какія у васъ средства воздѣй-
„ствія на непокорную Церковь? Конечно, никакихъ. И вотъ вамъ
„на лицо практическій конфликтъ между Церковью и государ-
„ствомъ. Я, по вашему, православный, вы меня такимъ сдѣлали,
„вы меня такимъ считаете, вы мнѣ не дозволяете уйти изъ пра-
„вославія, а Церковь мнѣ говоритъ, что она православнымъ ме-
„ня не считаетъ, и этимъ обличаетъ васъ въ неправдѣ, обли-
„чаетъ васъ въ лицемѣріи, а страдаю отъ этого я. Вѣдь можетъ
„быть одно изъ двухъ: либо все дѣло въ формѣ, и тогда госу-
„дарство право: я къ православію причисленъ по книгамъ, я
„остался православнымъ, и тогда долженъ быть имъ считаемъ
„и Церковью; либо дѣло въ совѣсти, и тогда Церковь имѣетъ
„право отлучить меня отъ всѣхъ гражданскихъ актовъ, кото-
„рые она заключаетъ, и я спрошу государство: вы, которые рѣ-
„шили принуждать меня къ лицемѣрію, вы обязаны защищать
„меня отъ тѣхъ, которые находятся въ союзѣ съ вами, но ко-
„торые этого лицемѣрія не признаютъ. И если государство не
„запрещаетъ, не караетъ, но и не признаетъ, то всю тяжесть
„этой лжи оно переноситъ на совѣсть Церкви и ея представи-
„телей и заставляетъ ее карать тѣхъ, кто остался лицемѣрно
„православнымъ и не перешелъ въ другую религію только по
„запрещенію государства, заставляетъ карать ихъ за недобро-
„совѣстность и лицемѣріе нашей государственной власти, а
„потому: либо принудьте Церковь вамъ подчиниться и считать
„православнымъ того, кого вы имъ считаете, либо уступите Цер-
„кви право вѣдать совѣсть, и тогда дайте моей совѣсти ту же
„свободу, которую вы дадите совѣсти Церкви“[1]).

Вотъ тѣ, никакими ни теоретическими, ни практическими соображеніями неоправдываемыя, нелѣпыя послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ узаконеннаго лицемѣрія. Ихъ можно было еще понять, когда существовалъ, противный русскому, народному, христіанскому духу запретъ отпаденія изъ православія подъ угрозой указанныхъ въ законѣ тяжелыхъ послѣдствій, т. е., когда дѣйствовала отмѣненная нынѣ 186 ст. угол. улож. и ей со

[1]) Стенограмма 22 мая 1901 г., засѣданіе 116.

отвѣтствующая 36 ст. уст. о пред. и прес. прест. Тогда одна несообразность, выражавшаяся въ отрицаніи христіанскаго начала свободы совѣсти, не могла не влечь и другой несообразности, состоявшей въ томъ, что русскихъ гражданъ, отпавшихъ отъ православія, лишали права присоединяться къ избранному ими вѣроученію и, такимъ образомъ, принуждали ихъ оставаться внѣ религіи, безъ всякаго духовнаго утѣшенія въ трудныя минуты жизни; сверхъ того, ихъ ограничивали въ существенныхъ гражданскихъ правахъ. Въ журналѣ К-та Министровъ пояснено, что рожденія, браки и смерти части русскаго населенія, отпавшаго отъ православія, большею частью оставались незаписанными въ метрическія книги, что вслѣдствіе этого оно не имѣло законной семьи и было лишено твердыхъ имущественныхъ правъ. По поводу такихъ послѣдствій справедливо указывалъ Комитетъ Министровъ, что „нѣтъ болѣе нежелательнаго элемента „въ государствѣ какъ подданные безъ религіи, что тамъ, гдѣ нѣтъ „семьи, не можетъ быть правильнаго отношенія между родите„лями и дѣтьми и что этимъ затрудняется нравственное воспи„таніе подрастающаго поколѣнія“. Повторяю, эти печальныя послѣдствія были зломъ, неизбѣжно вытекавшимъ изъ несовершенства стараго закона, но разъ этотъ законъ отжилъ свои дни, разъ возвѣщена и уже внесена въ наше законодательство великая и благодатная вѣроисповѣдная реформа, то, конечно, нельзя найти основаній для удержанія стараго зла, отнынѣ къ тому же стоящаго въ противорѣчіи съ дѣйствующимъ законодательствомъ. Въ Гос. Думѣ, несмотря на обиліе рѣчей, направленныхъ противъ доклада вѣроисповѣдной комиссіи, такихъ основаній указано не было.

Ни однимъ словомъ не упоминая ни объ авторитетномъ для православныхъ людей сужденіи первенствующаго іерарха православной Церкви, опиравшемся на прямыя предписанія Евангелія, ни о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя создаетъ теорія узаконеннаго лицемѣрія, ораторы нашли лишь нужнымъ вмѣсто разъясненій этого вопроса, обвинять вѣроисповѣдную комиссію въ непослѣдовательности: вѣроисповѣдная комиссія, молъ, узаконяя переходъ въ нехристіанскія вѣроученія, не рѣшилась узаконить внѣвѣроисповѣдное состояніе. Надо при этомъ объяснить, что вѣроисповѣдная комиссія не была столь невѣжественна, чтобы смѣшивать внѣвѣроисповѣдное или внѣрелигіозное состояніе (confessionslöse) съ понятіемъ безбожія: она знала, что и вѣрующій человѣкъ можетъ не удовлетворяться существующими религіями, ихъ уставами и обрядами и поэтому можетъ не примыкать ни къ одной изъ нихъ. Разъ законодатель придерживается взглядовъ первоначальнаго христіанства, по которымъ вѣра человѣка, его религіозное убѣжденіе считается его неотъемлемымъ и неприкосновеннымъ достояніемъ, составляютъ его святая святыхъ и допускаетъ свободу выбора и свободу перехода изъ одной религіи въ другую, то всегда можетъ случиться, что лицо, оставившее исповѣдуемую имъ религію, окажется непринятымъ церковью того вѣроисповѣданія, въ которое онъ имѣлъ намѣреніе перейти.

„Можетъ создаваться“, объяснялъ членъ Гос. Думы баронъ Мейендорфъ, „и практически создается промежуточное состояніе человѣка, вышедшаго изъ одного вѣроисповѣданія, но въ другое еще не принятаго“ [1]). Поэтому, не усматривая, съ точки зрѣнія свѣтскаго законодательства, ничего преступнаго въ принадлежности къ внѣисповѣдному состоянію, считая, что оно является незбѣжнымъ слѣдствіемъ признанія въ законодательствѣ христіанскаго начала свободы совѣсти, нельзя игнорировать самаго факта нахожденія во внѣисповѣдномъ состояніи, нельзя признавать его безусловно недопустимымъ. Вотъ почему на брошенные въ Гос. Думѣ докладчику вѣроисповѣдной комиссіи упреки: „вы грѣшите „противъ логики разъ не предлагаете узаконить внѣвѣроиспо„вѣдное состояніе“, онъ отвѣтилъ: „вы правы; этотъ вопросъ надо разрѣшить такъ, какъ предложила его разрѣшить октябристская комиссія 1907 года, когда она выработала слѣдующія положенія:

Ст. 5. Всякій, достигшій политическаго совершеннолѣтія (25 лѣтъ) гражданинъ, вправѣ избрать себѣ исповѣданіе или вѣроученіе по собственному влеченію или убѣжденію, или же **остаться внѣ исповѣданія.**

Ст. 9. Гражданамъ предоставляется исполнять подлежащія метрикаціи (занесеніе въ метрическія книги) дѣйствія по обрядамъ любого исповѣданія или **безъ соблюденія таковыхъ обрядовъ.**

Ст. 10. Согласно съ симъ, гражданамъ предоставляется заключать браки, воспитывать дѣтей и погребать умершихъ по обрядамъ любого исповѣданія или безъ соблюденія таковыхъ обрядовъ.

Ст. 11. Посему необходимы: гражданская метрикація рожденій, гражданскій бракъ и **внѣисповѣдныя кладбища**, равно какъ и допущеніе иныхъ способовъ уборки труповъ (сжиганіе) [2]).

Но, при разсмотрѣніи вопроса объ узаконеніи внѣрелигіознаго состоянія въ вѣроисповѣдной комиссіи при Гос. Думѣ 3-го созыва, было выяснено, что въ настоящее время у насъ нѣтъ достаточно развитой гражданской метрикаціи, нѣтъ института гражданскаго брака, поэтому, прежде чѣмъ установить нормы закона, опредѣляющія права и обязанности людей, объявившихъ себя внѣ принадлежности къ какой бы то ни было религіи, явится необходимость предварительнаго пересмотра не только гражданскихъ законовъ Имперіи, но и церковныхъ каноновъ отдѣльныхъ исповѣданій. Объявить же узаконеніе внѣвѣроисповѣднаго состоянія прежде совершенія указанной работы, прежде допущенія гражданскаго брака, гражданской регистраціи рожденій, смерти, означало бы провозгласить мертворожденный принципъ, который не могъ бы имѣть никакого практическаго примѣненія. Поэтому вѣроисповѣдная комиссія находила болѣе цѣлесообразнымъ слѣдовать примѣру тѣхъ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствъ, которыя постепенно развили и укрѣпили общій основной принципъ свободы совѣсти и предоставили самой жизни

---

[1]) Стенограмма 26 мая 1909 г., засѣданіе 119, стр. 2121.

[2]) Основныя положенія по вопросу объ отношеніи государства къ дѣламъ вѣры, выработанныя Вѣроисповѣдной Комиссіей при парламентской фракціи „17 Октябрей“ во второй Гос. Думѣ.

выработать условія, дѣлающія осуществимымъ легализацію союзовъ людей, объявившихъ себя внѣ принадлежности къ какой-либо религіи. Словомъ, вѣроисповѣдная комиссія, разрѣшая интересующій насъ вопросъ, придерживалась наставленія, даннаго старымъ афоризмомъ: „nemo adimpossibile tenetur—никто не долженъ стремиться къ невозможному". Вообще же если даже и допустить, что вѣроисповѣдная комиссія нарушила послѣдовательность, не предложивъ узаконеніе внѣвѣроисповѣднаго состоянія, то эта ея ошибка не есть еще доказательство въ пользу замалчиванія въ законодательствѣ случаевъ перехода въ нехристіанство. Высказанное мнѣніе о непослѣдовательности комиссіи обязывало только его авторовъ внести предложеніе объ узаконеніи внѣвѣроисповѣднаго состоянія, какъ это сдѣлалъ членъ Гос. Думы Волковъ 2-ой.

Едва ли можно серьезно считаться съ мнѣніемъ, будто „Христіанское государство не можетъ санкціонировать переходъ въ нехристіанство". Вѣдь это уже не сужденіе, а одни слова, безъ содержанія, ибо совершенно очевидно, что легализація перехода въ нехристіанство необходима исключительно въ интересахъ христіанской церкви: надо избавить ее отъ той „privilegium odiosum"—отъ той ненавистной привиллегіи, которая по законодательству, дѣйствовавшему до 1905 года, тяготѣла надъ православною церковью, и въ силу которой, говоря словами нашего извѣстнаго церковника-мыслителя Соловьева, только одна православная церковь должна была терпѣть тотъ противуестественный порядокъ, что къ ней присоединяли людей вопреки ихъ дѣйствительной вѣрѣ, людей отпавшихъ отъ православія. Христіанская церковь есть собраніе истинно и искренно вѣрующихъ, а потому вверженіе въ ея лоно людей, отрекшихся отъ Христа, означало бы попытку поколебать самыя основы христіанской церкви. Да кромѣ того недопущеніе легализаціи, неизбѣжно влекущее за собою оставленіе въ христіанской церкви людей, отрекшихся отъ нея, является прямымъ нарушеніемъ завѣтовъ и велѣній Евангелія, какъ мы это показали нѣсколькими строками выше, ссылаясь на авторитетныя разъясненія первенствующаго іерарха Православной Церкви. Вотъ почему сказать, что во имя чистоты христіанскаго государства, оно не должно санкціонировать перехода въ нехристіанство и должно считать остающимися въ христіанской церкви лицъ, отпавшихъ отъ нея, означаетъ, что для сохраненія характера христіанскаго государства необходимо отвергать и нарушать основныя велѣнія Евангельскаго ученія.

Ошибочно также предположеніе, будто легализація лицъ, отпавшихъ отъ христіанства, означаетъ, что въ наше законодательство вносится „идея равноправности, равноцѣнности христіанства и нехристіанства, идея въ сущности религіознаго безразличія", будто „умаляется, оскорбляется идея христіанская, которая глубоко залегла въ основу нашей жизни, нашего законодательства, всецѣло, насквозь проникнутаго этой идеей" [1].

---

[1]) Стенограмма 22 мая 1909 г., засѣданіе 116, рѣчь Еп. Евлогія.

Чтобы правильно характеризовать законъ, надо прежде всего не вводить въ него того содержанія, котораго въ немъ не имѣется: легализація лицъ, отпавшихъ отъ христіанства, не намекаетъ даже косвенно на равноцѣнность религій; вѣдь узаконеніе перехода изъ православія въ католичество, въ лютеранскую вѣру, въ различныя сектантскія ученія никоимъ образомъ не заключаетъ мысли, что наше законодательство считаетъ православіе и инославіе равноцѣнными. Свѣтскій законодатель не можетъ и не долженъ въ гражданскомъ кодексѣ касаться вопроса о качествѣ религій; законодатель опредѣляетъ только права и обязанности лицъ различныхъ вѣроисповѣданій, а въ данномъ случаѣ проектируемая статья закона направлена лишь къ тому, чтобы люди, ушедшіе изъ христіанской церкви и этимъ, съ точки зрѣнія нынѣ дѣйствующаго законодательства, не совершившіе никакого преступленія, не были въ положеніи лицъ или ограниченныхъ въ правахъ состоянія, лишенныхъ семейныхъ и наслѣдственныхъ правъ, или въ положеніи людей принужденныхъ кощунственно совершать обряды и таинства, оставленнаго ими вѣроисповѣданія. Напрасно при этомъ упоминаютъ „о глубоко вѣрующей“ душѣ народной; мы думаемъ, что русская народная душа, т.-е. русское общественное міросозерцаніе, глубоко проникнуто христіанскими идеалами, какъ объ этомъ я уже упоминалъ въ настоящемъ докладѣ. И это русское христіанское міросозерцаніе не потерпитъ, чтобы въ угоду разныхъ теорій узаконеннаго лицемѣрія нарушались основныя велѣнія Евангельскаго ученія. Русскій человѣкъ прекрасно понимаетъ, что Божественное ученіе Христа не нуждается въ поправкахъ къ нему, вносимыхъ сомнительной человѣческой мудростью; онъ знаетъ, что только безпрекословное исполненіе завѣтовъ этого ученія есть та твердыня, на которой можетъ стоять христіанская церковь, которую въ такомъ случаѣ и врата адовы не одолѣютъ. Вотъ почему совершенно неумѣстно въ данномъ случаѣ говорить о темнотѣ народной, и о тѣхъ выводахъ, которые сдѣлаютъ темные люди. Законъ пишется не для поддержанія темноты, а для ея озаренія свѣтомъ христіанской истины. Если отдѣльные темные фанатики не смогутъ понять закона, то пусть болѣе просвѣщенные помогутъ имъ въ этомъ; но нельзя ради непонятливыхъ забывать всего русскаго народа, всего русскаго общества; а послѣднее своимъ чутьемъ, своимъ міросозерцаніемъ, своимъ вѣчнымъ исканіемъ Бога давно уже подготовлено къ воспріятію закона, построеннаго на ученіи Христа. Въ этомъ отношеніи глубоко былъ правъ чл. Гос. Думы баронъ Мейендорфъ, когда онъ доказывалъ подготовленность нашего общества къ принятію настоящаго закона. „Въ настоящее время“, сказалъ почтенный депутатъ, „если мы оглянемся вокругъ насъ и если на минуту „представимъ себѣ, насколько наше населеніе подготовлено къ „этому началу, то, мнѣ кажется, кромѣ самаго отраднаго впечатлѣнія мы ничего вывести не можемъ. Православное населеніе въ огромномъ своемъ большинствѣ совершенно чуждо религіознаго фанатизма. Я скажу больше, всѣ слои русскаго общества

„въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ, высказавшись на всѣхъ попри-
„щахъ культурной работы, начиная съ литературы и кончая
„философіей, постоянно твердили одно: въ духовной жизни нужна
„свобода. Лучшіе русскіе умы уже болѣе поколѣнія подготовили
„эту реформу и подготовили ее настолько, что теперь она, какъ
„желанный плодъ давнишнихъ страданій, наконецъ будетъ при-
„нята. Тѣ слои русскаго населенія, не православные, въ которыхъ,
„быть можетъ, склонность къ фанатизму болѣе замѣтна, принципу
„свободной совѣсти противопоставить ничего принципіальнаго
„не могутъ. Они безъ свободы совѣсти жить не могутъ, а при
„свободѣ совѣсти, вѣроятно, утратятъ нѣкоторые свои худшіе
„недостатки въ области духовной жизни“ [1]).

Вѣроисповѣдная комиссія, признавая необходимымъ легализировать положеніе лицъ, отпавшихъ отъ христіанства, стремилась выработать такую редакцію закона, которая находилась бы въ соотвѣтствіи съ существующими нормами нашего дѣйствующаго законодательства. Поэтому она не удовольствовалась такими общими формулами, которыя можно было бы заимствовать изъ иностранныхъ законодательствъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ такихъ формулъ: 14 ст. австрійскаго закона объявляетъ: „полная свобода вѣроисповѣданій и совѣсти гарантирована всѣмъ“; § 9-ый конституціоннаго акта Баварскаго королевства отъ 26 марта 1814 г. начинается слѣдующими словами: „Всѣмъ жителямъ страны гаран-
„тируется полная свобода совѣсти“. 14 парагр. (отд. 2-й) Бельгійской конституціи 7-го февраля 1831 г., заключаетъ слѣдующее положеніе: „свобода вѣроисповѣданія и публичнаго отправленія
„религіозныхъ обрядовъ, равно какъ и право выражать свои
„мнѣнія по поводу чего бы то ни было гарантированы; караются
„лишь преступленія, совершенныя при пользованіи этими пра-
вами“. Вѣроисповѣдная комиссія, повторяю, не довольствовалась этими иностранными редакціонными образцами и полагала нужнымъ считаться съ дѣйствующимъ уголовнымъ законодательствомъ, карающимъ принадлежность къ изувѣрнымъ ученіямъ (96 ст. уг. Улож.), поэтому она и ввела въ статью указаніе, что „предоставляется право перехода во всякое вѣроученіе, **принад-
„лежность къ коему не наказуема въ уголовномъ порядкѣ**“. Къ большому изумленію членовъ вѣроисповѣдной комиссіи, слова: „предоставляется право“ сыграли роль жупела: они вызвали испугъ и подозрѣніе, что въ нихъ заключается подстрекательство къ вѣроотступничеству. Послѣднее, по мнѣнію испугавшихся, можно еще терпѣть въ силу ненаказуемости перехода изъ одной религіи въ другую, но нельзя писать о предоставленіи права совершить вѣроотступничество. Конечно, изъ-за этихъ редакціонныхъ соображеній не стоитъ спорить: написать ли въ статьѣ: предоставляется право перехода въ нехристіанство или гарантируется, или терпится, совершенно безразлично; смыслъ и содержаніе статьи отъ этого нисколько не измѣнятся. Но только наивно думать, будто лица, читающія эту статью закона окажутся столь

[1]) Стенограмма 22 мая 1909 г., засѣданіе 116, стр. 1833—1834.

мало сообразительными, что изъ-за словъ не постигнутъ ея содержанія. Отстаивая свою редакцію вѣроисповѣдная комиссія исходила изъ той мысли, что изложеніе закона должно быть такимъ, чтобы оно не вызывало разномыслія между людьми, умѣющими читать законы, понимать ихъ смыслъ и разъяснять тѣмъ, кому сіе не дано. Писать же законы предугадывая, какъ ихъ поймутъ неграмотные и, что хуже, грамотные, не желающіе вникать въ основную идею законодателя, представляется задачей безплодной; въ этомъ отношеніи для предугадыванія открывается и необъятная, и хаотическая область. Слѣдуетъ однако замѣтить, что во всемъ законопроектѣ вѣроисповѣдной комиссіи, въ текстѣ выработанныхъ ею статей закона, избѣгнуто выраженіе о переходѣ изъ христіанства въ нехристіанство и, что, такимъ образомъ, даже по своей внѣшней конструкціи законопроектъ не даетъ основаній для тѣхъ опасеній, которыя высказаны критиками редакціи первой статьи закона. Въ этомъ отношеніи ихъ въ большей степени должна бы смущать редакція 3-го пункта Указа 17 апрѣля 1905 г., въ коемъ упоминается, „что подлежатъ исключенію изъ числа православныхъ“ тѣ, кои этого пожелаютъ, разъ они сами или ихъ предки исповѣдывали нехристіанскую вѣру.

Наиболѣе уклоняющимся отъ истины является упрекъ, брошенный комиссіи въ томъ, будто въ своемъ законопроектѣ она „извратила волю Государя“[1]), выраженную въ Указѣ 17 апрѣля и въ Манифестѣ 17 октября 1905 г., будто она не удержалась „на принципѣ Указа 17 апрѣля, а произ„вольно и безъ достаточныхъ основаній существенно измѣнила „его узаконеніемъ перехода въ нехристіанское исповѣданіе“ [2]). Не надо особаго напряженія мысли, чтобы, прочитавъ названные Высочайшіе акты и законопроектъ комиссіи, увидѣть, что принципіальнаго разногласія между постановленіями комиссіи и положеніями Указа 17 апрѣля и Манифеста 17 октября не имѣется. „О принципахъ спора нѣтъ“, вѣрно указалъ депутатъ Маклаковъ; споръ переносится въ другую плоскость: признавая правильность принциповъ, говорятъ, что ихъ нельзя осуществить въ практической жизни. Но и этотъ споръ въ практической плоскости не создастъ непроходимой бездны между предложеніями комиссіи съ одной стороны, и дѣйствующимъ законодательствомъ и правительственнымъ законопроектомъ съ другой стороны: дѣйствующее законодательство допускаетъ легализацію перехода въ нехристіанство въ томъ случаѣ, если самъ переходящій или его предки принадлежали къ нехристіанскому вѣроученію; правительственный законопроектъ допускаетъ легализацію въ томъ случаѣ, если самъ переходящій или его восходящіе до дѣда и бабки включительно были нехристіанами; вѣроисповѣдная комиссія считаетъ необходимой легализацію, если отпавшій отъ христіанства не переходитъ въ вѣроученіе, воспрещенное зако-

[1]) Стенограмма 26 мая 1909 г., зас. 119, рѣчь чл. Гос. Думы Замысловскаго.
[2]) Стенограмма 26 мая 1909 г., зас. 119, рѣчь Еп. Евлогія. стр. 2103.

номъ. Очевидно, споръ идетъ не о принципѣ допустимости узаконенія случаевъ отпаденія отъ христіанства, а о предѣлахъ распространенія этого узаконенія. Если же принять во вниманіе, что послѣ Указа 17 апрѣля былъ изданъ Манифестъ 17 октября 1905 года, въ которомъ выражена непреклонная воля Монарха „даровать населенію незыблемыя основы свободы совѣсти", то нельзя не признать, что въ трудѣ комиссіи весьма ясно выражено стремленіе ввести въ законодательство начала, провозглашенныя въ названномъ Манифестѣ. Вѣдь безспорно, что въ понятіе свободы совѣсти входитъ, какъ объяснено и въ министерскомъ законопроектѣ объ отмѣнѣ содержащихся въ дѣйствующемъ законодательствѣ ограниченій (№ 1479), „право каждаго лица „заявлять свою вѣру, если уголовные законы не нарушаются „содержаніемъ исповѣданія".

Легализація случаевъ отпаденія отъ христіанства не можетъ имѣть большого практическаго значенія, ибо вообще, люди, просвѣщенные Евангеліемъ не склонны отказываться отъ ученія Христа—„этого послѣдняго итога религій всего міра", какъ гово„рили брамины и раввины на международномъ конгрессѣ религій всего міра, имѣвшемъ мѣсто въ Америкѣ въ 1893 г. Опытъ европейскихъ, христіанскихъ государствъ удостовѣряетъ, что переходъ въ нехристіанство случается исключительно рѣдко. Въ этихъ государствахъ узаконеніе случаевъ отпаденія отъ христіанства является лишній разъ повтореннымъ подтвержденіемъ незыблемости принципа свободы совѣсти и скорѣе имѣетъ теоретическое значеніе. Но въ нашемъ отечествѣ предлагаемая комиссіей легализація перехода въ нехристіанство вызывается отчасти и практической необходимостью, ибо, какъ указалъ Комитетъ Министровъ, „въ нѣкоторыхъ областяхъ Имперіи существуетъ значи„тельныя религіозныя группы, извѣстныя подъ именемъ упор„ствующихъ или отпавшихъ отъ православія, которыя образо„вались изъ присоединенныхъ къ православію иновѣрцевъ и ихъ „потомковъ, тяготѣющихъ къ своимъ прежнимъ исповѣданіемъ" [1]). Правильность этого указанія Комитета Министровъ нашла подтвержденіе въ фактическихъ данныхъ, приведенныхъ въ своей рѣчи членомъ Гос. Думы Хасъ-Мамедовымъ. Почтенный депутатъ „сказалъ: „Всѣмъ вамъ хорошо извѣстно, что до Манифеста 17 „октября, всякій переходъ изъ христіанской православной религіи „въ нехристіанскую былъ запрещенъ подъ угрозою уголовной „кары. Отсюда нетрудно себѣ представить, какое было поистинѣ „тяжелое положеніе той части населенія, которая извѣстна подъ „названіемъ „упорствующіе", въ числѣ которыхъ крещеные татары „всю вторую половину XIX столѣтія находились, если можно „такъ выразиться, въ состояніи двуликовѣрующихъ: фактически „исповѣдуя исламъ, юридически они считались христіанами. „Высочайшіе акты 17 апрѣля и 17 октября отчасти явились въ „помощь имъ, этимъ упорствующимъ, для избавленія ихъ отъ

---

[1]) Высочайше утвержденный особый журналъ К-та Министровъ отъ 25 января, 1 и 8 февраля и 15 марта 1905 г.

„того ненормальнаго религіознаго положенія, въ которомъ они „находились. Но знаете ли вы, что не всѣ изъ этихъ лицъ могли „осуществить предоставленное имъ этими актами право перехода „въ свою прежнюю религію, и къ тому были затрудненія, которыя „создались на мѣстахъ. Препятствія эти отчасти являются послѣд- „ствіемъ циркуляра Министра Вн. Дѣлъ отъ 18 августа 1905 г. „за № 4628, въ которомъ были преподаны правила о переходѣ „лицъ православныхъ и числящихся православными въ инослав- „ныя и иновѣрныя исповѣданія. По требованію п. 4 этого цирку- „ляра, губернаторъ обязанъ удостовѣриться всѣми средствами, „которыя онъ найдетъ наиболѣе полезными, дѣйствительно ли „заявитель или его предки исповѣдывали исламъ. Въ случаяхъ же „невозможности установленія этого обстоятельства, администрація „провѣряетъ, дѣйствительно ли заявители уклонялись отъ испол- „ненія обрядовъ православной религіи, бывали ли у исповѣди и „т. д.; всѣ эти требованія, на бумагѣ легко исполнимыя, на прак- „тикѣ создали большія затрудненія. Въ большинствѣ случаевъ „эти лица не имѣли возможности доказывать эти обстоятельства: „среди населенія, явно недружелюбно относящагося къ ихъ хода- „тайству, и среди не менѣе населенія несочувствовавшихъ аген- „товъ власти, и въ особенности духовенства. Послѣднее, конечно, „естественно не могло поощрять и поддерживать эти ходатайства, „и факты жизни намъ говорятъ, что въ этомъ отношеніи со сто- „роны его встрѣчаются большія препятствія. Это тѣмъ болѣе „усугубляетъ положеніе ходатайствующихъ о переходѣ, что, „согласно опредѣленію Св. Синода отъ 6—16 февраля 1906 г. за „№ 785, окончательное рѣшеніе дѣлъ объ исключеніи изъ метри- „ческихъ книгъ православныхъ предоставлено епархіальнымъ „начальствамъ. Вопреки указаніямъ правительственнаго законо- „проекта на то, что всѣ тѣ, кому надо было, воспользовались „правомъ перехода сейчасъ же послѣ обнародованія Указа 17 „апрѣля, я рѣшаюсь сказать, что въ настоящее время лицъ, фак- „тически исповѣдующихъ исламъ, но юридически считающихся православными—немало“ [1]). Затѣмъ членъ Гос. Думы Хасъ-Мамедовъ привелъ рядъ „слезныхъ обращеній“, вызванныхъ продолжающимъ тяготѣть принужденіемъ надъ мусульманами, желающими возвратиться въ вѣру своихъ предковъ [2]). Оставлять этихъ вѣрноподданныхъ русскаго Государя въ положеніи лицъ, не легализованныхъ, ограниченныхъ въ правахъ, лишенныхъ узаконенной семьи, было бы ничѣмъ не оправдываемой жестокостью. Вѣдь никакого преступленія они не совершили и вся ихъ вина заключается въ томъ, что они не могутъ, не умѣютъ доказать, что ихъ предки были иновѣрцами; но зато они пользуются самой лучшей репутаціей русскихъ гражданъ, какъ это удостовѣряетъ Комитетъ Министровъ, давая имъ слѣдующую характеристику: „проживая въ составѣ Россіи уже въ теченіе „многихъ столѣтій, мусульманское населеніе внутреннихъ губер-

[1]) Стенограмма 26 мая 1909 г., засѣд., 119, стр. 2003—2006.
[2]) Стенограмма 26 мая 1909 г., засѣд. 119, стр. 2003—2006.

„ній исполняло всегда долгъ свой предъ государствомъ наравнѣ „съ его коренными подданными и не доставляло правительству „какихъ-нибудь особенныхъ заботъ въ отношеніи политическомъ; „будучи весьма твердымъ въ правилахъ своего вѣроученія, на-селеніе это, однако, не проявляло прозелитизма среди русскаго народа“ [1].

Если имѣть въ виду только подлинныя постановленія вѣроисповѣдной комиссіи, если не приписывать имъ того, чего въ нихъ нѣтъ, если при этомъ сопоставить ихъ съ тѣмъ, что ска-зано въ Указѣ 17 апрѣля и Манифестѣ 17 октября 1905 г., то лицу, считающемуся со всѣмъ этимъ, можно назначить высокую премію, въ случаѣ ему удастся разгадать смыслъ заявленія члена Гос. Думы Балашева, внесеннаго имъ отъ имени фракціи умѣренно правыхъ. Въ этомъ заявленіи почтенный депутатъ на-чалъ съ утвержденія, что его политическіе единомышленники исповѣдуютъ основныя положенія свободы совѣсти, возвѣщенныя Высочайшимъ Указомъ 17 апрѣля и Манифестомъ 17 октября 1905 г., но закончилъ выраженіемъ мнѣнія, будто первая статья законопроекта вѣроисповѣдной комиссіи, принятая большинствомъ Гос. Думы, „пытается извергнуть Россію даже изъ сонма госу-„дарствъ христіанскихъ“ [2], вслѣдствіе чего фракція умѣренно-правыхъ рѣшила воздержаться отъ дальнѣйшаго обсужденія законопроекта. Такимъ образомъ, оказывается, что исполненіе Евангельскаго наставленія: „человѣка еретика по первому и второму вразумленію отвращайся“, есть попытка извергнуть Россію изъ сонма государствъ христіанскихъ. Вотъ куда можетъ завести привычка внимать только своимъ собственнымъ мыслямъ и быть глухимъ къ чужимъ аргументамъ, наперед признаннымъ несостоятельными.

Болѣе послѣдовательнымъ слѣдуетъ признать заявленіе члена Гос. Думы Вязигина, говорившаго отъ фракціи край-нихъ правыхъ, который выразилъ явно-отрицательное отношеніе къ самой идеѣ этого законо проекта и слѣдовательно къ тѣмъ его основнымъ началамъ, которыя вытекаютъ изъ Высочайшихъ актовъ послѣднихъ лѣтъ, закрѣпленныхъ 81 ст. Основныхъ Зако-новъ. Вотъ содержаніе этого характернаго заявленія: Признавая „разсматриваемый законопроектъ 1) недостаточно обоснованнымъ „и противорѣчащимъ Основнымъ Законамъ и Высочайшимъ пред-„начертаніямъ; 2) посягающимъ на господствующее положеніе „святой православной вѣры, и расторгающимъ союзъ между Цер-„ковью и государствомъ; 3) вносящимъ смуту въ души милліо-„новъ людей, нарушающимъ семейный миръ и вреднымъ для „государственнаго спокойствія; 4) измѣняющимъ вѣковымъ за-„вѣтамъ нашей исторіи и расшатывающимъ устои русской го-„сударственности, а, слѣдовательно, опастнымъ для самаго су-„ществованія единой недѣлимой и великой Россіи—фракція пра-

---

[1]) Тамъ же стр. 2006.
[2]) Стенограмма 1 іюня 1909 года, засѣданіе 125, стр. 2997.

„выхъ будетъ голосовать, какъ одинъ человѣкъ, противъ пере-
„хода къ постатейному чтенію [1]).

Конечно цѣльности этого заявленія портятъ рѣчи членовъ Гос. Думы, принадлежащихъ къ фракціи крайнихъ правыхъ, не имѣвшихъ смѣлости открыто выступить противъ высокихъ христіанскихъ идей, положенныхъ въ основу Указа 17 апрѣля и Манифеста 17 октября 1905 г. Кромѣ того это заявленіе страдаетъ ненужнымъ для его содержанія многословіемъ; его мысль болѣе кратко и искренно выражена также крайнимъ правыхъ депутатомъ, священникомъ Саввой Богдановичемъ въ его заявленіи, поданномъ въ вѣроисповѣдную комиссію еще въ 1908 г. Въ этомъ заявленіи о. Богдановичъ находитъ возможнымъ охарактеризовать всѣ правительственные вѣроисповѣдные законопроекты „слѣдующими краткими словами“: „кувыркайтесь россійскіе люди,
„изъ вѣры въ вѣру, или безвѣріе и обратно, мы, гражданская
„власть, вась на это благословляемъ и узаконяемъ“ [2]). Тутъ ужъ мысль крайнихъ правыхъ выражена безъ всякихъ прикрасъ. И это мысль не новая: ее издавна твердятъ всѣ противники христіанскаго начала свободы совѣсти; въ 1832 году, напримѣръ, папа Григорій, высказывая ту-же мысль, писалъ въ своей энцикликѣ „miṭari vos“ слѣдующія непонятныя для христіанина слова: „изъ
„зараженнаго источника индефферентизма вытекаетъ ложный
„принципъ или вѣрнѣе безумная мысль, будто кому бы то ни
“было нужна свобода совѣсти“. Во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ словахъ слышится хорошо извѣстный въ исторіи голосъ „ad vocatus diabo li“, который всегда раздается, когда въ жизнь проводятся начала христіанскаго міросозерцанія. Но по счастью для человѣчества эти голоса не удерживаютъ распространенія въ мірѣ христіанскихъ идей, и въ настоящее время нѣтъ христіанскаго государства, гдѣ-бы признаніе за человѣкомъ права избирать вѣроученіе по велѣніямъ его совѣсти считалось опаснымъ для государства, называлось-бы „кувырканіемъ изъ одной вѣры въ другую или признавалось бы „безумной мыслью“. Гос. Дума 3-го созыва также въ осуществленіи этого принципа не усмотрѣла всѣхъ тѣхъ ужасовъ, о которыхъ говорили приведенная заявленія и приняла въ первомъ и второмъ чтеніяхъ статью перваго законопроекта въ редакціи, предложенной вѣроисповѣдной коммиссіей.

Была еще попытка, при голосованіи первой статьи законопроекта, создать законодательную волокиту. Членъ Государственной Думы Амосенокъ „отъ всѣхъ подписавшихся крестьянскихъ депутатовъ„ и отъ имени ста милліоновъ крестьянъ не депутатовъ предложилъ спросить „мнѣніе страны“, какъ редактировать первую статью и „отложить до осени постатейное чтеніе“. Членъ Гос. Думы Крупенскій, „прислушавшись къ свободному голосу депутата Амосенка“, отъ имени

---

[1]) Стенограмма 26 мая 1909 г., засѣданіе 119, стр. 2089.

[2]) Печатное заявленіе чл. Гос Думы свящ. Саввы Богдановича озаглавленное на вниманіе Думской вѣроисповѣдной комиссіи.

фракціи умѣренно-правыхъ присоединился къ этому предложенію. Но вслѣдъ затѣмъ на кафедру поспѣшили крестьянскіе депутаты Лукашинъ, Кузовковъ съ заявленіемъ, что „ни полномочія“ „ни права“ внести такое заявленіе они г. Амосенку не давали и, что откладывать до осени законченную работу „нѣтъ никакого смысла“. Этимъ обвиненіемъ автора предложенія объ отсрочкѣ голосованія по разсмотрѣнному законопроекту въ присвоеніи себѣ не принадлежащихъ ему полномочій и закончилось разсмотрѣніе заявленія члена Гос. Думы Амосенка. Попытка затормозить законодательную работу не удалась: большинство членовъ Гос. Думы оказались нерасположенными къ созданію практики законодательной волокиты.

Къ первой статьѣ законопроекта вѣроисповѣдной комиссіи отъ имени фракціи „Союза 17 Октября“ членъ Гос. Думы Леоновъ предлагалъ внести примѣчаніе, которое разъясняло бы, что нехристіанинъ, принявшій христіанство и затѣмъ возвратившійся въ свое прежнее вѣроученіе, тѣмъ самымъ подвергается всѣмъ тѣмъ правоограниченіямъ, которыми по закону обуславливается принадлежность къ этому нехристіанскому вѣроученію. Такое примѣчаніе имѣло въ виду предупредить, какъ говорилъ членъ Гос. Думы Леоновъ, возможность случаевъ, „когда право „перехода изъ христіанства въ нехристіанство послужитъ предъ„метомъ спекуляціи, когда человѣкъ перейдетъ въ христіанство „исключительно для полученія тѣхъ имущественныхъ и обще„ственныхъ правъ, которыхъ онъ былъ лишенъ вслѣдствіе при„надлежности къ извѣстному нехристіанскому вѣроученію и за„тѣмъ, получивъ эти права, возвратится къ своему прежнему „вѣроученію“ [1]). Конечно, нельзя ничего возразить противъ цѣли, побудившей внести это примѣчаніе, но нельзя не замѣтить, что эта цѣль уже достигнута дѣйствующимъ закономъ, ибо разъ дѣйствующій законъ ограничиваетъ въ правахъ по религіозному признаку, то эти ограниченія остаются въ силѣ и безъ всякихъ дополнительныхъ разъясненій. Поэтому вышеприведенное примѣчаніе, при внесеніи его въ сводъ законовъ, будетъ вычеркнуто въ кодификаціонномъ порядкѣ съ объясненіемъ, что оно повторяетъ уже существующее законодательное распоряженіе. По этимъ основаніямъ Гос. Дума признала это примѣчаніе излишнимъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что высказывавшіяся опасенія, будто разсматриваемый законопроектъ, касаясь иновѣрныхъ исповѣданій, затрагиваетъ и еврейскій вопросъ, представляются чистымъ недоразумѣніемъ; уже разсмотрѣнная первая основная статья законопроекта съ достаточной очевидностью обнаруживаетъ, какъ это уже пояснено, что настоящій законопроектъ повторяетъ основныя положенія Указа 17 апрѣля 1905 г., и допускаетъ только одно не принципіальное добавленіе. Такимъ образомъ, если Указъ 17 апрѣля не касается вопроса о политическихъ и гражданскихъ правахъ иновѣрцевъ, то и законопроектъ

---

[1]) Стенограмма 2 мая 1909 г., засѣданіе 116, стр. 1779.

вѣроисповѣдной комиссіи, повторяющій основныя положенія этого Указа не можетъ затрагивать этихъ вопросовъ [1]).

Разъ установлено для лицъ, достигшихъ гражданскаго совершеннолѣтія, т.-е. 21 года, право избранія вѣроученія, соотвѣтствующаго ихъ свободному убѣжденію, то самъ собою возникаетъ вопросъ о вѣроисповѣдномъ состояніи лицъ, не достигшихъ этого возраста. По дѣйствующему закону (п. 2-ой Указа 17 апрѣля) предусматривается положеніе несовершеннолѣтнихъ только въ томъ случаѣ, если ихъ родители переходятъ въ христіанскую вѣру; о вѣроисповѣданіи дѣтей тѣхъ родителей, которые отпали отъ христіанства ничего не говорится. Такимъ образомъ, дѣйствующій законъ устанавливаетъ, „что при переходѣ одного изъ испо„вѣдующихъ ту же самую христіанскую вѣру супруговъ въ дру„гое вѣроисповѣданіе, всѣ недостигшія совершеннолѣтія дѣти „остаются въ прежней вѣрѣ, исповѣдуемой другимъ супругомъ, „а при таковомъ же переходѣ обоихъ супруговъ, дѣти ихъ до „14 лѣтъ слѣдуютъ вѣрѣ родителей, достигшія же сего возраста „остаются въ прежней религіи". Слѣдовательно, въ возрастѣ до 14 лѣтъ, дѣти механически слѣдуютъ вѣрѣ родителей, а отъ 14 лѣтъ до 21 года несовершеннолѣтніе не могутъ мѣнять религіи, хотя бы ихъ родители присоединились къ другому вѣроученію; для несовершеннолѣтнихъ этого возраста, другими словами, создается состояніе неподвижности.

Въ вѣроисповѣдной комиссіи по вопросу о вѣроисповѣданіи не совершеннолѣтнихъ, въ возрастѣ отъ 14 до 21 года, было выражено два противоположныхъ мнѣнія: „нѣкоторые члены комис„сіи, вмѣстѣ съ представителемъ Вѣдомства Православнаго Испо„вѣданія, находили, что существующій законъ долженъ быть „сохраненъ, ибо въ указанномъ возрастѣ несовершеннолѣтніе, не „обладая достаточной устойчивостью духовныхъ силъ и полной „обдуманностью и сознательностью въ религіозныхъ понятіяхъ, „легко могутъ поддаться постороннимъ вліяніямъ; ограниченныя „во многихъ гражданскихъ правахъ лица, въ возрастѣ отъ 14 „до 21 года, должны быть ограничены и въ правѣ избирать но„вое вѣроученіе по собственному произволенію. Другіе Члены „комиссіи, не отрицая справедливости соображенія о неподготов„ленности несовершеннолѣтнихъ самостоятельно разрѣшать религіозные вопросы, указывали на ненормальность положенія семьи, „когда родители примкнутъ къ новому вѣроученію, а дѣтямъ, по „достиженіи ими 14-лѣтняго возраста, будетъ воспрещено слѣ„довать вѣрѣ своего отца и матери. Очевидно, что фактически „такіе несовершеннолѣтніе будутъ воспитываться въ духѣ вѣро„ученія ихъ родителей и только будутъ числиться принадлежа-

---

[1]) Этимъ вопросамъ спеціально посвященъ одинъ изъ слѣдующихъ законопроект. М-ва Вн. Дѣлъ, озаглавленный: „Объ отмѣнѣ содержащихся въ дѣйствующемъ законодательствѣ ограниченій, политическихъ и гражданскихъ, находящихся въ зависимости отъ принадлежности къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ, а въ томъ числѣ и къ старообрядчеству и къ отдѣлившимся отъ православія сектамъ, а равно законоположеній, допускающихъ вмѣшательство гражданской власти въ духовныя отношенія частныхъ лицъ", № 1479

„щими къ прежней вѣрѣ ихъ родителей, что вызоветъ практику „лжи и притворства, которая совершенно недопустима въ рели- „гіозной области. Кромѣ того, ненормально, чтобы несовершенно- „лѣтніе, имѣющіе право по нашимъ гражданскимъ законамъ „вступать въ бракъ въ возрастѣ 16 и 18 лѣтъ, быть учителями „и воспитателями, руководить религіознымъ воспитаніемъ своихъ „дѣтей, въ то же время были безусловно лишены права собствен- „наго религіознаго самоопредѣленія. Поэтому сама жизнь тре- „буетъ, чтобы и несовершеннолѣтнимъ, достигшимъ 14-тилѣт- „няго возраста, было предоставлено право перехода изъ одного „исповѣданія въ другое, но, имѣя въ виду возможную духовную „неустойчивость лицъ указаннаго возраста, слѣдуетъ постановить, „что такимъ правомъ они могутъ пользоваться только съ обоюд- „наго разрѣшенія родителей или замѣняющихъ ихъ усыновителей, „опекуновъ, попечителей, а если налицо одинъ родитель, то съ „разрѣшенія этого послѣдняго [1]).

Поставленное на голосованіе предложеніе въ указанномъ смыслѣ было отклонено большинствомъ 17 противъ 16 голосовъ, а большинствомъ 20 голосовъ противъ 4, было принято другое аналогичное предложеніе въ слѣдующей редакціи: „несовершен- „нолѣтнимъ, достигшимъ установленнаго закономъ брачнаго воз- „раста (вмѣсто 14-лѣтъ), означенное право (ст. 1) предостав- „ляется лишь съ разрѣшенія обоихъ родителей или опекуновъ „надъ личностью несовершеннолѣтняго или попечителей, либо „усыновителей, а при существованіи одного родителя, опекуна, „попечителя, усыновителя, съ разрѣшенія одного изъ сихъ лицъ [2]).

Членъ Гос. Думы баронъ Мейендорфъ доказалъ, что болѣе цѣлесообразнымъ является предложеніе меньшинства членовъ комиссіи, полагавшихъ, что моментомъ для условнаго перехода дѣтей изъ одного вѣроисповѣданія въ другое долженъ быть установленъ опредѣленно 14 лѣтній, но не брачный возрастъ, по нашимъ законамъ различный для различныхъ мѣстностей. „Съ точки зрѣнія согласованія этой статьи съ нашимъ законо- „дательствомъ“, говорилъ почтенный депутатъ, „надо имѣть въ „виду то, что не только существуетъ два брачныхъ возраста въ „предѣлахъ Имперіи, но, кромѣ того, брачный возрастъ не уста- „новленъ вовсе для цѣлой части русскихъ подданныхъ. Законы „гражданскіе въ ст. 63 опредѣляютъ брачный возрастъ для хри- „стіанъ; ст. 91 опредѣляетъ брачный возрастъ для нѣкоторыхъ „нехристіанъ, но вовсе не для всѣхъ; между тѣмъ, этотъ законъ „касается всѣхъ русскихъ подданныхъ; такъ что неопредѣлен- „ную цыфру, не содержащую, самое по себѣ, никакихъ опредѣлен- „ныхъ данныхъ для того, чтобы къ ней именно примѣнять поня- „tie annus discretionis, годъ различенія, будетъ болѣе цѣлесооб-

---

[1]) Докладъ комиссіи по вѣроисповѣднымъ вопросамъ по законопроекту „объ измѣненіи законоположеній, касающихся перехода изъ одного вѣроисповѣ- данія въ другое“, стр. 9.

[2]) Тамъ же, стр. 9.

„разнымъ замѣнить общимъ годовымъ срокомъ 14 лѣтъ“ [1]). Поэтому баронъ Мейендорфъ отъ имени фракціи „Союза 17 Октября“ предложилъ слѣдующую редакцію для 2-ой статьи законопроекта: „Лицамъ, достигшимъ 14-лѣтняго возраста, означенное въ статьѣ „первой право предоставляется съ разрѣшенія тѣхъ лицъ, на „которыхъ лежитъ попеченіе о личности несовершеннолѣтнихъ“, (родителей, усыновителей, опекуновъ и т. д.). Нельзя не признать, что редакція, предложенная отъ имени „Союза 17 Октября“, не измѣняющая смысла статьи, предложенной вѣроисповѣдной комиссіей, является болѣе совершенной. Въ такомъ болѣе удачномъ изложеніи она и принята Гос. Думой въ первыхъ двухъ чтеніяхъ. Санкціонированіе законодательствомъ указаннаго состоянія вѣроисповѣдной неподвижности едва ли можетъ быть оправдано какими-либо вѣскими соображеніями. По крайней мѣрѣ приведенные выше доводы большинства членовъ вѣроисповѣдной комиссіи противъ этой неподвижности не встрѣтили серьезныхъ возраженій и наглядно показали, что запрещеніе несовершеннолѣтнимъ перемѣнять вѣру нарушаетъ семейную солидарность: родители будутъ слѣдовать одному вѣроученію, а дѣти другому, отвергаемому ихъ родителями. Трудно ожидать, чтобы такое положеніе поддерживало семейный миръ и согласіе и еще труднѣе разсчитывать, чтобы какія-либо внѣшнія предписанія и воспрещенія могли бы заставить отцовъ и матерей воспитывать своихъ дѣтей въ правилахъ отвергаемаго ими вѣроученія.

На этой точкѣ зрѣнія необходимости поддержанія духовнаго единства семьи стоитъ дѣйствующее законодательство въ томъ случаѣ, когда оно предписываетъ, чтобы дѣти, въ возрастѣ до 14 лѣтъ, въ случаѣ перехода родителей въ другое христіанское вѣроисповѣданіе, механически слѣдовали ихъ вѣрѣ. Эту же точку зрѣнія отстаивало и большинство членовъ вѣроисповѣдной комиссіи, въ предложенной ими третьей статьѣ законопроекта слѣдующаго содержанія: „Дѣти, не достигшія 14 лѣтъ, при пе„реходѣ родителей или одного изъ нихъ, оставшагося въ жи„выхъ, въ другое исповѣданіе или вѣроученіе, слѣдуютъ вѣрѣ „родителей или родителя“.

Приведенная статья закона не можетъ быть ни обоснована, ни отвергнута путемъ ссылокъ на разные отдѣльные анекдотическіе случаи злоупотребленія родителями своей властью. Только относясь дилетантски къ этому вопросу можно начать разсказывать, какъ тотъ или другой родитель оказывается неспособнымъ дать какое-либо воспитаніе своимъ дѣтямъ. Не имѣютъ также цѣны и повѣствованія вродѣ слѣдующаго, помѣщеннаго въ „Харьковскихъ Вѣдомостяхъ“ [2]): „Мой братъ былъ женатъ „и умеръ. Жена моего брата послѣ смерти его влюбилась въ „еврея, вышла замужъ за еврея и сама приняла еврейское вѣро„исповѣданіе“. Отсюда выводъ: мой племянникъ будетъ подвергнутъ обрѣзанію. Такія, хотя исключительныя, но нежела-

---

[1]) Стенограмма 22 мая 1909 г., засѣданіе 116, стр. 1829—1830.
[2]) „Харьковск. Вѣд.“, 5 іюня 1909 г.

тельныя явленія законодатель всегда можетъ предупредить, неся въ законъ соотвѣтствующія оговорки. Судебно-уголовные процессы обнаруживаютъ, что ежегодно извѣстный процентъ родителей совершаетъ преступленія, пользуясь дѣтьми то какъ объектомъ, то какъ орудіемъ преступленія. Однако никому въ голову не приходитъ изъ-за такихъ отдѣльныхъ случаевъ ограничивать власть родителей въ дѣлѣ воспитанія ими своихъ дѣтей. При обсужденіи вопроса объ объемѣ родительской власти такіе анекдотическіе случаи, можетъ быть и интересные для читателей губернскихъ вѣдомостей, оказываются недостаточными. Цѣлесообразнѣе въ данномъ случаѣ не упускать изъ виду, что то или другое рѣшеніе интересующаго насъ вопроса находится въ зависимости отъ того, какому изъ двухъ исторически выработанныхъ принциповъ законодатель отдаетъ предпочтеніе: принципу ли охраненія авторитета родительской власти или взгляду о необходимости предоставить государству возможно болѣе широкое вмѣшательство въ семейную жизнь. Первый принципъ получилъ свое крайнее выраженіе въ первоначальномъ римскомъ законодательствѣ, которое предоставляло главѣ семьи „jus vitae ac necis“, т. е. право надъ жизнью и смертью дѣтей. Конечно, такіе законы могли имѣть мѣсто въ самыя суровыя времена и уже въ римской республикѣ они были значительно смягчены. Мы только привели крайнее выраженіе общаго начала, жизненность котораго однако, до сихъ поръ обнаруживается въ томъ, что, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ западныхъ законодательствахъ въ интересахъ поддержанія единства интересовъ семьи по настоящее время не допускается раздѣльное пользованіе имуществомъ супругами и въ томъ, что почти во всѣхъ государствахъ въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго воспитанія дѣтей, въ дѣлѣ опредѣленія ихъ судьбы родители являются никѣмъ и ничѣмъ неограниченными владыками. Если придерживаться взгляда римскаго законодательства на объемъ родительской власти, то придется признать, что въ дѣлѣ опредѣленія вѣроисповѣданія дѣтей никто кромѣ родителей не долженъ имѣть рѣшающаго голоса, придется вмѣстѣ съ профессоромъ Чичеринымъ сказать, что „совѣсть родителей заступаетъ совѣсть дѣтей“, что въ „воспитаніе дѣтей въ той или „другой вѣрѣ государство не должно вмѣшиваться“ и что „вся„кое уклоненіе отъ этого правила въ силу политическихъ началъ „можетъ разсматриваться только, какъ нарушеніе основныхъ правъ „человѣка“ [1]).

Мысль о цѣлесообразности широкаго вмѣшательства государства въ частную семейную жизнь, въ отношенія между родителями и дѣтьми получила свое крайнее и весьма отвлеченное выраженіе въ теоріи государственнаго соціализма Платона, въ его изображеніи „Идеальнаго государства“. По этой теоріи семья, равно какъ личность, всецѣло поглощаются государствомъ, самое

---

[1]) Приведенную выдержку изъ курса государ. наукъ профес. Чичерина приводилъ для своей интересной рѣчи чл. Гос. Думы бар. Мейендорфъ. Стенограмма 22 мая 1909 г., засѣданіе 116, стр. 1830.

брачное сожительство становится коммунистическимъ и поставляется подъ надзоръ особыхъ правителей. Понятно, этотъ взглядъ полностью никогда и нигдѣ не могъ быть приведенъ въ дѣйствительной жизни, но онъ интересенъ какъ конечный логическій выводъ образа мыслей тѣхъ, кто отстаиваетъ начала широкаго государственнаго вмѣшательства въ частную семейную жизнь и кто признаетъ возможнымъ распространять государственную опеку на родителей и на ихъ отношенія къ дѣтямъ. Такимъ образомъ, тѣ, образъ мыслей коихъ болѣе склоняется въ сторону отвлеченной теоріи Платона, будутъ настаивать на ограниченіи правъ родителей надъ дѣтской душой и предложатъ такіе законы, при которыхъ вѣроисповѣдное состояніе дѣтей будетъ опредѣляться общимъ законодательнымъ распоряженіемъ, а не измѣнчивой волей каждаго изъ родителей въ отдѣльности. На этой послѣдней точкѣ зрѣнія стоитъ наше дѣйствующее законодательство (2 п. Указа 17 апрѣля 1905 г.); ее же отстаивало и большинство членовъ вѣроисповѣдной комиссіи, когда оно отрицательно отнеслось къ предложенію „предоставить родителямъ право присоединять дѣтей „до 14-лѣтняго возраста къ какому угодно вѣроисповѣданію „и переводить ихъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое независимо отъ перемѣны религіи самими родителями“. Въ пользу своего мнѣнія большинство привело слѣдующія соображенія: „узаконеніе права родителей присоединять дѣтей и пе„реводить ихъ въ религію не исповѣдуемую родителями создаетъ „непримиримое столкновеніе свѣтскаго законодательства съ ка„нонами нѣкоторыхъ христіанскихъ церквей, ибо каноны нѣко„торыхъ церквей, напримѣръ, православной и католической, со„вершенно не признаютъ за родителями такого права, и роди„телей, переведшихъ своихъ дѣтей въ другое вѣроисповѣда„ніе, считаютъ отпавшими отъ своихъ исповѣданій. Отвле„ченная теорія свободы совѣсти, при ея практическомъ при„мѣненіи, не должна попирать правъ церкви и создавать законы, „оскорбляющіе религіозныя вѣрованія и подрывающіе уваженіе „гражданъ къ самому законодательству. Переводъ дѣтей въ чуж„дую родителямъ религію не можетъ вытекать изъ чистыхъ, нрав„ственныхъ побужденій; психологически необъяснимо, чтобы по „такимъ побужденіямъ родители воспитывали своихъ дѣтей въ „религіи, истинъ ученія которой они не признаютъ. Если же ро„дители искренно убѣждены въ преимуществахъ той или другой „религіи, то они сами перейдутъ въ это вѣроученіе и въ такомъ „случаѣ, по дѣйствующему закону, дѣти послѣдуютъ за родите„лями. Въ жизни присоединеніе и воспитаніе дѣтей въ чуждой „религіи чаще всего будетъ вызываться разными практическими, „а иногда и корыстными побужденіями, которымъ во всякомъ „случаѣ законодатель не долженъ благопріятствовать. Наконецъ, „надо имѣть въ виду крайнюю рѣдкость случаевъ воспитанія дѣ„тей въ чуждой родителямъ религіи; такіе случаи исключитель„ны, и ради исключеній не представляется необходимости созда„вать особаго закона“ [1]).

---

[1]) Изъ [illegible] вѣроисповѣдной комиссіи, стр. 10.

Меньшинство членовъ комиссіи исходило изъ противоположнаго начала автономности родительской власти и указывало, „что „въ дѣлѣ опредѣленія вѣры дѣтей долженъ быть соблюденъ „общій гражданскій порядокъ, по которому во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ неправоспособнаго замѣняютъ родители или ихъ „замѣстители; нѣтъ никакихъ ни юридическихъ, ни логическихъ „основаній примѣнять насиліе къ семейной жизни и исторгать у „родителей ихъ исконное право воспитывать своихъ дѣтей по ихъ „свободному разумѣнію. Опасенія о насиліи родителей надъ дѣтской душой безпочвенны, ибо какъ общее правило, слѣдуетъ „признать, что естественное чувство родительской любви не позволитъ отцу и матери творить зло своему ребенку. Если по „Указу 17 апрѣля 1905 г., родители обязаны, при переходѣ въ „другое вѣроисповѣданіе, переводить въ него и своихъ дѣтей, „не достигшихъ 14-лѣтняго возраста, то нѣтъ основанія не распространить этого законодательнаго распоряженія въ томъ смыслѣ, „чтобы родителямъ было предоставлено право присоединять или „переводить своихъ дѣтей и въ то вѣроученіе, къ которому сами родители не принадлежатъ“[1]).

Гос. Дума согласилась съ меньшинствомъ и приняла ст. 3-ью въ редакціи, предложенной фракціей „Союза 17 Октября“.

Такимъ образомъ, Гос. Дума придержалась того принципа, по которому „совѣсть родителей замѣняетъ совѣсть дѣтей“. Кромѣ вышеприведенныхъ аргументовъ меньшинства членовъ вѣроисповѣдной комиссіи въ пользу этого принципа, членъ Гос. Думы баронъ Мейендорфъ указалъ на его согласованность съ нашимъ гражданскимъ законодательствомъ. „Наши гражданскіе законы“, сказалъ почетенный депутатъ, „опредѣляютъ родительскую власть, „какъ власть неограниченную, родители опредѣляютъ всю судьбу „дѣтей, родители ближе знакомы съ ихъ душевными потребностями, они будутъ болѣе считаться съ желаніями 12-лѣтняго, „10 лѣтняго-мальчика и дѣвочки такого же возраста, и, слѣдовательно, механическое начало закона, провозглашаемое ст. 3 проекта, въ которой говорится, что дѣти при переходѣ родителей „слѣдуютъ вѣрѣ родителей, въ интересахъ справедливости и „человѣчности, но еще болѣе въ интересахъ семейнаго міра, „мнѣ кажется, должно быть замѣнено правомъ родителей, „которые въ нормальныхъ случаяхъ всегда будутъ соображаться „съ натурой своихъ дѣтей и опредѣлять ихъ религію“ [2]).

Къ этой статьѣ, принятой въ редакціи, предложенной фракціей „Союза 17 Октября“, отъ ея же имени было внесено весьма существенное дополненіе, коимъ предлагалось не признавать за родителями права переводить дѣтей **въ нехристіанскую вѣру**. Объясняя это дополненіе, баронъ Мейендорфъ указалъ, что, хотя принципіально, стоя на почвѣ настоящаго законопроекта, на первый взглядъ его трудно оправдать, тѣмъ не менѣе нельзя не считаться съ „впечатлѣніемъ одного явленія, которое внутреннее

---

[1]) Тамъ же, стр. 10.
[2]) Стенограмма 22 мая 1909 г., засѣданіе 116, стр. 1831.

„чувство не можетъ заставить насъ забыть. Это явленіе заклю-„чается въ томъ, что пріобщеніе къ самой главной нехристіан-„ской религіи, имѣющейся въ предѣлахъ Россіи, связывается съ „нарушеніемъ тѣлесной неприкосновенности. Казалось бы, что „въ законѣ о свободѣ совѣсти, о свободномъ переходѣ трудно „было бы установить для ребенка обязанность подчиняться такому „акту, который имѣетъ непоправимый характеръ. Вотъ, это со-ображеніе и заставляетъ насъ въ точности установить, что роди-„тели христіане, даже при переходѣ въ нехристіанское вѣроуче-ніе, не въ правѣ выбирать для дѣтей нехристіанское исповѣ-даніе“ [1]). Надо признать, что требованіе тѣлесной неприкосновен-ности, какъ относительно взрослыхъ, такъ особенно относительно дѣтей есть такой мотивъ, который является достаточнымъ для объясненія и обоснованія, предложеннаго фракціей „Союза 17 Октября“ дополненія. Но къ сожалѣнію партіи центра не удалось отстоять своего предложенія, оно было отклонено большинствомъ 74 противъ 64 голосовъ вслѣдствіе того, что 43 члена Гос. Думы, принадлежащихъ къ правымъ фракціямъ воздержались отъ голо-сованія, а другіе покинули залъ засѣданія Такой результатъ голосованія произошелъ потому, что фракціи крайнихъ и умѣ-ренно-правыхъ приняли рѣшеніе воздержаться отъ обсужденія этого законопроекта, слѣдуя, какъ указалъ кн. Куракинъ, пра-вилу: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“ [2]).

Статьи 4, 5 и 7 законопроекта не вызвали существенныхъ возраженій въ Гос. Думѣ и были приняты почти единогласно. Ст. 4-ая имѣетъ слѣдующую редакцію: „Съ переходомъ въ уста-„новленномъ закономъ порядкѣ въ другое вѣроисповѣданіе или „вѣроученіе прекращаются взаимныя права и обязанности между „церковью или религіознымъ обществомъ, съ одной стороны, и „отпавшими отъ оныхъ, съ другой“. По поводу ея въ засѣданіи вѣроисповѣдной комиссіи было внесено предложеніе о ея допол-неніи, указаніемъ, что ограниченія гражданскаго свойства, на-ложенныя церковью (напримѣръ, воспрещеніе разведенному су-пругу вступить въ новый бракъ до отбытія эпитиміи), должны сохранять свою силу, хотя бы лицо и присоединилось къ новому для него вѣроисповѣданію. По поводу этого предложенія, пред-ставитель Вѣдомства Православнаго Исповѣданія пояснилъ, что Св. Синодъ признаетъ эту статью пріемлемой безъ всякихъ из-мѣненій и дополненій, и что немыслимо налагать на отпадающа-го исполненіе обязанностей, связанныхъ съ принадлежностью лица къ его прежней церкви. Къ этому мнѣнію представителя Вѣдомства Православнаго Исповѣданія присоединились другіе члены комиссіи и при этомъ указали на существенную разницу между церковной эпитиміей и гражданскимъ наказаніемъ, съ вытекающими изъ него правоограниченіями: „Епитимія“, гово-рили они, „по правилу св. Василія Великаго, есть мѣра нрав-„ственнаго воздѣйствія, вразумленія и исправленія, она не дол-

---

[1]) Стенограмма 22 мая 1909 г. засѣд. 116 стр., 1831.
[2]) Стенограмма 1 іюня 1909 г. засѣд. 125, стр. 3006.

„жна вызывать гражданскихъ ограниченій, не имѣетъ безуслов-
„наго характера и можетъ быть властью епископа сокращена
„или увеличена, въ зависимости отъ духовнаго состоянія и нрав-
„ственнаго исправленія подвергающагося епитиміи; гражданское
„же взысканіе, сопровождающееся пораженіемъ правъ, является
„безусловнымъ послѣдствіемъ содѣяннаго, правовымъ возмезді-
„емъ за нарушеніе закона. Поэтому ошибочно приравнивать епи-
„тимію къ гражданскому взысканію и для церкви нѣтъ смысла,
„чтобы ея мѣры нравственнаго исправленія распространялись
„на лицъ, отпавшихъ отъ нея“ [1]).

Комиссіи, при исполненіи ею своей задачи, приходилось не только вырабатывать новыя законодательныя нормы, но отчасти исполнять чисто кодификаторскую работу: пересмотрѣть разбросанныя въ 16 томахъ Свода Законовъ отдѣльныя статьи и, въ соотвѣтствіи съ принятыми ею положеніями, редакцію нѣкоторыхъ статей измѣнить, а другія статьи совсѣмъ отмѣнить или исключить изъ отдѣльныхъ томовъ Свода Законовъ. Мы не будемъ останавливаться на этой канцелярской работѣ вѣроисповѣдной комиссіи, а въ концѣ нашего доклада приведемъ всѣ ея постановленія, принятыя Гос. Думой, и тѣмъ самымъ представимъ перечень отмѣненныхъ и исключенныхъ законовъ. Теперь же укажемъ, что разсмотрѣніе 1—9 пунктовъ 77 ст. уст. о герб. сб. (т. V Св. Зак.) привело комиссію къ убѣжденію, что дѣйствующій законъ совершенно правильно освобождаетъ отъ гербоваго сбора „про-
„ш-нія и другія бумаги о присоединеніи къ православію и при-
„нятіи христіанства . Также точно комиссія находила правильной практику Св. Синода, который съ прошеній о переходѣ въ православіе не взимаетъ гербоваго сбора на томъ основаніи, что такого рода прошенія вызываются религіозно-нравственными побужденіями вѣрующихъ, побужденіями не подлежащими обложенію пошлиной. При этомъ большинство членовъ вѣроисповѣдной комиссіи признало, что одинаково справедливое отношеніе къ религіознымъ убѣжденіямъ людей различныхъ вѣрованій обязываетъ распространить дѣйствующее изъятіе въ гербовомъ уставѣ на всѣ признанныя государствомъ вѣроученія. По этимъ соображеніямъ комиссія предложила, вмѣсто 1 п. 77 ст. уст. о герб. сб., 5-ую ст. своего законопроекта въ слѣдующей редакціи: „Всѣ
„заявленія, прошенія и другія бумаги по дѣламъ о переходѣ изъ
„одного вѣроисповѣданія или вѣроученія въ другое освобожда-
„ются отъ гербоваго сбора“.

При разсмотрѣніи 5-ой ст. Уст. Иностр. Испов. (т. XI) устанавливающей, что „никто ни подъ какимъ видомъ не долженъ препятствовать присоединенію къ вѣрѣ православной“ вѣроисповѣдная комиссія нашла, что означенная 5 ст. должна быть согласована съ выработанной ею 1-ой статьей и поэтому 7-ую статью своего законопроекта изложила въ слѣдующей редакціи: „Лицамъ,
„желающимъ присоединиться къ другому вѣроисповѣданію или
„вѣроученію, принадлежность къ коему не наказуема въ уголов-

[1]) Докладъ вѣроисповѣдной комиссіи, стр. 5.

„помъ порядкѣ, а тѣмъ болѣе къ православной вѣрѣ, никто ни „подъ какимъ видомъ не долженъ препятствовать въ исполненіи „сего желанія". По поводу предложенной новой редакціи 5 ст. Уст. Иностр. Испов. мною, какъ докладчикомъ, было представлено Гос. Думѣ слѣдующее объясненіе: „Съ точки зрѣнія строгаго „кодификатора эта статья является излишней: если принята „первая статья, то приведенная является естественнымъ послѣд- „ствіемъ; но, принимая во вниманіе, что исполнители, въ особен- „ности на низшихъ ступеняхъ административной іерархіи, нуж- „даются иной разъ въ повтореніи принципа и, такъ сказать, въ „законодательномъ его разъясненіи, комиссія не считала безпо- „лезнымъ подтвердить лишній разъ высказанный принципъ. „Слова же о томъ, что не должно чиниться препятствій при пе- „реходѣ въ какую бы то ни было вѣру, въ особенности право- „славную, не нарушаютъ принципа свободы совѣсти; они только „подчеркиваютъ господствующее, первенствующее положеніе Пра- „вославной Церкви. Я съ особымъ удовольствіемъ могу удосто- „вѣрить предъ Гос. Думой, что эта редакція въ комиссіи прошла „большинствомъ голосовъ инославныхъ, иновѣрныхъ и сектант- скихъ" [1]). Думается мнѣ, что это объясненіе оправдываетъ нѣкоторое практическое значеніе этой статьи.

Къ разсматриваемому нами законопроекту, Св. Синодъ внесъ слѣдующія два добавленія: „1—установить обязанность: а) про- „изводить въ теченіе 40 дней отпадающему отъ православія „предварительное увѣщаніе не покидать исповѣдуемой имъ „религіи, при чемъ началомъ сего срока считать время, съ „коего приступлено было къ увѣщанію, и б) признавать лицо „перемѣнившимъ вѣру и фактически принятымъ въ новую вѣру „лишь по представленіи имъ удостовѣренія о безуспѣшности „увѣщанія; 2) установить, что нижніе воинскіе чины право- „славнаго исповѣданія, въ теченіе срока пребыванія ихъ на „дѣйствительной военной службѣ, не могутъ переходить въ другія „исповѣданія".

Представитель Вѣдомства Православнаго Исповѣданія въ засѣданіи комиссіи въ защиту перваго предложенія Св. Синода привелъ слѣдующіе доводы: „опытъ доказалъ дѣйствительность „увѣщанія и разъясненія священника въ случаяхъ недостаточно „обдуманнаго рѣшенія перемѣнить вѣру; удостовѣреніе о без- „успѣшности увѣщанія и непризнаніе до тѣхъ поръ отпавшаго „присоединеннымъ къ новому вѣроученію необходимо потому, что „безъ такого удостовѣренія не будетъ доказательствъ дѣйстви- „тельнаго производства увѣщанія; внесеніе въ свѣтскіе законы „общихъ положеній, опредѣляющихъ дѣятельность извѣстныхъ „лицъ или воспрещающихъ извѣстную дѣятельность религіоз- „наго характера, далеко не безполезно, ибо въ такомъ случаѣ „лица, къ коимъ предъявляются извѣстныя требованія, основан- „ныя на этихъ общихъ законоположеніяхъ, не устраняются отъ „ихъ выполненія, опасаясь, хотя бы въ видѣ возможности, при-

[1]) Стенограмма 22 мая 1909 г., засѣд. 116, стр. 1752.

„мѣпенія къ нимъ закона, налагающаго возмездіе за неиспол-
„неніе законныхъ требованій правительственныхъ органовъ; при
„неупоминаніи же въ свѣтскихъ законахъ объ увѣщаніи отпа-
„дающаго, послѣдній, при посѣщеніи его священникомъ съ
„цѣлью увѣщанія, можетъ выгнать его, а при существованіи
„означеннаго закона онъ не рѣшится сдѣлать это; введеніемъ
„такого требованія объ обязательности увѣщанія не отрицается
„значеніе нравственнаго авторитета духовнаго лица, а только
„приводится мысль, что этотъ авторитетъ долженъ быть подъ
„охраной закона; наконецъ установленный современной практи-
„кой мѣсячный срокъ для перехода изъ одного исповѣданія въ
„другое недостаточенъ и долженъ быть установленъ 40-дневный
„срокъ, при чемъ этотъ срокъ долженъ исчисляться со дня на-
„чала дѣйствительнаго увѣщанія, такъ какъ нерѣдко лица, по-
„кидающія православную вѣру, умышленно указываютъ невѣр-
„ное мѣстожительство и тѣмъ фактически лишаютъ возможности
„производить увѣщаніе въ теченіе предложеннаго періода вре-
„мени“. Не надо особой прозорливости, чтобы замѣтить, что это предложеніе Св. Синода открываетъ такой широкій просторъ для своеволія отдѣльныхъ духовныхъ лицъ, которое въ значительной степени можетъ ограничить дарованное благо свободы совѣсти. Во всякомъ случаѣ требованіе Св. Синода о томъ, чтобы священникъ удостовѣрялъ безплодность своего увѣщанія, или другими словами, выдавалъ себѣ „testimonium paupertatis“ свидѣтельство собственнаго духовнаго безсилія вызываетъ опасеніе, какъ бы дарованное право избирать вѣроученіе по велѣніямъ своей совѣсти не сошло на нѣтъ. Почувствовалъ это опасеніе и членъ Гос. Думы Булатъ, когда онъ, критикуя предложенія Св. Синода, сказалъ: „Вы, гг., только послушайте, что
„за дополненіе предлагаютъ относительно 40-дневнаго увѣщанія:
„установить обязанность производить въ теченіе 40 дней отпа-
„дающему отъ православія предварительное увѣщаніе—„теперь
„слушайте дальше“—при чемъ началомъ сего срока счи-
„тать время, съ коего приступлено будетъ къ увѣщанію. Но я спрашиваю васъ: а если г. православный батюшка,
„который держится такихъ воззрѣній, какъ еп. Евлогій и еп.
„Митрофанъ, никогда не будетъ приступать къ увѣщанію, что
„тогда будете дѣлать? Вы требуете, чтобы былъ 40-дневный
„срокъ съ того времени, какъ онъ приступитъ къ увѣщанію.
„Когда овечка будетъ молить, чтобы онъ приступилъ къ увѣ-
„щанію, а онъ все не приступаетъ, что же прикажете, къ суду
„его притянуть? Пора, молъ, срокъ увѣщевать. Дальше говорятъ:
„перейти можно въ другую вѣру только тогда, когда представишь
„удостовѣреніе. Ну, я спрашиваю васъ, гг., а если батюшка, ко-
„тораго, наконецъ, притянули приступить къ увѣщанію, потомъ
„скажетъ, что у меня, молъ, большой палецъ болитъ, я не буду
„писать удостовѣренія. Что же, прикажете опять итти въ судъ,
„прикажете доказывать судебнымъ приговоромъ, что уже увѣ-
„щаніе происходило? Итакъ, въ такомъ внесенномъ представи-
„телями церкви предложеніи нельзя не усмотрѣть замаскирован-

„ной проволочки, оттяжки и желанія отнять не мытьемъ, такъ „катаньемъ, у людей свободу совѣсти“ [1]).

Элементъ принудительности увѣщанія, который, несомнѣнно, имѣется въ предложеніи Св. Синода, единогласно былъ отвергнутъ вѣроисповѣдной комиссіей, но тѣмъ не менѣе меньшинство ея членовъ признавали цѣлесообразнымъ установить срокъ для увѣщанія отпадающаго, какъ мѣру „чисто пастырскаго воздѣйствія“. При этомъ они указывали „что, въ сколько-нибудь обширномъ приходѣ священникъ лишенъ возможности услѣдить за настроеніемъ и образомъ мыслей прихожанъ и воздѣйствовать на тѣхъ изъ нихъ, кои не тверды въ вѣрѣ и склонны перейти въ другія исповѣданія; это неудобство устранится, разъ будетъ „узаконено право производить увѣщаніе, ибо въ такомъ случаѣ „власти обязаны будутъ сообщить приходскому священнику о „лицахъ, заявившихъ намѣреніе перемѣнить вѣру. Будучи освѣ„домленнымъ, пастырь, не прибѣгая къ дальнѣйшему содѣйствію „властей, найдетъ способъ прибѣгнуть къ слову пастырскаго „вразумленія, а въ случаяхъ, гдѣ рѣшеніе перемѣнить вѣру „принято подъ давленіемъ окружающихъ, священникъ будетъ „огражденъ отъ ихъ противодѣйствія къ посѣщенію человѣка, „оставляющаго свою религію. Далѣе сторонники предоженія Св. „Синода указывали, что увѣщаніе не сведется на бумажную от„писку, что извѣстны случаи, когдя увѣщаніе имѣло должный „успѣхъ, что принужденіе и стѣсненіе свободы совѣсти не бу„дутъ имѣть мѣста, такъ какъ священникъ въ случаяхъ пере„хода по глубокому убѣжденію не станетъ настаивать на увѣ„щаніи и такъ какъ въ случаѣ невыдачи свидѣтельства о безу„спѣшности увѣщанія, переходъ въ другое исповѣданіе будетъ „считаться фактически совершившимся, по истеченіи 40 дней со „дня заявленія о желаніи перемѣнить вѣроисповѣданіе. Наконецъ, „во избѣжаніе всякаго стѣсненія свободы совѣсти, можно озна„ченный 40-дневный срокъ упразднить для лицъ тяжело боль„ныхъ и умирающихъ, сдѣлавъ соотвѣтствующую оговорку въ „самомъ законѣ“. Большинство членовъ комиссіи вмѣстѣ съ представителемъ М-ва Вн. Дѣлъ находило вообще предложеніе Св. Синода непріемлемымъ и въ защиту своего мнѣнія привело слѣдующіе доводы: „Установленіе срока между заявленіемъ о намѣ„реніи перемѣнить вѣру и признаніемъ перехода состоявшимся необ„ходимо, но разработка по этому предмету правилъ должна имѣть „мѣсто не при обсужденіи закона о правѣ избирать то или другое „исповѣданіе, а при разсмотрѣніи законопроекта о порядкѣ измѣне„нія актовъ гражданскаго состоянія лицъ, переходящихъ изъ одного „исповѣданія въ другое, и о регистраціи таковыхъ переходовъ“; „вопросъ о правилахъ, регулирующихъ переходъ изъ одного „вѣроисповѣданія въ другое, есть исключительно вопросъ реги„страціи и ему посвящено отдѣльное министерское представленіе, „какъ это явствуетъ изъ объясненій, приведенныхъ на 20 стр. „разсматриваемаго законопроекта, гдѣ указано, что „на мини-

[1]) Стенограмма 22 мая 1909 г., засѣд. 116, стр. 1805.

„стерствахъ Вн. Дѣлъ и Юстиціи лежитъ обязанность выработать „не обходимыя по этому предмету правила“ и что „соотвѣтствую- „щій проектъ правилъ будетъ въ самомъ непродолжительномъ „времени внесенъ въ Гос. Думу“. До установленія же особаго „закона остается въ силѣ циркуляръ М-ва Вн. Дѣлъ отъ 18 „августа 1905 г. за № 4628, устанавливающій такія регистраціон- „ныя правила, которыя, между прочимъ, имѣютъ въ виду „дать „возможность увѣщанія отпадающаго со стороны православнаго „духовенства“. Нѣтъ основанія вводить правила объ увѣщаніи „въ свѣтское законодательство, ибо охраненіе стойкости религі- „озныхъ убѣжденій вѣрующихъ относится къ пастырской дѣятель- „ности духовенства и только церковная, но не гражданская власть, „можетъ наложить на духовенство обязанность увѣщанія. Уста- „новленіе обязанности представлять свидѣтельство о безрезультат- „ности увѣщанія фактически умалитъ основныя начала Указа 17 „апрѣля и Манифеста 17 октября 1905 г. о свободѣ перехода изъ „одного исповѣданія въ другое и о свободѣ совѣсти, ибо духов- „ныя лица всѣхъ исповѣданій, считая свою религію истинной и „спасая души, съ ихъ точки зрѣнія, заблудшихся, не будутъ „выдавать установленныхъ свидѣтельствъ: также точно выдача „подобныхъ удостовѣреній будетъ нерѣдко намѣренно задержи- „ваться тѣми духовными лицами, коимъ непріятно уменьшеніе „числа ихъ прихожанъ. Обязанность выслушивать повторныя, въ „теченіе 40 дней, увѣщанія явится безцѣльнымъ стѣсненіемъ „свободы совѣсти лица, воспріявшаго окончательную рѣшимость „присоединиться къ избранной имъ религіи; колеблющійся же „относительно отпаденія отъ исповѣдуемой имъ религіи самъ „обратится за совѣтомъ къ своему духовному наставнику. Пред- „лагаемый порядокъ увѣщаній увеличитъ только количество пись- „менныхъ сношеній между различными агентами власти и, при „обремененіи нашего духовенства многими занятіями, сведется „къ простой формальной отпискѣ. Установленіе 40-дневнаго срока „для увѣщанія не имѣетъ значенія для духовнаго пастыря, ибо „отпавшаго, заблудшагося онъ обязанъ по долгу совѣсти, безъ „принужденія, съ его согласія, увѣщевать и вразумлять не 40 „дней, но всю его жизнь, до самой его смерти. Съ этой точки „зрѣнія для духовнаго пастыря всякіе сроки для увѣщанія из- „лишни; важно только, чтобы былъ установленъ извѣстный про- „межутокъ времени между заявленіемъ о намѣреніи перейти въ „другое исповѣданіе и признаніемъ такого перехода состоявшимся, „и чтобы административная власть была обязана сообщать духов- „ному пастырю о полученныхъ ею заявленіяхъ о переходѣ изъ „одного исповѣданія въ другое“.

Большинствомъ 17 противъ 16 голосовъ комиссія отвергла предложеніе Св. Синода и затѣмъ большинствомъ 17 противъ 16 нашла возможнымъ внести въ свѣтское законодательство слѣдую- ющій проектъ закона: „Переходъ изъ одного вѣроисповѣданія или „вѣроученія въ другое устанавливается (региструется) черезъ „40 дней со дня подачи заявленія переходящаго въ другое исповѣ- „даніе лица. Срокъ этотъ не примѣняется въ случаяхъ тяжелой

„болѣзни переходящаго". Въ Гос. Думѣ какихъ-нибудь новыхъ соображеній сравнительно съ приведенными высказано не было, если не считать аргументаціи Предсѣдателя Совѣта Министровъ, который, стоя на точкѣ зрѣнія интересовъ Православной Церкви, доказалъ неумѣстность подобной статьи закона въ свѣтскомъ законодательствѣ. По этому поводу Предсѣдатель Совѣта Министровъ объяснилъ, что вопросъ объ увѣщаніи не касается ни догматовъ, ни каноновъ Церкви и относится къ вопросамъ исключительно внутренняго церковнаго распорядка. „Я имѣлъ честь вамъ указать", продолжалъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, „что вопросы церковнаго устроенія получаютъ законодательное „разрѣшеніе въ другомъ, чисто автономномъ порядкѣ. Поэтому, „по мнѣнію правительства, такого рода правила могли бы полу„чить силу лишь въ порядкѣ ст. 65 Зак. Осн., въ силу которыхъ „Самодержавная власть въ дѣлѣ церковнаго управленія дѣй„ствуетъ черезъ Св. Правительствующій Синодъ, Ею учрежден„ный; поэтому включеніе этихъ правилъ въ гражданскія узако„ненія и проведеніе ихъ общимъ законодательнымъ порядкомъ „нанесло бы, какъ мнѣ кажется, ущербъ правамъ Православной „Церкви. Но возникаетъ вопросъ, не должно ли государство въ „порядкѣ содѣйствія господствующей церкви установить какія„нибудь карательныя нормы или гражданскія ограниченія для „тѣхъ лицъ, относительно которыхъ увѣщаніе оказалось безу„спѣшнымъ. Но едва ли, гг., дѣло исключительно пастырскаго, „исключительно нравственнаго воздѣйствія возможно связывать „съ какими-либо карательными мѣрами, едва ли эти карательныя „мѣры соотвѣтствовали бы и духу началъ вѣроисповѣдной сво„боды. Для меня совершенно ясно, что гражданская власть, по„лучивши отъ прихожанина заявленіе о желаніи перейти изъ „православія въ другое вѣроисповѣданіе, обязана немедленно „сообщить объ этомъ приходскому священнику; для меня оче„видно, что, въ силу существующихъ уже законовъ, граждан„ская власть должна ограждать отъ всякаго насилія, отъ вся„кихъ оскорбленій священнослужителя, исполняющаго свой долгъ „увѣщанія, но для меня совершенно также очевидно и безспорно, „что какія бы то ни было принудительныя мѣры по отношенію „къ уклоняющемуся противорѣчили бы духу началъ свободы вѣ„рованія. Поэтому правильно рѣшила комиссія, когда постано„вила не присваивать общимъ законодательнымъ учрежденіямъ „права регулировать чисто церковные вопросы, когда въ про„цессѣ отпаденія отъ православія она **оставила** промежуточный „срокъ, который можетъ быть, а по мнѣ и долженъ быть, за„полненъ въ порядкѣ законодательства церковнаго [1]). Надо полагать, что этими ни съ какой точки зрѣнія не опровергнутыми аргументами Главы Правительства руководилась и Гос. Дума, когда она при второмъ чтеніи законопроекта приняла предложеніе чл. Гос. Думы Волкова объ исключеніи статьи законопроекта, трактующей объ увѣщаніи.

---

[1]) Стенограмма 22 мая 1909 г., засѣданіе 116, стр. 1759.

II. Въ пользу второго дополненія, исходившаго отъ Св. Синода о запрещеніи нижнимъ воинскимъ чинамъ православнаго исповѣданія переходить въ другія вѣроисповѣданія, приводились слѣдующія соображенія: „такое запрещеніе не ограничи„ваетъ свободы совѣсти, а только временно пріостанавливаетъ „пользованіе правомъ перемѣнять религію, подобно тому какъ „пріостанавливается и пользованіе нѣкоторыми другими правами, „напр., правомъ участія въ политическихъ партіяхъ, правомъ „произнесенія рѣчей, печатанія статей, вступленія въ бракъ и „т. д.". Представитель Вѣдомства Православнаго Исповѣданія указывалъ, „что при узаконеніи этого запрещенія военные не „будутъ думать о перемѣнѣ вѣры, и, свободные отъ этихъ вол„нующихъ идей, военные болѣе легко предадутся исполненію „своихъ служебныхъ обязанностей. Такимъ образомъ, сохранится „религіозное настроеніе, благопріятствующее исполненію воен„ными своего долга,—защиты Царя, Родины и Православной „вѣры". Кромѣ того, Представитель Вѣдомства Православнаго Исповѣданія находилъ, что, въ случаѣ отклоненія предложенія Св. Синода, необходимо запретить переходъ военнымъ въ такія секты, которыя въ корнѣ отрицаютъ основы военной службы и не допускаютъ ношенія оружія. Большинство членовъ вѣроисповѣдной комиссіи признали и это второе предложеніе Св. Синода безусловно непріемлемымъ. По ихъ мнѣнію, „такое ограниче„ніе прежде всего нарушило бы наши историческія традиціи, „какъ онѣ установились, начиная съ Петра I-го. Уже въ своемъ „Манифестѣ отъ 16 апрѣля 1702 г. (П. С. З. 1910) Великій Осно„ватель могущественной русской арміи объявилъ всему міру, „что онъ, по дарованной Ему „отъ Всевышняго власти совѣсти „человѣческой, приневоливать не желаетъ и охотно предостав„ляетъ каждому христіанину на его отвѣтственности пещись „о блаженствѣ души своей". Потому Великій Государь даровалъ „право свободнаго исповѣданія всѣмъ иновѣрцамъ, находящимся „на военной службѣ, и гарантировалъ свободу совѣсти слѣдую„щимъ державнымъ словомъ: „итакъ, Мы крѣпко станемъ того „смотрѣть, чтобы по прежнему обычаю никто какъ въ своемъ „публичномъ, такъ и частномъ отправленіи богослуженія обез„покоенъ не былъ, но при ономъ содержанъ и противу всякаго „помѣшательства защищенъ былъ".

„Этотъ завѣтъ Петра Великаго долженъ сохранить свою „силу и на будущее время, ибо его отмѣна вызываетъ цѣлый „рядъ неблагопріятныхъ послѣдствій: солдаты, въ своей душѣ „уже отпавшіе отъ православія и принадлежащіе къ другому „вѣроученію, потерпятъ насиліе и принужденіе въ тѣхъ слу„чаяхъ, когда они, по правиламъ военной службы, должны бу„дутъ участвовать въ обрядахъ и таинствахъ, отвергаемыхъ ими; „они, такимъ образомъ, будутъ вынуждены къ притворству, „граничащему съ кощунствомъ. Распространеніе указаннаго „запрещенія на офицеровъ и классныхъ чиновъ военнаго вѣдом„ства поставитъ ихъ еще въ худшія условія, чѣмъ солдатъ, ибо „если послѣдніе въ теченіе 3—5 лѣтъ будутъ лишены свободы

„совѣсти, то первые не получатъ правъ, дарованныхъ Указомъ „17 апрѣля и Манифестомъ 17 октября 1905 г., почти во всю „свою жизнь. Ограниченіе, предложенное Св. Синодомъ, распро- „страняясь только на православныхъ, ставитъ ихъ въ худшее поло- „женіе сравнительно съ иновѣрцами и пагубно отразится на воин- „скомъ духѣ тѣхъ людей, которые будутъ лишены религіознаго „подкрѣпленія отъ духовнаго лица исповѣдуемой имъ вѣры въ „тѣ рѣшительныя минуты, когда солдатъ, исполняя свой долгъ, „обязанъ жертвовать жизнью. Наконецъ, упоминаніе запрещенія „военнымъ переходить въ такія секты, которыя не допускаютъ „ношенія оружія, отрицаютъ воинскую повинность, явится не- „нужнымъ повтореніемъ распоряженій дѣйствующаго закона: въ „настоящее время по Воинскому Уставу опредѣлена строгая кара для лицъ, отказывающихся отъ исполненія воинской повинности „по религіознымъ побужденіямъ, и нѣтъ основанія допускать, „что эта кара не сохранитъ своей силы и на будущее время, „такъ какъ въ законопроектѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ за „№ 1479 объ отмѣнѣ содержащихся въ дѣйствующемъ законода- „тельствѣ ограниченій въ зависимости отъ принадлежности къ „православнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ“, представленномъ „въ Государственную Думу, прежде всего установлено слѣду- „ющее основное положеніе: „никто не можетъ отказываться, въ „силу своихъ религіозныхъ убѣжденій, отъ исполненія граждан- „скихъ или политическихъ обязанностей, кромѣ случаевъ, точно „въ законѣ указанныхъ“ [1]).

Въ Гос. Думѣ не было приведено новыхъ оригинальныхъ соображеній въ пользу, либо въ опроверженіе предложенія Св. Синода; поэтому мы не будемъ цитировать ораторовъ, говорившихъ по этому поводу, но только пояснимъ, что по дѣйствующему закону надъ военными не тяготѣютъ тѣ ограниченія, которыя Св. Синодъ предлагаетъ установить. Затѣмъ нельзя не отмѣтить, что забота о наложеніи этихъ ограниченій на русское воинство исключительно исходитъ отъ Св. Синода. По крайней мѣрѣ ни въ Гос. Думѣ, ни въ вѣроисповѣдной комиссіи военное вѣдомство не представило никакихъ заявленій о необходимости внести въ наше законодательство новшество, предложенное Св. Синодомъ. Вѣроятно, это произошло вслѣдствіе того, что военные люди, лучше чѣмъ Св. Синодъ, знаютъ, что нужно для укрѣпленія и поддержанія воинскаго духа. Знакомые съ военной исторіей они не могли не знать, что предложеніе Св. Синода повторяетъ ту старую языческую мысль, которую еще въ 3 емъ вѣкѣ нашей эры, отстаивалъ правитель Цесарь Галерій, добившійся отъ Діоклетіана, чтобы изданъ былъ указъ, повелѣвавшій всѣмъ начальникамъ изъ христіанъ: или участвовать въ жертвоприношеніяхъ, или немедленно покинуть службу. Тогда языческіе охранители предполагали, что христіанство нарушаетъ единство духа въ войскѣ, Св. Синодъ предполагаетъ, что люди, призванные мужественно смотрѣть въ глаза смерти при защитѣ родины,

[1]) Докл. Вѣроисп. комиссіи, стр. 7 и 8.

нарушатъ единство воинскаго духа, если они будутъ честно и открыто слѣдовать велѣніямъ своей совѣсти. Однако военная исторія научаетъ тѣхъ, кто съ нею знакомъ, что люди разныхъ вѣръ умѣютъ дружно защищать свою отчизну и вмѣстѣ умирать за нее, безъ различія вѣроисповѣданія. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ одинъ примѣръ, который избавляетъ отъ ссылокъ на такіе историческіе факты, какъ на побѣдоносныя войска Константина Великаго, состоявшія изъ христіанъ и язычниковъ, какъ на армію Наполеона 1-го, на германскія войска, въ рядахъ коихъ смѣшаны лютеране и католики и т. д. Нашъ примѣръ взятъ изъ послѣдней русско японской войны, Извѣстно, что въ рядахъ японскаго войска были солдаты, обращенные въ православіе нашимъ духовенствомъ. Однако принятіе вѣры своихъ враговъ не помѣшало православнымъ японцамъ сражаться съ такимъ же энтузіазмомъ и храбростью, какую обнаружили и ихъ соплеменники, не просвѣщенные христіанствомъ. Такимъ образомъ, присутствіе въ японской арміи лицъ разныхъ вѣръ и лицъ, которыя могли даже во время военныхъ дѣйствій переходитъ изъ одной вѣры въ другую, нисколько не мѣшало держаться воинскому духу на должной высотѣ.

Имѣя въ виду всѣ вышесказанныя данныя, приведенныя вѣроисповѣдной комиссіей и обнаружившія полную несостоятельность предложенія Св. Синода, принявшаго на себя роль военнаго вѣдомства, мы не затруднимся понять, почему какъ вѣроисповѣдная комиссія, такъ и Гос. Дума подавляющимъ большинствомъ голосовъ отвергла мысль о лишеніи военныхъ тѣхъ правъ, которыми пользуется населеніе Имперіи.

Въ заключеніе приведемъ текстъ статей и постановленій Гос. Думы по разсмотрѣнному законопроекту.

1 ст. Каждому лицу, достигшему 21 года, предоставляется право преходить во всякое вѣроисповѣданіе или вѣроученіе, принадлежность къ коему не наказуема въ уголовномъ порядкѣ.

2 ст. Лицамъ, достигшимъ 14-тилѣтняго возраста, означенное право (ст. 1) предоставляется съ разрѣшенія тѣхъ лицъ, на которыхъ лежитъ попеченіе о личности несовершеннолѣтняго (родителей, усыновителей, попечитей, опекуновъ).

3 ст. Родители, или тотъ изъ нихъ, на которомъ лежитъ попеченіе о личности малолѣтняго, не достигшаго 14-ти лѣтъ, опредѣляетъ его вѣроисповѣданіе.

4 ст. Съ переходомъ въ установленномъ закономъ порядкѣ въ другое вѣроисповѣданіе или вѣроученіе прекращаются взаимныя права и обязанности между церковью или религіознымъ обществомъ, съ одной стороны, и отпавшими отъ оныхъ, съ другой.

5 ст. Лицамъ, желающимъ присоединиться къ другому вѣроисповѣданію или вѣроученію, принадлежность къ коему не наказуема въ уголовномъ порядкѣ, а тѣмъ болѣе къ православной вѣрѣ, никто ни подъ какимъ видомъ не долженъ препятствовать въ исполненіи сего желанія.

6 ст. Всѣ заявленія, прошенія и другія бумаги по дѣламъ

о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія или вѣроученія въ другое освобождаются отъ гербоваго сбора.

II. Отмѣнить: Устава о прямыхъ налогахъ (Свод. Зак. т. V, изд. 1903 г.) статьи: 603 (по прод. 1906 г.) и 605—607; Законовъ о состояніяхъ (Свод. Зак. т. IX, изд. 1899 г.) статьи: 776 (примѣчаніе) и 777; Положенія о башкирахъ (Свод. Зак. т. IX, особ. прил. изд. 1902 г., кн. VII), статью 166 (примѣчанія 1 и 2); Уставовъ иностранныхъ исповѣданій (Свод. Зак. т. XI, ч. 1, изд. 1896 г.) статьи: 6 (по прод. 1906 г.), 7 и приложеніе къ ней (по Своду), 8 (по прод. 1906 г.), 11, 277, 553 (п. 7 по прод. 1906 г.), 779 (примѣчаніе къ сей статьѣ по прод. 1906 г. остается въ силѣ), 809 (примѣчаніе къ сей статьѣ по прод. 1906 г. остается въ силѣ), 810—814, 1141 (пунктъ 16), и Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (Свод. Зак. т. XIV, изд. 1890 г.) статьи: 43 и 54.

III. Исключить: Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (Свод. Зак. т. XIV, изд. 1890 г.) статьи: 55,58, примѣчаніе къ статьѣ 70 и приложеніе къ нему (по Своду и по прод. 1906 г.).

Ст. 78 и 93 п. 1 Угол. Ул. 1903 года въ цѣляхъ объединенія работы по пересмотру всей главы Уг. Ул. о религіозныхъ преступленіяхъ выдѣлить изъ настоящаго законопроекта и перенести ихъ въ законопроектъ объ отношеніи государства къ отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ.

Суждено ли будетъ этому законопроекту стать дѣйствующимъ закономъ или не суждено—это обстоятельство рѣшающаго практическаго значенія не имѣетъ: Указъ 17 апрѣля, Манифестъ 17 октября 1905 года, 81 ст. основн. законовъ, гарантирующіе свободу совѣсти, не будутъ вычеркнуты вмѣстѣ съ отверженіемъ законопроекта. Новая эра „обновленія нравственнаго облика земли русской“ не можетъ быть отмѣнена, несмотря ни на какія потуги реакціи. Драгоцѣнное моральное благо для вѣрующихъ людей имѣть въ своей религіи убѣжище чистой совѣсти, находить въ своей церкви мѣсто, гдѣ человѣкъ стоитъ предъ Богомъ съ открытой душой безъ всякихъ сдѣлокъ со своими убѣжденіями,—этого блага населеніе Россійской Имперіи не лишится. Оно ими пользуется уже 4 года и никто не рѣшится на нихъ посягнуть. Правда, пользованіе ими сопровождается нерѣдко недоразумѣніями, ненужными затрудненіями, вслѣдствіе нѣкоторыхъ неясностей и недомолвокъ закона, которыя Гос. Дума, принимая разсмотрѣнный законопроектъ, стремилась устранить. Отверженіе законопроекта сохранить только эти неясности, эти недомолвки, и то, что теперь можетъ быть достигнуто принятіемъ закона, отвѣчающимъ требованіямъ жизни, будетъ достигнуто принятіемъ закона, отвѣчающимъ требованіямъ жизни, будетъ достигнуто самымъ ходомъ жизни, переполненной страданіями, недовольствомъ, столкновеніемъ власти съ мирнымъ населеніемъ. Но, повторяю, принципъ свободы совѣсти останется навсегда нерушимымъ; пользуясь прекрасными словами Предсѣдателя Совѣта Министровъ П. А. Столыпина, мы можемъ утверждать: „въ предѣлахъ нашего русскаго православнаго государства уже зажженъ свѣточъ вѣроисповѣдной свободы совѣсти“.

Болѣе важно принятіе или непринятіе законопроекта, облекающаго въ законныя нормы установленный принципъ свободы совѣсти, какъ показатель способности или неспособности нашихъ законодательныхъ учрежденій подняться до высоты идей, заложенныхъ въ томъ Высочайшемъ Манифестѣ, коимъ открывается новая эра русской исторической жизни. Явятся-ли наши законодательныя палаты правдивыми, открытыми проводниками этихъ идей въ жизнь? Поймутъ ли онѣ, что всякія увиливанія, трусливости, недомолвки въ такой же мѣрѣ, какъ и открытый походъ противъ этихъ идей, тормозятъ мирный процессъ развитія общественной жизни? Это тѣ вопросы, которые продолжаютъ волновать разные слои общества. Вотъ почему принимая или отвергая законопроекты, осуществляющіе начала Манифеста 17 окт. 1905 года законодательныя учрежденія прежде всего, какъ справедливо указалъ членъ Гос. Думы Гучковъ, „выносятъ приговоръ себѣ“ и тотъ приговоръ, который они вынесутъ себѣ при голосованіи вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ „подпишетъ имъ и исторія“ [1]). Надѣемся, что это будетъ приговоръ благопріятный.

**П. В. Каменскій.**

---

[1]) Стенограмма 15 мая 1909 года, зас. 113.